

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

На правах рукописи

Зубцов Александр Александрович

**Уголовно-правовое противодействие
организации финансовых пирамид и участию в них**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Яни Павел Сергеевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА: ПОНЯТИЕ, КОМПАРАТИВИСТСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	22
§ 1. Финансовая пирамида как вид незаконной деятельности в сфере экономики	22
§ 2. Юридическая ответственность за организацию финансовых пирамид и участие в них в отдельных зарубежных странах	33
§ 3. Развитие уголовного законодательства об ответственности за организацию финансовых пирамид и участие в них в Российской Федерации	57
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА	74
§ 1. Объективные признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	74
§ 2. Субъективные признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	108
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА (СТ. 172² УК РФ) И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД	128
§ 1. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172 ² УК РФ) и мошенничество: проблемы разграничения и совокупности преступлений	128
§ 2. Организация финансовой пирамиды и участие в ней: разграничение единичного продолжаемого преступления и совокупности противоправных действий	143
§ 3. Совершенствование нормы об уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	164

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	176
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 «Результаты анкетирования»	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В последние годы неуклонно растет число субъектов (организаций, проектов и т.д.) с признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. По данным Банка России, в 2020 г. выявлено 1549 таких субъектов, из них – 222 с признаками финансовой пирамиды, когда предоставление имущественной выгоды одним вкладчикам обеспечивается исключительно или преимущественно за счет активов, привлеченных от других. В 2021 г. показатель вырос больше чем на 70 %: всего было установлено 2679 указанных субъектов, из них – 871 с признаками финансовой пирамиды (то есть в 3,5 раза больше по сравнению с 2020 г.)¹. В 2022 г. Банком России выявлено еще больше субъектов с признаками финансовой пирамиды – 2017².

Конституция Российской Федерации³ называет человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту этих прав и свобод – обязанностью государства (ст. 2). Среди основных экономических прав человека и гражданина Конституция Российской Федерации выделяет право частной собственности, которое охраняется законом (ч. 1 ст. 35). Крайним (исключительным) средством реагирования государства на факты противоправных посягательств на собственность является Уголовный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), одной из задач которого выступает охрана собственности от преступных посягательств (ст. 2).

Финансовые пирамиды являются одной из наиболее существенных угроз экономической безопасности государства⁵. Они не только оказывают негативное

¹ См.: годовой отчет Банка России за 2021 г., утв. Советом директоров Банка России 8 апреля 2022 г. // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf.

² См.: годовой отчет Банка России за 2022 г., утв. Советом директоров Банка России 28 марта 2023 г. // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43872/ar_2022.pdf.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – Собрание законодательства РФ). 17 июня 1996 г. №25. Ст. 2954.

⁵ См., напр.: Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2022. С. 70; Зубарева А.М. Механизм

влияние на финансовый рынок, подрывают доверие к финансовым институтам, но и влекут потерю сбережений значительной части населения, что приводит к социальной напряженности в государстве. Поэтому подобная динамика увеличения числа финансовых пирамид вызывает озабоченность населения, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в средствах массовой информации, правоохранительных органов и публичной власти в целом.

По оценкам Банка России, активно противодействующего недобросовестным практикам на финансовом рынке⁶, во взаимодействии с правоохранительными органами, потери граждан от вложений в финансовые пирамиды составили в 2022 г. порядка 5-6 млрд рублей. Однако годом ранее, когда была разоблачена деятельность псевдоинвестиционного проекта «Finiko», ущерб от вложений только в эту пирамиду превысил 5 млрд рублей⁷. Все это позволило средствам массовой информации утверждать, что Российская Федерация переживает очередную волну «строительства» финансовых пирамид⁸, и актуализировало дискуссию о достаточности у компетентных органов инструментария (в том числе уголовно-правового) для борьбы с этим негативным явлением.

К основным уголовно-правовым средствам противодействия финансовым пирамидам следует отнести уголовно-правовые запреты, установленные в ст. 159 «Мошенничество» и ст. 172² «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» УК РФ. Однако квалификация

противодействия теневой экономической деятельности, совершаемой с использованием финансовых пирамид: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб. 2017. С. 17; Чернова В.В. Экономическая безопасность Российской Федерации: противодействие «финансовым пирамидам» // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №1. С. 120-123.

⁶ В структуре регулятора до недавнего времени имелся специальный департамент с соответствующим наименованием. После упразднения департамента противодействия недобросовестным практикам его полномочия в части противодействия финансовым пирамидам с 1 октября 2023 г. переданы департаменту микрофинансового рынка. См.: Банк России совершенствует работу по противодействию недобросовестным практикам на финансовом рынке: пресс-релиз от 23 июня 2023 г. // URL: <https://www.cbr.ru/press/pr/?file=638231400428848539OBAUT.htm>.

⁷ Шелудченко С. ЦБ оценил потери россиян от вложений в пирамиды в 6 млрд рублей // Ведомости. 9 февраля 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/02/09/962374-poteri-rossiyan-ot-vlozhenii-v-piramidi/>.

⁸ См., напр.: Загорский А. Пирамиды приманивают инвестиции // Коммерсантъ, 19 февраля 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5227430/>.

деяний по указанным статьям вызывает немалые трудности, существенно ослабляющие эффективность такого противодействия.

Основная проблема правоприменения носит концептуальный характер и порождена неудачной редакцией диспозиции нормы, предусмотренной в ст. 172² УК РФ. В дополнении уголовного закона рассматриваемой нормой ряд теоретиков и практиков видят способ усиления ответственности организаторов финансовых пирамид, обманным образом завладевающих чужими денежными средствами или иным имуществом, что обуславливает необходимость квалификации соответствующих деяний по совокупности с хищением⁹. Другие ученые и правоприменители выражают взгляд на этот запрет сугубо как на специальный случай мошенничества¹⁰, что исключает вменение названной совокупности и требует применения ч. 3 ст. 17 УК РФ. Получил распространение и подход, согласно которому норма, предусмотренная в ст. 172² УК РФ, представляет собой средство противодействия лишенным признаков обмана пирамидам, организаторы и участники которых не прибегают к введению вкладчиков в заблуждение относительно сущности соответствующего финансового проекта, что не позволяет считать указанные действия организаторов и участников мошенничеством или каким-либо видом неоконченного деяния, направленного на совершение мошенничества¹¹. Причем проблема неоднозначного понимания содержания запрета существует наряду с той не лишенной оснований позицией, что норма о мошенничестве не предназначена для борьбы с финансовыми пирамидами в принципе (по соображениям, касающимся объекта посягательства и признаков субъективной стороны).

⁹ Из числа опрошенных сотрудников Банка России и адъюнктов Академии управления МВД России так полагают, соответственно, 46,7 % и 53,6 % (см. приложение 1 к диссертационному исследованию).

¹⁰ Из числа опрошенных сотрудников Банка России и адъюнктов Академии управления МВД России за этот вариант высказались, соответственно, 32,7 % и 21,4 % (см. приложение 1 к диссертационному исследованию).

¹¹ Для краткости изложения в тексте настоящего диссертационного исследования такие финансовые пирамиды именуется также «добросовестными». Однако такая характеристика не свидетельствует, что подобные пирамиды лишены общественной опасности и не причиняют вреда охраняемым уголовным законом отношениям, а говорит лишь о том, что организаторы и участники таких пирамид не вводят вкладчиков в заблуждение относительно целей привлечения денежных средств и (или) иного имущества. Термин «добросовестность» для характеристики лишенных признаков обмана финансовых пирамид можно встретить в работах других авторов (см. напр.: Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. СПС «КонсультантПлюс»).

В период с 2016 по 2020 гг. по ст. 172² УК РФ осуждено 20 лиц, причем наибольшее число осужденных приходится на 2017 г. – 12 человек¹². После того как высший судебный орган занял, по сути, третью из приведенных позиций, согласно которой ст. 172² УК РФ криминализированы исключительно лишенные признаков обмана финансовые пирамиды, применение нормы начало сходиться на нет: в 2021 г. по данной статье не было осуждено ни одного человека. Однако это стало поводом для попытки – пока безуспешной – реанимировать норму, изложив иначе диспозицию и подняв максимальный предел наказуемости за рассматриваемое деяние до 12 лет лишения свободы как за особо тяжкое преступление¹³. Произошли подвижки и в судебной практике, после непродолжительного затишья в 2022 г. по ст. 172² УК РФ осуждены 6 человек.

В рамках дискуссии о предназначении анализируемой нормы представляет интерес судебная практика Республики Казахстан, где отдельная норма об уголовной ответственности за создание и руководство финансовой пирамидой охватила случаи, которые раньше квалифицировались как мошенничество.

Отмеченное предопределяет высокую степень актуальности темы настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования

Отдельного диссертационного исследования, посвященного проблемам уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам, до сих пор не проводилось. Некоторые вопросы рассмотрены в диссертациях Е.В. Мысловского и В.Ю. Белицкого¹⁴. Однако работа первого юриста в основном посвящена криминологическим, а второго – криминалистическим аспектам соответствующей проблематики. Уголовно-правовой характеристике и некоторым проблемам квалификации уделено недостаточно внимания, причем только сквозь призму

¹² См. статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме №10-а // URL: <http://www.cdep.ru/>.

¹³ См., напр.: В Госдуме предлагают конфискацию имущества и до 12 лет тюрьмы за создание финансовых пирамид // Интерфакс, 13 апреля 2023 г.. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895883/>

¹⁴ Мысловский Е.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы современных нетрадиционных форм мошенничества: на примере «финансовых пирамид» «МММ», «Русский дом селенга», «Тибет», «Хопер»: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Елец, 2003. 305 с.; Белицкий В.Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09. Барнаул, 2008. 239 с.

нормы о мошенничестве, поскольку диссертации защищены до появления в уголовном законе самостоятельного запрета, предусмотренного ст. 172² УК РФ.

Отдельные вопросы уголовно-правовой оценки действий лиц, причастных к организации и участию в финансовых пирамидах, освещались в трудах отечественных исследователей проблем квалификации экономических (хозяйственных, финансовых) преступлений. К их числу можно отнести, в частности, М.Г. Жилкина, И.А. Клепицкого, А.А. Коренную, Н.А. Лопашенко, А.Н. Ляско, С.Ф. Мазура, П.С. Яни.

После дополнения уголовного закона ст. 172² исследовательский интерес к вопросам уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам оживился, о чем свидетельствует появление в юридических периодических изданиях целого ряда научных статей по соответствующей проблематике. К ним, в частности, относятся работы В.Ф. Антонова, А.Я. Асниса, Е.Н. Бархатовой, А.В. Быкова, А.А. Вакутина, А.В. Зарубина, С.В. Расторопова, А.Ю. Сердюк, В.И. Тюнина, А.В. Харькова.

Однако в этих работах освещены далеко не все проблемы уголовно-правовой оценки создания и функционирования финансовых пирамид, что свидетельствует о необходимости проведения соответствующего диссертационного исследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере уголовно-правового противодействия организации финансовых пирамид и участию в них, осуществляемого посредством прежде всего ст. 159 «Мошенничество» и ст. 172² «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» УК РФ.

К объекту также относятся вопросы истории развития, современного состояния и направлений совершенствования (в том числе с учетом зарубежного опыта) средств уголовно-правового противодействия организации финансовых пирамид и участию в них, проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159 и 172² УК РФ, в частности, разграничения их по субъективным и объективным признакам, а также вопросы наличия в

неоднократных фактах привлечения денежных средств и (или) иного имущества в финансовую пирамиду признаков единичного преступления или совокупности уголовно наказуемых деяний.

Предметом исследования являются непосредственно связанные с объектом положения уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающие ответственность за организацию финансовых пирамид и участие в них; гражданское законодательство Российской Федерации, федеральные законы, регламентирующие вопросы привлечения денежных средств и (или) иного имущества; правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительная практика и научные публикации по вопросам применения норм уголовного законодательства в отношении случаев организации финансовых пирамид и участия в них.

Целью исследования является разработка проблемы уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам и участию в них с выработкой научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию российского уголовного закона и практики его применения для повышения эффективности уголовно-правового запрета организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решение следующих **задач**:

- установить перечень отличительных признаков финансовой пирамиды и предложить авторскую дефиницию данного явления;

- изучить зарубежный опыт противодействия финансовым пирамидам и дать характеристику наиболее известным подходам к правовой оценке финансовых пирамид, оценить возможность учета данного опыта для совершенствования отечественных уголовно-правовых норм и практики их применения;

- рассмотреть развитие уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в Российской Федерации, предпосылки введения причины

самостоятельного уголовно-правового запрета организации финансовых пирамид и основания для дальнейшего совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с этим негативным проявлением;

- провести анализ субъективных и объективных признаков организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества на предмет наличия правотворческих и правоприменительных проблем (в том числе в части разграничения со смежными составами преступления), сформировать и аргументировать собственную позицию по спорным аспектам указанных вопросов;

- рассмотреть вопросы уголовно-правовой оценки участия в осуществлении деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества;

- исследовать наиболее актуальные проблемы квалификации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества и мошенничества, предложить рекомендации по совершенствованию практики применения уголовно-правовых средств противодействия финансовым пирамидам;

- выработать рекомендации, направленные на совершенствование уголовно-правового запрета организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Методологическую основу образует комплексное применение всеобщего, ряда общенаучных и частнонаучных методов, использование которых обусловлено объектом исследования. Применение диалектического метода определено связью и взаимообусловленностью теории и практики. Использование ряда логических методов, таких как анализ и синтез, позволило определить понятие и признаки финансовой пирамиды, рассмотреть отдельные признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, выявить из них те, которые затрудняют применение запрета. Историко-правовой метод позволил в ретроспективе взглянуть на развитие уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в России. Сравнительно-правовой метод позволил по результатам анализа законодательства

и судебной практики США оценить возможность использования применяемых в этом государстве подходов к оценке пирамидальных схем, а также учесть опыт построения самостоятельного уголовно-правового запрета финансовых пирамид в зарубежных странах. Причем использование сравнительно-правового метода сопровождалось применением лингвистического по причине необходимости перевода законодательства, судебных решений и научных трудов с английского языка. Конкретно-социологический метод был использован при обработке эмпирических данных, собранных путем анкетирования, а статистический – для подсчета и демонстрации количественных показателей.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных ученых (таких как В.Н. Винокуров, П.С. Дагель, А.М. Зацепин, Г.А. Злобин, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Е. Крылова, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Н. Кулагин, А.В. Наумов, Б.С. Никифоров, К.В. Ображиев, А.И. Рарог, С.В. Скляр) об основах квалификации преступлений и об отдельных элементах состава преступления.

В основу исследования легли также труды отечественных ученых (в частности, Л.С. Аистовой, О.В. Белокурова, А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, В.В. Векленко, В.Н. Волженкина, М.Г. Жилкина, А.И. Клепицкого, Г.А. Кригера, Н.А. Лопашенко, П.С. Яни) по вопросам правовой оценки преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности.

Теоретическую базу диссертации также образуют научные статьи российских и зарубежных исследователей (таких как В.Ф. Антонов, А.Я. Аснис, Е.Н. Бархатова, А.В. Быков, А.А. Вакутин, А.В. Зарубин, С.В. Расторопов, А.Ю. Сердюк, В.И. Тюнин, А.В. Харьков, Mark Batton, Douglas C. Dodge, Branislav Hock, Corey Matthews, Tibor Tajti, Eric Witiw) по вопросам уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам и правовой оценке этого негативного для экономики проявления.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- результаты анализа находящихся в открытом доступе на сайтах судов и справочных правовых систем 75 судебных актов по уголовным делам (58

судебных актов по вопросам применения ст. 159 и 172² УК РФ в отношении организаторов и участников финансовых пирамид, а также 17 судебных актов по иным статьям (171, 172 и пр.) УК РФ, содержащих имеющие значение для исследуемой проблематики правовые позиции), вынесенных Верховным Судом Российской Федерации и нижестоящими российскими судами преимущественно за 2015-2023 гг.;

- результаты изучения федерального уголовного законодательства США и отдельных североамериканских штатов (Калифорнии, Техаса, Массачусетса), уголовного законодательства Канады, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Республики Узбекистан, устанавливающего ответственность за организацию финансовых пирамид и участие в них, законодательства США о ценных бумагах (Закон о ценных бумагах 1933 г., Закон об обороте ценных бумаг 1934 г.), законодательства США недобросовестной коммерческой деятельности США (Закон о Федеральной торговой комиссии 1914 г.);

- результаты анализа находящихся в открытом доступе на сайтах иностранных судов и зарубежных справочных правовых систем решения правоприменительных органов США, Канады, Республики Казахстан по вопросам правовой оценки действий организаторов и участников финансовых пирамид (подробно исследовано 23 судебных акта федеральных судов США, 26 судебных актов судов отдельных североамериканских штатов, 4 решения Федеральной торговой комиссии – по наиболее резонансным делам США; 5 решений по уголовным делам судов Канады; 5 судебных актов по ст. 217 Уголовного кодекса Республики Казахстан¹⁵) преимущественно за 2015-2023 гг.;

- постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации;

- постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (в том числе утратившие силу постановления Пленума Верховного Суда РСФСР и

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 20 мая 2023 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13 (2662). Ст. 83. Упомянутая статья уголовного закона предусматривает ответственность за создание финансовой пирамиды и руководство ею.

Верховного Суда СССР), а также утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзоры судебной практики;

- постановления Европейского Суда по правам человека;

- проекты законов и официальные документы по законопроектной деятельности Российской Федерации (пояснительные записки, официальные отзывы и пр.);

- статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (по числу осужденных по конкретным составам преступления и пр.);

- результаты анкетирования 107 сотрудников Банка России и 28 адъюнктов Академии управления МВД России в рамках V Всероссийского онлайн-семинар по актуальным вопросам экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений экономической направленности в условиях цифровой трансформации (совершенных организациями финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид»), состоявшегося 27 октября 2021 г. на базе Академии управления МВД России (г. Москва);

- материалы средств массовой информации по исследуемой проблематике.

Нормативная база исследования включает Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Гражданский кодекс Российской Федерации, регламентирующие привлечение денежных средств и (или) иного имущества федеральные законы, подзаконные акты, связанные с исследуемой проблематикой.

Научная новизна диссертации определяется тем, что она является первым монографическим исследованием, проведенным на основе новейшего уголовного законодательства Российской Федерации и актуальной судебной практики, уголовно-правовых средств противодействия организации финансовых пирамид и участию в них; содержит авторские определения ключевых признаков и понятий состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172² УК РФ), а также обладающее новизной авторское

обоснование решения проблемы определения сферы применения уголовно-правового запрета организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества в системе средств уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам с выработкой рекомендаций по совершенствованию российского уголовного закона и практики его применения для повышения эффективности уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам.

Основными научными результатами исследования, определяющими его новизну, также являются:

- внесение научного вклада в разработку вопросов квалификации организации финансовых пирамид и участия в них с обоснованием критического взгляда на ряд признаков состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172² УК РФ);

- научно обоснованные, обладающие новизной авторские рекомендации по совершенствованию уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 172² УК РФ;

- основанные на полученных теоретических результатах и анализе обширного массива судебных решений предложения по совершенствованию практики применения уголовно-правовых средств противодействия финансовым пирамидам;

- введение в отечественный научный оборот новой информации, содержащейся в зарубежных научных исследованиях, не издававшихся на русском языке, по вопросу используемых в иностранных правовых системах средств уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам.

Более конкретно новизна диссертационного исследования выражена в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Понятие финансовой пирамиды (пирамидальной схемы деятельности) охватывает деятельность по привлечению имущества физических и (или) юридических лиц (вкладчиков) под обещание возможности получения ими в будущем значительной выгоды имущественного характера, осуществляемая в целях использования привлекаемого имущества для исполнения принятых

имущественных обязательств перед другими вкладчиками, то есть заведомо не для создания источника, необходимого для обеспечения исполнения принятых имущественных обязательств в полном объеме и формируемого посредством использования привлекаемого имущества в инвестиционной, предпринимательской или иной приносящей доход деятельности. Обращение к вкладчикам с предложением о передаче имущества может сопровождаться как сообщением об истинных целях использования привлекаемого имущества, так и обманом относительно таких целей. Во втором случае содеянное образует состав мошенничества.

2. В развитии уголовно-правового противодействия организации финансовых пирамид и участию в них в Российской Федерации можно выделить следующие этапы: 1) приспособление привычного уголовно-правового инструментария (в первую очередь, адаптация в 90-х гг. прошлого столетия нормы об ответственности за мошенничество к ранее не встречавшемуся явлению); 2) возникновение предпосылок к появлению самостоятельного уголовно-правового запрета, его выработка и принятие; 3) решение концептуальной проблемы о сфере применения появившегося запрета в ст. 172² УК РФ. К настоящему моменту последний из указанных этапов не завершен, о чем свидетельствует попытка реформирования нормы на основе опыта Республики Казахстан, где подобный уголовно-правовой запрет охватил случаи, ранее оцениваемые как мошенничество. Подход казахстанского законодателя не может быть поддержан, поскольку он подразумевает, что в рамках одной нормы равно наказуемыми оказываются действия, отличающиеся по характеру и степени общественной опасности: организация как обманной, так и лишенной признаков обмана финансовой пирамиды.

3. Стремление законодателя Российской Федерации противодействовать финансовым пирамидам на самых ранних этапах их создания и функционирования и отказ от конструирования соответствующего состава преступления с указанием на цель хищения имущества вкладчиков для облегчения правоприменителю доказывания наличия в действиях организаторов

финансовых пирамид состава преступления привело в действительности к отнесению состава организации финансовых пирамид не к хищениям (гл. 21 УК РФ), а к преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), которые исключают цель хищения. В результате такого законодательного решения область применения ст. 172² УК РФ становится узкой и исключает действия, направленные на противоправное, безвозмездное изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или пользу других лиц. При установлении данной цели и прерванности деяния по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного лица, последнее должно нести ответственность за приготовление к хищению (при подготовке к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления), либо за покушение на него, но не за преступление в сфере экономической деятельности.

4. Сформированные в отечественной уголовно-правовой науке и судебной практике представления о мошенническом обмане и злоупотреблении доверием не позволяют квалифицировать организацию финансовой пирамиды как мошенничество *per se* только лишь на основании выстраивания пирамидальной структуры. Квалификация организации финансовой пирамиды как мошенничества должна осуществляться в тех случаях, когда выстраивание такой структуры сопровождается обманом и введением вкладчиков в заблуждение относительно того, что цель использования привлекаемого имущества состоит не в исполнении имущественных обязательств перед другими вкладчиками, а якобы в направлении данного имущества на осуществление инвестиционной, предпринимательской или иной приносящей доход деятельности, способной обеспечить принятые обязательства. Вместе с тем сообщение вкладчику сведений о том, что полученное от него имущество будет использовано в финансовой пирамиде, не исключает наличие мошеннического обмана, если при передаче имущества происходит введение вкладчика в заблуждение относительно вероятности получения им дохода или иной выгоды либо поддержание уже сформированного заблуждения относительно данного обстоятельства путем

умолчания виновными о невозможности продолжения исполнения обязательств в финансовой пирамиде.

5. Под деятельностью по привлечению денежных средств и (или) иного имущества по смыслу ст. 172² УК РФ понимается обращение к конкретному лицу или неопределенному кругу лиц с предложением о передаче этого имущества лицу, организовавшему такую деятельность или участвующему в ее осуществлении, либо организации, которую последние представляют, а также получение этого имущества указанными лицами либо организацией.

Под организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества понимаются действия, направленные на начало ее осуществления, а также на продолжение, возобновление и (или) расширение такой деятельности (регистрация юридического лица, набор персонала, аренда помещений, материально-техническое обеспечение и пр.), а также руководство данной деятельностью.

Участие в осуществлении деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества при осведомленности о содействии увеличению числа вкладчиков и расширению масштаба преступной деятельности должно получать оценку по соответствующей части ст. 172² со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ как пособничество по признаку устранения препятствий для совершения преступления.

6. Установление признака сопоставимости объемов привлеченных денежных средств и (или) иного имущества и деятельности по их использованию предполагает оценку ожидаемой доходности, позволяющей покрыть принятые обязательства. Это требует от правоприменителя прибегать к моделированию возможных событий при вменении предусмотренного соответствующей частью ст. 172² УК РФ состава преступления в том случае, если при организации привлечения денежных средств и (или) иного имущества инвестиционная, предпринимательская или иная экономическая деятельность все же велась. Поскольку при оценке сопоставимости объемов привлеченных денежных средств и (или) иного имущества и деятельности по их использованию у виновного в силу

рискового характера предпринимательской деятельности нет возможности точно спрогнозировать ее результативность, то в отсутствие установленных законом нормативов достаточности капитала для исполнения принятых обязательств по выплате дохода или предоставлению иной выгоды создается риск объективного вменения анализируемого состава преступления лицу, которое намеревалось и имело реальную возможность, пусть и с нарушением сроков, исполнить обязательства. В связи с этим признак сопоставимости объемов привлеченных денежных средств и (или) иного имущества и деятельности по их использованию следует исключить из диспозиции ст. 172² УК РФ.

7. Финансовая пирамида исключает возможность исполнения обязательств перед всеми ее вкладчиками, что при наличии обмана со стороны организатора или участника финансовой пирамиды относительно целей использования переданного имущества с неизбежностью влечет причинение вкладчикам ущерба. Предвидение неизбежности причинения такого ущерба свидетельствует о желании наступления соответствующих общественно опасных последствий, что означает наличие у виновного прямого умысла. Желание организатора финансовой пирамиды наряду с причинением ущерба исполнить обязательства перед некоторыми вкладчиками для вуалирования преступной деятельности и расширения ее масштабов не свидетельствует о наличии косвенного умысла, не исключает корыстной цели и не препятствует квалификации действий как хищения. С учетом этого встречающуюся на практике квалификацию, когда при указанных обстоятельствах в действиях организатора финансовой пирамиды судом не усматривается прямой умысел на причинение ущерба и корыстная цель, в силу чего ответственность наступает по соответствующей части ст. 172² УК РФ, следует признать не соответствующей закону.

8. К числу признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не относятся обман (злоупотребление доверием) вкладчика относительно исполнения перед ним встречных обязательств, имущественный ущерб, корыстная цель, поэтому данная норма не может претендовать на более полный охват фактических обстоятельств и рассматриваться как специальная по

отношению к норме об ответственности за мошенничество. В то же время при направленности умысла на хищение путем обмана организация описанной в ст. 172² УК РФ деятельности обеспечивает создание у вкладчиков ложного представления о фактических обстоятельствах (в частности, об использовании привлеченного имущества в высокодоходной деятельности). Выплата дохода одним вкладчикам за счет имущества, привлеченного от других, позволяет долгое время скрывать отсутствие или недостаточность инвестиционной, предпринимательской или иной экономической деятельности по использованию имущества. При таких обстоятельствах организация описанной в ст. 172² УК РФ деятельности (норма-часть) становится одним из элементов обмана, его способом, что обуславливает разрешение конкуренции в пользу мошенничества (нормы-целого) и квалификацию содеянного только по ст. 159 УК РФ.

9. С целью решения правотворческих и правоприменительных проблем, а также конкретизации сферы применения уголовно-правового запрета организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172² УК РФ) при описании преступного деяния предлагается использовать выработанное автором диссертации определение финансовой пирамиды. В число наказуемых деяний наряду с организацией деятельности предлагается прямо включить также осуществление деятельности по привлечению имущества физических и (или) юридических лиц. Для предотвращения возможности привлечения к уголовной ответственности за счет расширительного толкования пособнических действий самих вкладчиков, содеянное которыми выжалось исключительно в передаче имущества с ожиданием получения имущественной выгоды, предлагается предусмотреть в ст. 172² УК РФ соответствующее примечание. Для исключения неоднозначного понимания на практике сферы применения уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 172² УК РФ, предлагается при его описании указать на осведомленность вкладчиков о цели использования виновными привлекаемого имущества, а также о возможности продолжения исполнения обязательств в пирамиде, что позволило бы разрешить проблему отграничения от мошенничества.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что впервые на диссертационном уровне всесторонне освещены проблемы уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам, изучен зарубежный опыт уголовно-правовой оценки финансовых пирамид, проведен подробный анализ состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества вкладчиков, разработаны теоретические решения проблем квалификации по соответствующей проблематике как *de lege ferenda*, так и *de lege lata*. Содержащиеся в диссертационном исследовании выводы и положения могут быть использованы в дальнейших научных разработках в теории уголовного права.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования положений уголовного законодательства и практики его применения, а также в рамках учебного процесса в образовательных организациях высшего образования (в качестве части курса о преступлениях в сфере экономической деятельности и против собственности).

Апробация результатов исследования. Результаты исследования опубликованы в четырех научных статьях в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, из перечня, рекомендованного ВАК при Минобрнауки России и утвержденного Ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 28 декабря 2020 г.

Основные положения и результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, были изложены на следующих научно-практических мероприятиях:

V Всероссийский онлайн-семинар по актуальным вопросам экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений экономической направленности в условиях цифровой трансформации (совершенных организациями финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид»), проведенный 27 октября 2021 г. на базе Академии управления МВД России (г. Москва);

Круглый стол «Исследования Научно-образовательного центра «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ: анализ судебной практики», проведенный 1 ноября 2021 г. клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право»;

Круглый стол «Мошенничество посредством образования финансовой пирамиды: продолжаемое хищение или совокупность преступлений?», проведенный 19 июня 2023 г. клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право»;

Круглый стол «Разграничение мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств», проведенный 22 января 2024 г. клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право».

К тому же результаты настоящего исследования были апробированы 8 сентября 2023 г. по итогам обучения диссертанта в аспирантуре при защите научно-квалификационной работы на тему «Уголовная ответственность за организацию финансовых пирамид и участие в них».

Степень достоверности определяется соблюдением применяемой при подобном роде исследованиях методики, использованием апробированных методов научного познания, эмпирической базой, включающей результаты анкетирования и анализ правоприменительной практики.

Структура диссертации определяется указанными объектом, целью и задачами исследования и состоит из введения, трех самостоятельных глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА: ПОНЯТИЕ, КОМПАРАТИВИСТСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

§ 1. Финансовая пирамида как вид незаконной деятельности в сфере экономики

В отличие от право порядков ряда зарубежных стран отечественный законодатель понятие «финансовая пирамида» по некоторым причинам не использует, хотя само явление, для обозначения которого служит соответствующая категория, российской правовой действительности уже давно известно.

За последнее десятилетие в России предпринят ряд мер противодействия финансовым пирамидам. Помимо установления самостоятельных запретов в ст. 172² УК РФ и ст. 14.62 КоАП РФ¹⁶, среди таких мер стоит выделить внесудебную блокировку сайтов финансовых пирамид, что особо актуально в связи с их уходом в сеть «Интернет»¹⁷. Некоторое время назад развернулось обсуждение относительно необходимости ограничения круга субъектов, имеющих право на публичное привлечение средств физических лиц в качестве инвестиций, только поднадзорными Банку России финансовыми организациями. По мнению представителей Банка России, до недавнего времени привлекать

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002 г. №1 (ч. 1). Ст. 1. Здесь и далее – КоАП РФ.

¹⁷ Банк России был наделен полномочием по предоставлению Генеральной прокуратуре Российской Федерации сведений о ресурсах в сети «Интернет», которые распространяют информацию, побуждающую к участию в имеющих признаки финансовой пирамиды проектах. В свою очередь, Генеральная прокуратура Российской Федерации после получения сведений уполномочена на обращение в Роскомнадзор с требованием об ограничении доступа к таким ресурсам. См.: Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 5 июля 2021 г., №27 (часть I), ст. 5078.

инвестиции от неограниченного круга лиц могло любое юридическое лицо¹⁸. Оживленная дискуссия привела в итоге к корректировке законодательства¹⁹.

Однако полезная, на первый взгляд, инициатива не учитывала положений п. 6 ст. 807 ГК РФ²⁰, где ограничена возможность юридических лиц, которым законом не было предоставлено соответствующего права, привлекать денежные средства граждан в виде займа под проценты путем публичной оферты либо путем предложения делать оферту, направленного неопределенному кругу лиц. Данная норма давно используется на практике для запрета деятельности организаций, имеющих признаки финансовой пирамиды²¹. Таким образом, возникает вопрос, не привели ли упомянутые законодательные корректировки к дублированию уже имевшейся в законодательстве возможности? Складывающееся положение дел не позволяет охарактеризовать работу в области борьбы с финансовыми пирамидами как комплексную и последовательную.

В литературе отмечается, что «изначально категория «финансовая пирамида» использовалась для обозначения развитой финансовой сети с централизованным контролем (например, «Н.М. Ротшильд энд санз» стоит у самой вершины гигантской финансовой пирамиды)»²². В своем привычном смысле этот термин получил распространение в СМИ в 90-х гг. прошлого столетия после краха АО «МММ»²³.

¹⁸ ЦБ разрешит привлекать инвестиции населения только финансовым организациям // Интерфакс, 6 апреля 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/894766/>.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 278-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» и Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 12 августа 2024 г. №33 (Часть I). Ст. 4974.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 29 января 1996 г. №5. Ст. 410. Здесь и далее – ГК РФ.

²¹ «Исходя из анализа содержания буклетов, объявлений в СМИ, на сайте ... ООО «Сберзайм» представляет себя субъектом финансового рынка, в развитие которого выгодно вкладывать деньги, инвестиции путем заключения договоров займа, по которым обеспечивается выплата высоких процентов... Разрешая спор, суд первой инстанции, ... установив, что ООО «Сберзайм», не имея права на привлечение денежных средств граждан, в нарушение положений п. 6 ст. 807 ГК РФ фактически осуществляет систематическую деятельность по привлечению денежных средств граждан в виде займов под проценты путем публичной оферты и путем предложения делать оферту, направленного неопределенному кругу лиц, пришел к выводу о наличии правовых оснований для удовлетворения заявленных требований». См. апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 января 2020 г. по делу № 33-1963/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Медиков Е.В., Ростокин А.В. Международные аспекты борьбы с финансовыми пирамидами // Образование и право. 2021. №1. С. 156.

²³ См.: Никитин И. Упал курс акций АО «МММ» // Коммерсантъ, 28 июля 1994 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/85071/>.

Вместе с этим исследователями указывается, что английский эквивалент «pyramid scheme» стал употребляться для обозначения жульничества уже в 1970-х гг.²⁴ Е.В. Лаптева пишет, что «впервые он был употреблен в 1975 г. в словаре Мерриам-Уэбстера»²⁵. Однако с этими утверждениями можно поспорить. Во-первых, указанный английский термин нельзя признать полным эквивалентом используемой в русском языке категории, поскольку он служит лишь для обозначения одной из разновидностей финансовых пирамид, в которой вкладчик платит за возможность получить имущественную выгоду в связи с привлечением им самим или привлеченными им лицами новых вкладчиков в пирамидальную схему. Во-вторых, термин введен в оборот в 1949 г. и имеет в американской литературе очень много аналогов: «chain-referral scheme», «endless-chain scheme», «gifting club», «pyramid distribution plan» и т.д.²⁶ Для обозначения другой разновидности финансовых пирамид служит термин «Ponzi scheme», который стал употребляться с 1920 г.²⁷ Более подробно об отличиях этих разновидностей будет сказано в следующем параграфе.

В зарубежной литературе указывается, что, хотя в правовых системах отдельных государств терминология применительно к финансовым пирамидам может различаться (в Австрии, к примеру, для обозначения этого явления используется категория «ketten oder pyramidenspiele», то есть игра по цепочке или пирамидальная игра²⁸; в Германии – «schneeballsystem», что значит система снежного кома), во многих европейских странах наметился тренд на включение в юридический оборот англоязычных аналогов. Причем это происходит, как правило, с делением финансовых пирамид на две упомянутые разновидности: в Хорватии – «Ponzijska i piramidalna shema», в Румынии – «schema piramidala e

²⁴ Медиков Е.В., Ростокинский А.В. Указ. соч. С. 156.

²⁵ Лаптева Е.В. Финансовая пирамида: феномен и исторические прецеденты // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 26.

²⁶ См.: Garner B. A. Black's Law Dictionary (9th Ed.) // Dallas: West Publishing Company, 2009. P. 1357. Причем термин «gifting club» использовался в судебных решениях уже во второй половине 19 в.: по делу *Lohman v. State* Верховный Суд Индианы в 1881 г. определил этот термин как «схему распределения на основе удачи (by chance) некоторых имущественных предметов (articles of property) среди участников этой схемы». См. об этом: *Commonwealth v. Allen*, 404 S.W.2d 464 (1966) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149a74add7b0493462517a/>.

²⁷ Garner B. A. Op. cit. P. 1278.

²⁸ Как пирамидальная игра можно перевести румынский термин «jos piramidal», а также венгерский термин «piramisjáték».

schema Ponzi», в Сербии – «piramidalna i Poncijeva prevara», во Франции – «système de Ponzi», в Италии – «schema Ponzi»²⁹.

Несмотря на то что в российском законодательстве термин «финансовая пирамида» не используется, им активно оперируют правоприменительные органы. Банк России в рамках деятельности по повышению финансовой грамотности населения закрепил на своем официальном сайте признаки финансовой пирамиды в целях предостережения от вкладов в подобные проекты³⁰, а также ведет список компаний с признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке (в том числе финансовых пирамид)³¹. Термин «финансовая пирамида» используется в Указании Генпрокуратуры России №11/11, МВД России №1 от 17 января 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»³². Указанным термином оперируют суды при рассмотрении уголовных³³ и иных дел (например, об оспаривании блокировки сайтов³⁴, о включения в список компаний с признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке³⁵, о запрете деятельности по привлечению денежных средств³⁶ и т.д.).

Термин «финансовая пирамида» активно используется в теории. К настоящему времени, как уже отмечено, защищен ряд кандидатских диссертаций, касающихся уголовно-правовых, криминологических и криминалистических аспектов противодействия финансовым пирамидам. Эти исследования содержат

²⁹ Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Repercussions of the Differing Regulatory Approaches Hungarian Developments in the Light of Contemporary Global Trends // Hungarian Journal of Legal Studies. 2021. №62. P. 29-30.

³⁰ URL: <https://www.cbr.ru/faq/pnp/>

³¹ URL: <https://www.cbr.ru/inside/warning-list/>

³² СПС «КонсультантПлюс».

³³ По запросу «финансовая пирамида» (параметр - рядом стоящие слова) в государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (далее - ГАС РФ «Правосудие») выдается порядка 300 судебных актов, где лица привлекались к ответственности за мошенничество.

³⁴ См., напр., постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 27 октября 2022 г. №09АП-64741/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ См., напр., постановление Арбитражного Суда Московского округа от 26 октября 2022 г. по делу № А40-282116/21 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См., напр.: апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 ноября 2018 г. по делу №33-16812/2018, апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 января 2020 г. по делу № 33-1963/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

соответствующий термин в своем наименовании³⁷. Н.А. Лопашенко, к примеру, со ссылками на сопровождавшие законопроект документы пишет, что статья 172² «введена в уголовный закон в целях борьбы с финансовыми пирамидами»³⁸. И.А. Клепицкий, в свою очередь, прямо называет предусмотренное этой нормой преступление «организацией финансовой пирамиды»³⁹.

Отказ законодателя использовать термин «финансовая пирамида» может быть вызван отсутствием его единого определения в научной литературе, в том числе неюридической. И.К. Мосякина по этому поводу пишет, что «комплексность и междисциплинарность финансовой пирамиды как явления обуславливает заведомое отсутствие единого подхода к его рассмотрению и пониманию»⁴⁰.

В специальных исследованиях можно встретить различные подходы к определению финансовой пирамиды. Организационный подход рассматривает финансовую пирамиду сквозь призму организационной структуры (как организацию, финансовое предприятие). Экономический подход предполагает под финансовой пирамидой способ деятельности на финансовом рынке, основанный на перераспределении активов. Социологический подход базируется на изучении по эмпирическим данным иррационального экономического поведения толпы. Выделяются также математический подход и другие⁴¹.

Наличие различных подходов к пониманию порождает сложности поиска надлежащего понятия, посредством которого наиболее удачно можно раскрыть содержание финансовой пирамиды. Признание финансовой пирамиды, например, организацией (юридическим лицом, объединением физических лиц), что предлагалось в первоначальном законопроекте об установлении уголовной

³⁷ См.: Мысловский Е. Н. Указ. соч.; Белицкий В. Ю. Указ. соч.

³⁸ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 2. -М.: Юрлитинформ, 2022. С. 43.

³⁹ См.: Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект. 2021. С. 532.

⁴⁰ Мосякина И.К. О недостатках конструкции статьи 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2019. №6. С.100.

⁴¹ См., напр.: Горловская И. Г., Гимадиева И. И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика, 2011. № 3. С. 166-168; Феоктистов Н.М., Комаров А.В. Финансовые пирамиды Старой и Новой России // Economics. 2016. №9 (18). С. 77-78.

ответственности за создание финансовых пирамид⁴², о чем подробнее будет сказано в дальнейшем, сужает сферу действия нормы, поскольку ею не охватываются случаи образования финансовой пирамиды одним лицом (в частности, индивидуальным предпринимателем). Признание финансовой пирамиды способом деятельности ставит вопрос о том, как способ можно организовать, как им можно руководить или как в нем можно участвовать? В таком случае появляются сложности с описанием запрещенного деяния. Если признать финансовую пирамиду проектом, то возникает вопрос, насколько это соответствует законодательству об инвестиционной деятельности, где под инвестиционным проектом понимается проектная документация, бизнес-план и др.⁴³

Все же обозначенную проблему нельзя признать неразрешимой. Во многих странах на законодательном уровне дается определение финансовой пирамиды (где-то в охранительном законодательстве, а где-то в регулятивном). В Уголовном кодексе Республики Киргизстан, к примеру, финансовой пирамидой признается система получения прибыли за счет привлеченных денежных средств, активов и имущества граждан путем перераспределения данных средств по структуре финансовой пирамиды⁴⁴. В уголовном законодательстве Республики Казахстан финансовая (инвестиционная) пирамида определена как деятельность по извлечению дохода (имущественной выгоды) от привлечения денег или иного имущества либо права на него физических и (или) юридических лиц без использования привлеченных средств на предпринимательскую деятельность, обеспечивающую принятые обязательства, путем перераспределения данных активов и обогащения одних участников за счет взносов других⁴⁵. Американский

⁴² См. проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» // Российская газета, 12.11.2012. URL: <https://rg.ru/2012/11/13/proekt-fin-piramid-site-dok.html/>.

⁴³ См. ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ См. ст. 221 Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г № 127 (ред. от 11 мая 2023 г.) // Газета «Эркин Тоо» от 16 ноября 2021 г., № 122-123.

⁴⁵ Непоследовательность казахского законодателя, однако, заключается в том, что определив финансовую пирамиду через категорию «деятельность», в диспозиции уголовно-правовой нормы к числу запрещенных деяний относятся руководство финансовой пирамидой или ее структурным подразделением, что смещает акцент с

правоприменитель, в свою очередь, понятие «pyramid scheme» определяет через категории план, программа, механизм, процесс⁴⁶.

Другим возможным препятствием к использованию отечественным законодателем понятия «финансовая пирамида» может являться широкое его употребление в обыденной речи, в том числе в СМИ. Здесь нельзя не вспомнить формулировки ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, в которых отечественный законодатель также не стал использовать хорошо известное понятие «вор в законе», а употребил категорию «высшее положение в преступной иерархии» (в последней из упомянутых норм уже и для того, чтобы не допустить понятийной рассогласованности).

Вместе с тем примечателен опыт Грузии, в уголовном законодательстве которой с 2005 г. установлена ответственность за членство в воровском сообществе и пребывание в положении вора в законе⁴⁷. Т.В. Якушева пишет, что изначально терминология ст. 223¹ УК Грузии воспринималась неоднозначно, «противники реформ указывали на недопустимость использования при формулировании уголовно-правовых норм выражений, употребляемых в разговорной речи (так называемых коллоквиализмов), и опасность объективного вменения»⁴⁸. Однако в 2014 г. ст. 223¹ УК Грузии стала предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека, который, усомнившись в попытках заявителя выдать себя за лицо, которому понятия уголовной субкультуры были абсолютно не знакомы, указал, что использование грузинским законодателем разговорных выражений, хорошо известных общественности, позволяет лучше понять содержание новых составов преступления. В связи с этим ЕСПЧ не усмотрел нарушений ст. 7 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (приняв во внимание к тому же наличие регулятивного

деятельности в сторону организационной структуры и еще раз свидетельствует о сложностях определения. См. ст. 217 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 20 мая 2023 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014 г., июль, № 13 (2662), ст. 83.

⁴⁶ United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472 (6th Cir. 1999) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bb21add7b04934794c4b/>.

⁴⁷ Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. №2355 // Законодательный вестник Грузии. URL: <http://matsne.gov.ge/>.

⁴⁸ Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. №3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

законодательства, в котором раскрывается содержание соответствующих терминов)⁴⁹.

Не усматривается особых препятствий для включения в понятийный аппарат законодателя категории «финансовая пирамида» и с точки зрения языковых правил правотворческой юридической техники. В общей теории права отмечается, что юридические термины образуются посредством определенных приемов: терминологизации; транстерминологизации; создания нового слова или словосочетания. При терминологизации происходит наделение общеупотребительного слова или словосочетания особым правовым значением. Главное, чтобы при этом были соблюдены требования к юридической терминологии, которых в литературе выделяется достаточно много. Среди них важное место занимают общепризнанность, то есть используемый термин должен быть признан в юридической науке и в юридической практике, а также доступность, то есть понятность смысла адресатам правового предписания⁵⁰, с чем, как представляется, у категории «финансовая пирамида» нет серьезных проблем.

Все же главным препятствием на пути включения категории «финансовая пирамида» в понятийный аппарат законодателя в целом и в формулировку самостоятельного уголовно-правового запрета в частности необходимо признать стигматизацию этого понятия - на нем висит ярлык мошенничества. На это повлияли объективные обстоятельства, поскольку в подавляющем большинстве случаев финансовые пирамиды образуются для хищения чужого имущества. Ярко видна эта стигматизация по тем немногочисленным диссертационным исследованиям, в которых затрагиваются вопросы уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам, в них речь идет именно в контексте нормы об ответственности за мошенничество.

В.Ю. Белицким, к примеру, предложено авторское определение мошенничества, совершенного по принципу «финансовой пирамиды».

⁴⁹ См. пункты 38-40 постановления Европейского суда по правам человека от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 45554/08) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰ См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. – Москва: Проспект, 2021. С. 170-171.

Существенной характеристикой финансовой пирамиды как способа этого преступления, по мнению упомянутого исследователя, выступает «создание иллюзии продуманности и обоснованности инвестиционной деятельности и обещание быстрого обогащения»⁵¹. При таком положении дел введение законодателем отдельного уголовно-правового запрета, где формулировка прямо бы содержала упоминание финансовой пирамиды, с неизбежностью должно было бы породить вопросы о том, охватываются ли нормой случаи завладения чужим имуществом путем обмана, а если же нет, то справедливо ли вести речь о криминализации именно финансовых пирамид, уж коли наиболее распространенная ее разновидность: обманная финансовая пирамида – остается за рамками охвата подобной нормы? При положительном ответе на первый вопрос основной становится проблема дифференциации ответственности, потому что в рамках одного запрета одинаково наказуемыми оказываются как обманная, так и лишенная признаков обмана финансовая пирамида, что произошло, к примеру, в Казахстане, о чем ниже будет сказано подробнее.

В научной литературе финансовые пирамиды характеризуются следующими признаками: 1) привлечение имущества и осуществление выплат одним вкладчикам за счет средств, привлеченных от других; 2) отсутствие инвестиционной, предпринимательской или иной экономической деятельности с привлеченным имуществом; 3) обещание высокой доходности; 4) отсутствие лицензии на осуществление деятельности; 5) обещание минимальных рисков при получении высоких доходов; 6) пересечение привлеченными от вкладчиков активами, по крайней мере, по словам организаторов, нескольких территориальных границ (получили деньги в одной стране, застраховали в другой, инвестировали в третьей); 7) создание сообщества единомышленников (корпоративные мероприятия, розыгрыши призов и пр.); 8) масштабная и агрессивная рекламная кампания; 9) требование быстрого принятия решения; 9) отсутствие какой-либо информации о финансовом положении; 10) отсутствие

⁵¹ См. подробнее: Белицкий В.Ю. Формирование понятия мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия АлтГУ. 2010. №1-2. С. 73-76.

собственных основных средств и дорогостоящих активов; 11) отсутствие точного определения вида деятельности организации и источников получения дохода; 12) конфиденциальность информации, низкий уровень информационной прозрачности, отсутствие информации о руководстве и реквизитах организации⁵². К существенным признакам⁵³ финансовой пирамиды следует отнести привлечение имущества вкладчиков, принятие обязательств перед вкладчиками по предоставлению выгоды имущественного характера (к примеру, возврат переданной суммы денежных средств и уплата процентов), обеспечение исполнения принятых обязательств за счет имущества, привлеченного от других вкладчиков, а не за счет использования привлеченного имущества в инвестиционной, предпринимательской или иной приносящей доход деятельности.

Финансовую пирамиду, таким образом, можно определить как деятельность по привлечению имущества физических и (или) юридических лиц (вкладчиков) под обещание возможности получения ими в будущем значительной выгоды имущественного характера, осуществляемая в целях использования привлекаемого имущества для исполнения принятых имущественных обязательств перед другими вкладчиками, то есть заведомо не для создания источника, необходимого для обеспечения исполнения принятых имущественных обязательств в полном объеме и формируемого посредством использования привлекаемого имущества в инвестиционной, предпринимательской или иной приносящей доход деятельности. Обращение к вкладчикам с предложением о передаче имущества может сопровождаться как сообщением об истинных целях использования привлекаемого имущества, так и обманом относительно таких целей.

⁵² См., напр.: Ружанская Н.В., Юхтанов А.Е. Математическая экспертиза деятельности финансовой пирамиды: прикладные аспекты // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. №2. С. 235; Пшеничников В.В., Анжу А.А. Параметры идентификации типичных признаков финансовых пирамид на основе инструментов фрактальной геометрии // π -Economy. 2018. №1. С. 165; Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 79-80.

⁵³ В отличие от несущественных «существенные признаки раскрывают внутреннюю природу предмета, его сущность, то, без чего предмет не будет самим собой». См.: Антюшин С.С., Михалкин Н.В. Логика: Учебное пособие. – М.: РАП, 2013. С. 25.

Значительные трудности связаны с тем, чтобы не допустить охватом уголовно-правового запрета таких деяний, которые изначально не планировалось криминализировать. В этой связи интересным представляется случай, имевший место в практике Суда Европейского союза, который касался оценки бонусной системы литовской компании «4finance». Деятельность этой организации была связана с предоставлением краткосрочных кредитов на небольшую сумму. Национальным судом она была оштрафована за нарушение законодательства о коммерческой деятельности в связи с организацией пирамидальной схемы (pyramid promotional scheme)⁵⁴. Компания предлагала своим клиентам имущественный бонус за каждого нового привлеченного заемщика. Однако чтобы стать клиентом «4finance», необходимо было уплатить регистрационный взнос в сумме 0,01 лита, единственная цель которого сводилась к точной идентификации клиента с целью последующего заключения с ним кредитного договора. Перед Судом Европейского союза были поставлены следующие вопросы: любая ли сумма, насколько бы она не была мала, может являться имущественным взносом (consideration)? должна ли выгода имущественного характера (compensation) вкладчиков полностью или в значительной части финансироваться за счет взносов от лиц, присоединившихся к схеме позднее?

Суд Европейского союза пришел к выводу, что имущественный взнос вкладчика пирамидальной схемы может быть любым по размеру. Однако в пирамидальной схеме необходимо наличие связи между имущественными взносами новых лиц и имущественной выгодой ранее присоединившихся вкладчиков. В рамках бонусной системы компании «4finance» такая связь между имущественными взносами и выгодой ранее присоединившихся вкладчиков отсутствовала, а потому деятельность компании была признана пирамидальной схемой. В завершении своего анализа Суд Европейского союза отметил, что

⁵⁴ В ст. 7(22) Закона о недобросовестной коммерческой деятельности Литвы было имплементировано определение пирамидальной схемы, содержащееся в п.14 приложения 1 к Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 мая 2005 г. №2005/29/ЕС «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке». Литовское определение было основано на немецкой версии текста Директивы, в которой в качестве признака пирамидальной схемы отсутствовала уплата потребителем имущественного взноса. В результате, пирамидальная схема заключалась в предоставлении потребителю «возможности получить вознаграждение преимущественно за счет привлечения других потребителей к участию в схеме, а не за счет продажи или потребления продукции».

признаками пирамидальной схемы являются (1) уплата потребителем имущественного взноса (независимо от его суммы), (2) за возможность получить имущественную выгоду, (3) которая обеспечивается преимущественно за счет привлечения других потребителей к схеме, а не за счет продажи или потребления продукции⁵⁵.

Представляется, что предложенное нами определение финансовой пирамиды учитывает замечание Суда Европейского союза, что взгляд правоприменителя должен быть обращен на источник обеспечения принятых обязательств. Именно поэтому в определении указывается, что целью использования привлекаемого имущества является осуществление выплат по обязательствам других вкладчиков без создания источника обеспечения исполнения принятых обязательств. Эта формулировка позволила бы исключить из сферы охвата бонусные системы, подобные используемой компанией «4finance».

§ 2. Юридическая ответственность за организацию финансовых пирамид и участие в них в отдельных зарубежных странах

Если Россия столкнулась с проблемой распространения финансовых пирамид в 90-х гг. прошлого столетия, то некоторые страны, не относившиеся к «социалистическому лагерю», к тому времени накопили богатый опыт противодействия этим негативным проявлениям. Например, в Канаде самостоятельная норма, криминализирующая деятельность финансовых пирамид, появилась уже в 1935 г.: в ст. 236(1)(с) Уголовного кодекса была предусмотрена ответственность за «организацию игровых механизмов». В ходе обсуждения в

⁵⁵ «4finance» UAB ECLI:EU:2014:211, preliminary ruling as of 3 April 2014 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A62012CJ0515>.

Сенате отмечалось, что предназначение нормы – законодательно описать и запретить появившиеся «схемы быстрого обогащения по цепочке»⁵⁶.

Анализ накопленного такими странами опыта позволяет осмыслить, какие разновидности финансовых пирамид побудили заняться выработкой отдельного запрета, почему привычного инструментария оказалось недостаточно?

В отечественных исследованиях среди наиболее известных разновидностей финансовых пирамид выделяют: пирамиды по принципу многоуровневого маркетинга, кассы взаимопомощи, экономические игры, высокодоходные инвестиционные проекты (НУП-проекты), замаскированные финансовые пирамиды, коммерческие социальные сети⁵⁷. Однако едва ли можно встретить работы, в которых наглядно приводятся примеры, которые позволили бы понять особенности их функционирования.

В некоторых зарубежных странах все многообразие финансовых пирамид объединяется в две группы: схема Понци («Ponzi scheme») и пирамидальная схема («pyramid scheme»). Наиболее отчетливо такое деление прослеживается в доктрине и судебной практике Соединенных Штатов⁵⁸.

Финансовые пирамиды, действующие по схеме Понци, в США⁵⁹, Канаде⁶⁰ и Великобритании⁶¹ квалифицируются как мошенничество, что не вызывает возражений в юридической литературе. В схеме Понци расширение числа вкладчиков происходит по причине высокой доходности, которая обеспечивается в результате вуалирования механизма перераспределения активов по структуре

⁵⁶ Под «игровым механизмом» понималась любая схема, в которой лицо, уплатив некоторую денежную сумму или приняв обязательство ее уплатить, получает право на получение от организатора, руководителя или любого другого лица денежной суммы в большем размере по сравнению с уплаченной или подлежащей уплате по причине того, что другие лица также заплатили или обязались заплатить некоторую денежную сумму для участия в схеме. См.: R. v. Friskie, 2003 SKCA 72 (CanLII). URL: <https://canlii.ca/t/569s>.

⁵⁷ См.: Ружанская Н.В., Юханов А.Е. Указ. соч. С. 235-236; Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Указ. соч. С. 78-79.

⁵⁸ См. United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472 (6th Cir. 1999) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bb21add7b04934794c4b/>.

⁵⁹ См., напр.: United States v. Treadwell, 593 F.3d 990 (9th Cir. 2010) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b0e6add7b04934755c00/>; United States v. Pust, 798 F.3d 597 (7th Cir. 2015) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59145db6add7b049341fd01b/>.

⁶⁰ См., напр.: R. v. Johnson, 2010 ABCA 392 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/2dz2h/>; R. v. Schoer, 2019 ONCA 105 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/hx182/>.

⁶¹ См., напр.: Pollett & Ors v. R., EWCA Crim. 395 (2013) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff71160d03e7f57ea7105/>; R. v. Kallakis & Anor, EWCA Crim. 709 (2013) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7a160d03e7f57eb07db/>.

пирамиды под эффективный инвестиционный проект. Исследователи из Портсмутского университета Бранислав Хок и Марк Баттон отмечают, что основанием правовой оценки по нормам Закона Великобритании о мошенничестве 2006 г. становится обусловленное обманом бесчестное поведение, которое вынуждает инвестировать под действием заблуждения. Однако в то же время ими указывается на существование разновидностей пирамид, которые представляют собой всего лишь не имеющую признаков мошенничества (в частности, обмана потерпевших) недобросовестную коммерческую деятельность. При этом в США, по мнению указанных исследователей, такие пирамиды преобладают⁶².

Как видно, на уровне доктрины в зарубежных странах встречается деление финансовых пирамид в зависимости от наличия признаков обмана. Но так ли в действительности обстоит дело в Соединенных Штатах? Даже беглый анализ законодательства и судебной практики этого государства позволяет выделить несколько подходов к правовой оценке финансовых пирамид, согласно одному из которых финансовые пирамиды являются мошенничеством *per se*.

В мошенническом ракурсе две упомянутые разновидности финансовых пирамид – пирамидальную схему и схему Понци – рассматривает профессор Центрально-Европейского университета Тибор Тайти, которым было подготовлено несколько крупных исследований по данной проблематике. Отличие этих разновидностей, как им указывается, заключается в механизме функционирования: в пирамидальной схеме основной акцент делается на рекрутинге (сами вкладчики для обеспечения своей имущественной выгоды должны привлечь новых лиц), в схеме Понци, напротив, от лиц, которым якобы оказываются некие инвестиционные услуги, не требуется каких-либо дополнительных усилий по расширению числа вкладчиков. В последнем случае сам пример получения высоких дивидендов первоначальными вкладчиками привлекает еще более крупные материальные поступления. Более того, в

⁶² Hock B., Button M. Non-Ideal Victims or Offenders? The Curious Case of Pyramid Scheme Participants // Victims & Offenders. 2023. №18. URL: <https://doi.org/10.1080/15564886.2023.2186996/>.

пирамидальной схеме нередко ведется реальная экономическая деятельность, тогда как схема Понци обычно ограничена простым перераспределением активов⁶³.

Этот же исследователь, обращая внимание на недостаточность исключительно уголовно-правового инструментария для противодействия финансовым пирамидам, особо выделяет среди других государств Соединенные Штаты, где законодательство предоставляет правоприменительным органам наиболее широкий спектр мер в борьбе с этими негативными проявлениями. Здесь представлены наиболее известные общемировой практике подходы к их оценке. Причем задействованы не только такие традиционные для американской правовой системы отрасли, как уголовное, договорное и деликтное право, но и нормы отдельных институтов (*sector-specific law*), например, законодательства о ценных бумагах и недобросовестной коммерческой деятельности⁶⁴. По этой причине законодательство, доктрина и судебная практика этого государства вызывают интерес и заслуживают более детального рассмотрения⁶⁵.

Несмотря на накопленный опыт борьбы Соединенных Штатов с финансовыми пирамидами, широкое распространение которых по всей стране приходится на начало 70-х гг. прошлого века⁶⁶, если начать искать в федеральном законодательстве конкретные нормы, посвященные противодействию именно финансовым пирамидам, найти их не удастся. В отечественной литературе отмечается, что характерной чертой законодательства США является казуистичность (на уровне отдельных штатов она может даже показаться

⁶³ См.: Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Repercussions of the Differing Regulatory Approaches Hungarian Developments in the Light of Contemporary Global Trends. P. 27-29.

⁶⁴ См. Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Price of Inadequate Regulatory Responses: A Comparative Account of the Diverging Regulatory Responses of China, Europe and the United States // *Texas Tech Business and Bankruptcy Law Journal*. 2019. №5. P. 40-44. URL: <https://ssrn.com/abstract=3469810/>.

⁶⁵ Хотя анализ будет касаться в основном противодействия пирамидальным схемам, сказанное в полной мере может быть отнесено к лишенным признаков обмана (как это понимается в отечественной доктрине и практике) схемам Понци.

⁶⁶ По разным оценкам в начале 70-х гг. в США действовало от 150 до 200 различных пирамид. См.: footnote 1 at Ralph E. Stone, Jerome M. Steiner Jr. *The Federal Trade Commission and Pyramid Sales Schemes* // 15 *Pac. L. J.* 879 (1983).

чрезмерной)⁶⁷. В уголовном законодательстве штата Миссисипи, например, предусматривается ответственность за кражу молока (в частности, доение коровы без согласия владельца), собаки, сельскохозяйственных животных и пр.⁶⁸ Однако в некоторых сферах (охрана финансового рынка, защита прав потребителей и т. д.) американский законодатель оставляет правоприменителю настолько широкий диапазон усмотрения с целью максимального охвата всевозможных злоупотреблений, что позавидуют многие страны континентального права. Судья Ренквист, подчеркивая важность интерпретационной деятельности судов для раскрытия содержания соответствующих правовых предписаний, охарактеризовал такое регулирование как «судейский дуб, выросший не более чем из законодательного желудя»⁶⁹.

1. Лотерейный подход

Одним из традиционных подход к оценке деятельности финансовых пирамид в американской литературе называется «лотерейный подход»⁷⁰. Начало его формирования прослеживается в конце 19 – начале 20 вв.⁷¹

В соответствии со сложившейся в США судебной практикой для квалификации лотереи подлежат установлению следующие признаки: 1) уплата взноса за участие, 2) наличие приза, 3) обусловленность выигрыша удачей⁷².

Некоторые суды, соглашаясь, что в пирамидальной схеме присутствуют такие элементы лотереи, как уплата взноса за участие и наличие приза, ставят под сомнение обусловленность имущественной выгоды в ней именно удачей. В отличие от лотереи выигрыш в неазартной игре обусловлен мастерством, навыком или усилием («skill») участника. Поскольку в пирамидальной схеме

⁶⁷ Крылова Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова; под общ. ред. д.ю.н. Н.Е. Крыловой; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юрид. ф-т. – М.: Статут, 2019. С. 29-30.

⁶⁸ URL: <https://law.justia.com/codes/mississippi/2018/title-97/chapter-17/in-general/>.

⁶⁹ Blue Chip Stamps v. Manor Drug Stores, 421 U.S. 723 (1975) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/421/723/>.

⁷⁰ См.: Heidi H. Liu. The Behavioral Economics of Multilevel Marketing // Hastings Business Law Journal. 2018. №14(1). P. 115-118. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/2518/; Ralph E. Stone, Jerome M. Steiner Jr. Op. cit. P. 884-887.

⁷¹ См., напр.: Public Clearing House v. Coyne, 194 U.S. 497 (1904) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914cf0cadd7b0493481ea90/>.

⁷² См., напр.: Commonwealth v. Plissner, 295 Mass. 457, 4 N.E.2d 241 (1936) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914a475add7b049346b9de4/>.

возможность получения дохода во многом зависит от привлечения других лиц, для чего участник должен приложить некоторые усилия (в частности, убедительно прорекламировать проект), то нельзя вести речь об удаче в чистом виде⁷³. Все же в большинстве правовых систем отдельных штатов преобладает другой подход – теория «доминирующего фактора»: если основной детерминантой выигрыша является удача, должно констатироваться наличие лотереи⁷⁴.

Для наглядности приведем пример ставшей популярной в 80-х гг. прошлого столетия в США пирамидальной схемы, которая получала оценку как незаконная лотерея. Речь идет об организуемом в игровой манере проекте под названием «Самолет» («Airplane»). Состав вымышленного воздушного судна состоит из капитана, пары вторых пилотов, четырех бортпроводников и восьми пассажиров. Суть проекта сводится к тому, что на образный борт самолета приглашаются пассажиры, которые должны заплатить за перелет (например, в размере 1500 долларов). Иногда эта сумма называется инвестиционным взносом, в других случаях – участник изначально предупреждается, что передаваемые деньги являются подарком. Пассажир по мере увеличения числа участников, которых ему и надлежит привлекать (обычно – двух других лиц), побывает, если повезет, в различных ролях: и бортпроводником, и вторым пилотом, и капитаном воздушного судна⁷⁵. Когда все посадочные места заняты, кто-то из участников

⁷³ См. примеры решений, в которых пирамидальная схема не была признана лотереей: *Braddock v. Family Fin. Corp.*, 95 Idaho 256, 258 (1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914972badd7b049345eeb78/>; *State v. Bey*, 261 N.J. Super. 182, 618 A.2d 373 (1992) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591486e9add7b049344dcec6/>.

⁷⁴ См., напр.: *Commonwealth v. Lake*, 317 Mass. 264, 57 N.E.2d 923 (1944) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914a221add7b04934693ab5/>; *Morrow v. State*, 511 P.2d 127 (Alaska 1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591496feadd7b049345eb353/>; *State v. Steever*, 103 N.J. Super. 149, 246 A.2d 743 (1968) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914997dadd7b04934615052/>; *Commonwealth v. Laniewski*, 173 Pa. Super. 245, 98 A.2d 215 (1953) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149fe0add7b049346708c8/>; *State v. Dahlk*, 111 Wis.2d 287, 330 N.W.2d 611 (1983) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3bdadd7b049347c8db6/>; *Lashbrook v. State*, 550 N.E.2d 772 (Ind. Ct. App. 1990) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591489f6add7b0493450a979/>; *Commonwealth v. Allen*, 404 S.W.2d 464 (1966) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149a74add7b0493462517a/>.

⁷⁵ По мере привлечения каждым из восьми пассажиров двух дополнительных участников происходит разделение на два самолета: восемь новых пассажиров в основании одной пирамиды и восемь – в основании другой. Старые участники, продвигаются с уровня пассажиров на уровень бортпроводников (в рамках двух новых пирамид). И так далее.

становится капитаном, который и получает вознаграждение в размере 12000 долларов⁷⁶.

По тому же плану происходит «застольная игра» («table game»), и по такому же принципу функционируют многие «подарочные клубы» («Friends helping Friends»⁷⁷, «Women helping Women»⁷⁸ и пр.), слегка отличаясь лишь игровой составляющей⁷⁹.

2. Деятельность Федеральной торговой комиссии по противодействию финансовым пирамидам и формирование нового подхода в судебной практике

На активизацию деятельности Федеральной торговой комиссии (далее – ФТК)⁸⁰ повлияло повсеместное распространение на территории США компаний, работающих по принципу многоуровневого маркетинга.

Многоуровневой система продаж называется потому, что в рамках этой системы образуется несколько уровней дистрибьюторов. Продвижение на более высокий уровень с увеличением бонусов и других вознаграждений происходит по мере того, как дистрибьютор нарабатывает собственную клиентскую базу и становится спонсором других участников. Исследователями отмечается, что, хотя некоторые крупные компании, работающие по принципу многоуровневого маркетинга, были основаны в США уже к концу 19-го века (например, калифорнийская парфюмерная компания, известная сегодня как «AVON»),

⁷⁶ См. об этом: Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud // Fordham Law Review. 2020. Vol. 88. P. 2046. Подобная схема встречалась в следующих решениях: Solon v. Meuer, 141 Misc.2d 993, 539 N.Y.S.2d 241 (1987) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148c22add7b0493452d63a/>; Lashbrook v. State, 550 N.E.2d 772 (Ind. Ct. App. 1990) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591489f6add7b0493450a979/>.

⁷⁷ См.: People v. Sanchez, 62 Cal.App.4th 460, 72 Cal. Rptr. 2d 782 (1998) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bbd5add7b04934798cfb/>.

⁷⁸ См.: Ney v. Blaney, docket № CIV S-08-0193 FCD DAD P. (Cal. 2008) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59146bc0add7b049343030d9/>.

⁷⁹ См.: Commonwealth v. Stewart-Johnson, 78 Mass. App. Ct. 592 (2011) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914afa2add7b0493474def0/>

⁸⁰ Согласно ст. 5(a) Закона о Федеральной торговой комиссии запрещены недобросовестная конкуренция в коммерческой деятельности, а также любые недобросовестные или обманные действия в связи с осуществлением коммерческой деятельности. Такой широкий запрет позволяет Комиссии эффективно защищать права потребителей товаров, работ и услуг от различных злоупотреблений (недобросовестные реклама, ценовая политика и пр.). См.: 15 U.S. Code, §§41-58 // URL: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/statutes/federal-trade-commission-act/ftc_act_incorporatingus_safe_web_act.pdf

настоящий расцвет такой системы продаж приходится на вторую половину 1960-х годов⁸¹.

К концу 60-х гг. в правоприменительной практике наметились предпосылки для отказа от «лотерейного подхода» при оценке различных видов экономической деятельности, что связано с изменением экономических реалий и повсеместным внедрением способов реализации продукции с использованием элементов азартной игры (например, продажи посредством перфокарт)^{82,83}. Именно поэтому в ходе первых разбирательств в отношении замаскированных под сетевой маркетинг пирамидальных схем ФТК был обоснован и взят на вооружение новый подход.

Так, компания Ger-Ro-Mar Inc. занималась реализацией одежды и аксессуаров марки Symbra'ette с выстраиванием пяти уровней дистрибьюторов. Для сотрудничества необходимо было сделать безвозвратную закупку товаров на минимальную для каждого уровня сумму. Выстроенная схема стимулировала продвижение по дистрибьюторской лестнице, поскольку размер скидки на каждом следующем уровне увеличивается. К этому же побуждала доходная политика. Если «ключевой дистрибьютор» мог заработать исключительно на разнице между стоимостью продаваемой продукции и закупочной ценой, то дистрибьюторы следующих уровней также могли зарабатывать за счет спонсорства (процент с продаж членов созданной персональной группы дистрибьюторов). Для привлечения дистрибьюторов распространялись рекламные материалы, демонстрировалась возможность крупных доходов в результате создания большой персональной группы. При этом рекламные материалы уверяли, что каждый может достигнуть уровня «регионального менеджера» и зарабатывать до 90 тыс. долларов в год⁸⁴.

⁸¹ См. Tibor Tajti, *Multi-Level Marketing and Pyramid Schemes // Protection of the Collective Interests of Consumers - Collection of Conference Papers*, Editor: Prof. Katarina Ivančević, Publisher: UNION University Law School, Belgrade, Serbia, 2021, P. 48-49. DOI: https://doi.org/10.18485/union_pf_ccr.2021.ch3.

⁸² См.: Trade Regulation Rule for Games of Chance in the Food Retailing and Gasoline Industries, 34 FR 13302 (1969).

⁸³ См.: *Marco Sales Company v. FTC*, 453 F.2d 1 (2d Cir. 1971) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c740add7b049347e1388/>.

⁸⁴ См.: *Ger-Ro-Mar, Inc.*, 84 F.T.C. 95 (1974), pages 140-150.

Маркетинговый план Ger-Ro-Mar Inc. был признан обманным, поскольку имел «существенную склонность, способность и возможность для введения в заблуждение» («the substantial tendency, capacity, and potential to mislead»). Схема была привлекательной для участников обещанной доходностью, которая заведомо не была достижимой для всех: законы геометрической прогрессии делают неосуществимым постоянное привлечение новых участников⁸⁵.

Другая известная компания Koscot Interplanetary Inc. занималась реализацией косметики⁸⁶. На ступенях дистрибьюторской лестницы находились «консультанты по уходу», «супервайзеры» и «директора». «Директора» и «супервайзеры» имели сильный финансовый стимул привлекать к сотрудничеству с компанией других лиц на аналогичные ступени дистрибьюторской лестницы. К примеру, заплативший 5000 долларов за свою позицию «директор» мог вернуть уплаченную сумму, если бы убедил к сотрудничеству двух новых дистрибьюторов или восемь супервайзеров⁸⁷. Данный маркетинговый план Федеральной торговой комиссией был признан изначально обманным и нарушающим ст. 5(a) Закона о Федеральной торговой комиссии. Необходимость в новых участниках увеличивалась в геометрической прогрессии, тогда как количество возможных инвесторов в конкретном обществе или географическом районе оставалось относительно постоянным.

В итоговом решении ФТК в рамках административной процедуры сформулировано определение пирамидальной схемы как плана, при котором участник делает имущественный взнос за (1) право продавать продукцию и (2) право на получение имущественной выгоды от привлечения других участников, когда имущественная выгода не связана с продажей продукции конечным потребителям. Само по себе наличие права на продажу фактически франшизы побуждает как компанию, так и дистрибьюторов сосредоточиться на этой стороне деятельности. В краткосрочной перспективе это влечет высокую прибыль для компании и первоначальных дистрибьюторов, но в конечном итоге выливается в

⁸⁵ См. подробнее: Ger-Ro-Mar, Inc. v. FTC, 518 F.2d 33 (2d Cir. 1975) // URL: <https://casetext.com/case/ger-ro-mar-inc-v-ft-c/>.

⁸⁶ Аналогичная схема использовалась Holiday Magic Inc.

⁸⁷ Koscot Interplanetary, Inc., 86 F.T.C. 1106 (1975), pages 1178-1179.

пренебрежение развитием рынка и искажение реальной доходности для дистрибьюторов⁸⁸. Таким образом, маркетинговый план, в котором от участника требуется уплатить значительный вступительный взнос («headhunting fee») или приобрести крупный объем не подлежащей обратному выкупу продукции («inventory loading») с получением права привлекать новых участников, если и стимулирует продажи, то внутри самой системы дистрибьюторов, причем не продукции как таковой, а самой франшизы.

Подобный недостаток отсутствовал в многоуровневом маркетинговом плане известной компании Amway Inc. В ходе разбирательства, которое происходило с 1975 по 1979 гг., компании удалось доказать, что ее деятельность не подпадает под запрет ст. 5(а) Закона о Федеральной торговой комиссии. Компанией Amway был предусмотрен ряд предотвращающих достижение точки рыночного насыщения правил, которые стимулировали дистрибьюторов к продаже продукции конечным потребителям. Во-первых, ни один дистрибьютор не зарабатывал с продаж нижестоящим участникам, спонсором которых он являлся, продукция реализовывалась по одной оптовой цене, в силу чего заработать дистрибьютор мог только с продаж товаров конечным потребителям. Во-вторых, для получения бонуса от продаж созданной персональной группы дистрибьютор должен был реализовать оптом (т. е. перепродать другим дистрибьюторам) и в розницу не менее 70% купленной в текущем месяце продукции, что препятствовало аккумулярованию товаров на какой-либо ступени дистрибьюторской лестницы. В-третьих, для получения бонуса от продаж созданной персональной группы дистрибьютор должен был совершить в текущем месяце как минимум 10 розничных продаж **различным** потребителям. Ну и наконец, план предусматривал возможность обратного выкупа нереализованной продукции и компенсацию стоимости рекламных материалов, если участник решался прекратить дальнейшее сотрудничество⁸⁹.

⁸⁸ Ibid. P. 1180-1182.

⁸⁹ См. подробнее: Amway Corporation, Inc., 93 F.T.C. 618 (1979).

В результате разбирательств в отношении указанных компаний был обоснован правовой подход, согласно которому пирамидальная схема и основанные на ней утверждения о доходности являются изначально обманными⁹⁰. В последующем аргументация Федеральной торговой комиссии стала активно использоваться судами. Пожалуй, самым известным в этом отношении является решение Шестого окружного апелляционного суда США по делу *United States v. Gold Unlimited Inc.*

Основной вопрос в этом деле касался законности данных присяжным заседателям разъяснений относительно понимания пирамидальной схемы. Судья проинструктировал их, что пирамидальная схема (*pyramid scheme*) является мошеннической схемой (*scheme to defraud*). Иначе говоря, судьей была заложена неопровержимая презумпция, что наличием признаков пирамидальной схемы доказывается состав мошенничества. Это вызвало основные возражения при апелляционном обжаловании, поскольку в таком случае выходит, что не мошеннических пирамид не бывает.

Суд апелляционной инстанции согласился с тем, что пирамидальная схема является мошеннической схемой⁹¹. При этом была сделана ссылка на позицию Девятого окружного апелляционного суда по делу *Webster v. Omnitrition International Inc.*, согласно которой имеющая установленные по делу в отношении *Koscot Interplanetary* признаки пирамидальная схема охватывается общим понятием мошенничества⁹².

В особом мнении судья Карен Нельсон Мур отметила, что все-таки не все пирамидальные схемы являются мошенническими, при инструктировании

⁹⁰ См. *Ralph E. Stone, Jerome M. Steiner Jr. Op. cit. P. 888.*

⁹¹ *United States v. Gold Unlimited, Inc.*, 177 F.3d 472 (6th Cir. 1999) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bb21add7b04934794c4b/>.

⁹² В этом деле был предъявлен групповой иск к компании *Omnitrition International Inc.*, чей маркетинговый план, по мнению истцов, являлся пирамидальной схемой. Иск был предъявлен в соответствии с Законом о борьбе с организованной преступностью (*The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act*). Согласно этому законодательному акту истец может требовать возмещения имущественного вреда, если докажет, что лицо, причинившее вред, использует доходы от рэкета (*racketeering activity*) для приобретения доли в предприятии, участвующем в торговле между штатами, для обеспечения функционирования такого предприятия или обеспечения контроля над ним. При этом к числу образующих рэкет преступлений относятся, в частности, различные виды мошенничества. В связи с этим и встал вопрос о том, имеет ли пирамидальная схема признаки мошенничества. См.: *Webster v. Omnitrition International Inc.*, 79 F.3d 776 (9th Cir. 1996) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148344add7b049344a44ab/>

присяжных была допущена ошибка, которая, тем не менее, не повлекла за собой существенного нарушения прав осужденных. От присяжных по-прежнему требовалось ответить на вопрос, действовали ли осужденные с умыслом на мошенничество (*intent to defraud*)⁹³.

Не сводится ли обман в пирамидальной схеме к обещанию имущественной выгоды за привлечение других лиц, когда это заведомо невозможно для большинства участников в силу неизбежности краха пирамидальной схемы? Так, в еще одном известном деле указывалось, что мошенничеством *per se* пирамидальная схема является потому, что происходит сокрытие характера работы системы по принципу «огрбить Питера, чтобы заплатить Полу» («*to rob Peter to pay Paul*»). Незаконность пирамидальных схем *per se* обусловлена «тем фактом, что безуспешность плана **не очевидна** для участника»⁹⁴.

Однако как проходит демаркационная линия между очевидностью и неочевидностью безуспешности плана? Американская судебная практика в этом отношении придерживается очень высокого стандарта. По одному делу оспаривался запрет деятельности подарочного клуба, указывалось, что все участники предупреждались о риске потери вложенных средств, вознаграждение никому не обещалось, никто из них в заблуждение не вводился. Суд признал, что по смыслу законодательства штата Орегон квалификация пирамидального клуба требует установление обмана, однако не согласился, что обман при склонении к инвестированию может быть только явным (*overt deception or misrepresentation*). Поскольку участники подарочного клуба не ставились в известность о количестве лиц, необходимом для продолжения цикла дарения, а также продолжительности существования пирамиды и о том, насколько исчерпан круг потенциальных участников, то данная неосведомленность образует существо обмана⁹⁵.

⁹³ Opinion of Circuit Judge Karen Nelson Moore (concurring in part and concurring in the judgment) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bb21add7b04934794c4b/>.

⁹⁴ *Torres v. S.G.E. Management, L.L.C., Stream Gas & Electric, L.T.D.*, 838 F.3d 629 (5th Cir. 2016) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914ac6badd7b0493473d229/>

⁹⁵ *Nielsen v. Myers*, 193 Or. App. 388, 90 P.3d 628 (2004) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914775cadd7b049343d2684/>. Суд сослался на известное исследование, в котором та же самая мысль была описана немного удачнее. В пирамидальной схеме создается чрезмерная концентрация участников, пытающихся привлечь других лиц, находящихся в той же окрестности, поскольку эти участники, как правило, пытаются привлечь своих знакомых. В результате оказывается, что число потенциальных

3. Противодействие финансовым пирамидам с помощью законодательства о ценных бумагах

Третий подход к оценке финансовых пирамид получил свое развитие благодаря усилиям созданной в соответствии с Законом о рынке ценных бумаг 1934 г.⁹⁶ Комиссии по ценным бумагам и биржам, задачей которой является надзор за соблюдением федерального законодательства о ценных бумагах. Среди наиболее важных законодательных актов в данной сфере необходимо выделить также Закон о ценных бумагах 1933 г.⁹⁷

В 1971 году публикуются разъяснения Комиссии о применении федерального законодательства о ценных бумагах в отношении многоуровневого маркетинга и пирамидальных схем продаж⁹⁸. В них указывается, что деятельность финансовой пирамиды предполагает заключение с каждым из участников инвестиционного контракта, который в соответствии с законодательством относится к ценным бумагам. Это означает, что соглашения, заключаемые с участниками финансовых пирамид, должны регистрироваться в Комиссии по ценным бумагам и биржам. К тому же инвесторы, которые под условием получения имущественной выгоды занимаются привлечением новых участников, должны иметь статус брокеров. И наконец, на обманные действия в связи с продажей или предложением ценных бумаг распространяются положения об ответственности за мошенничество с ценными бумагами⁹⁹.

Законодательство о ценных бумагах формируется в период Великой депрессии после краха фондового рынка в 1929 году. Задача Конгресса сводилась к выработке гибкого регулирования, способного предупредить мошенничество в

инвесторов намного меньше, чем такие участники изначально представляли. Однако участникам никогда не сообщается, на каком уровне они входят в пирамиду, сколько других участников уже инвестировало. Утаивание этой информации, по которой можно было бы судить, не находится ли пирамида на грани краха, составляет существо обмана. См.: Witiw E. Selling the Right to Sell the Same Right to Sell: Applying the Consumer Fraud Act, the Uniform Securities Law and the Criminal Code to Pyramid Schemes // Seton Hall Law Review. 1996. Vol. 26, Iss. 4. P. 1637.

⁹⁶ Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. §§78a-78rr // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-2B/>.

⁹⁷ Securities Act of 1933, 15 U.S.C. §§77a-77aa // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-2A/subchapter-I/>. В этом законодательном акте регламентированы вопросы эмиссии ценных бумаг, тогда как в Законе о рынке ценных бумаг 1934 г. регулируется их обращение.

⁹⁸ Multi-level Distributorships and Pyramid Sales Plans, Securities Act Release № 5211, Exchange Act Release № 9387, 36 Fed. Reg. 23289-91 (Nov. 30, 1971). URL: <https://www.sec.gov/rules/interp/1971/33-5211.pdf/>.

⁹⁹ Matthews C. Op. cit. P. 2063.

связи с использованием самых разнообразных финансовых инструментов. В результате, было выработано широкое (экономическое) определение ценной бумаги¹⁰⁰. Инвестиционный контракт не имеет законодательного определения, его заключение не требует соблюдения письменной формы. В 1946 году Верховный Суд США по делу SEC v. W.J. Howey & Co. определил инвестиционный контракт как соглашение, сделку или схему, при которых лицо инвестирует свои деньги в совместное дело (common enterprise) с ожиданием получить доход исключительно (solely) за счет усилий третьих лиц¹⁰¹.

Формулировка «исключительно за счет усилий третьих лиц» была неким камнем преткновения, поскольку ее буквальное толкование не дает возможности признать, что деятельность пирамидальных схем основана на инвестиционных контрактах. Как уже отмечалось, в пирамидальной схеме от усилий самого участника зависит приток новых инвестиций, за счет которых происходит предоставление имущественной выгоды. Поэтому для применения соответствующего подхода к оценке пирамидальных схем, необходимо было преодолеть буквальный смысл данного Верховным Судом США определения, что постепенно и было сделано в судебной практике¹⁰². К середине 90-х гг. Девятый окружной апелляционный уже бескомпромиссно указывал, что наличие признаков пирамидальной схемы презюмирует заключение с ее участниками инвестиционных контрактов¹⁰³.

Что касается мошенничества с ценными бумагами, это преступление не включено в раздел 18 Свода законов США (Title 18 U.S.C.), где содержится своеобразный Уголовный кодекс США. Напротив, элементы уголовно-правовой

¹⁰⁰ Ibid. P. 2064.

¹⁰¹ SEC v. W.J. Howey & Co., 328 U.S. 293 (1946) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/>.

¹⁰² SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc, 348 F. Supp. 766 (D. Or. 1972) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/348/766/2010413/>. Девятый окружной апелляционный суд указал, что формулировку «исключительно за счет усилий третьих лиц» необходимо толковать реалистично, чтобы охватить определением инвестиционного контракта «те схемы, которые по существу, а не по форме, связаны с ценными бумагами». Таким образом, для установления наличия инвестиционного контракта необходимо ответить на вопрос, «являлись ли усилия кого-либо, помимо инвестора, ... теми существенными управленческими усилиями, от которых зависит успех или провал совместного дела». См. SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc, 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c6f8add7b049347df2ff/>. См. также: State v. Hawaii Market Center, Inc., 52 Haw. 642, 485 P.2d 105 (1971) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c761add7b049347e2327/>.

¹⁰³ Webster v. Omnitrition International, Inc., 79 F.3d 776 (9th Cir. 1996) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148344add7b049344a44ab/>.

нормы расположены в целом ряде положений законодательства о ценных бумагах, включенных в раздел 15 Свода законов США (Title 15 U.S.C.). Санкция содержится в ст. 32(a) Закона о рынке ценных бумаг 1934 г., где установлено, что «любое лицо, умышленно нарушившее положения настоящей главы... или любое правило или регулирование, принятые в соответствии с ними» подлежит штрафу в размере до 5 млн долларов и (или) лишению свободы на срок до 20 лет¹⁰⁴. В ст. 10b Закона о рынке ценных бумаг 1934 г. описывается *corpus delicti* данного преступления¹⁰⁵. После принятия в 1942 г. Комиссией по ценным бумагам и биржам в соответствии с указанной нормой «Правила 10-b5» («Rule 10-b5») запрет стал настолько широким, что позволяет преследовать любые манипулятивные или обманные действия («manipulative or deceptive device») в связи с покупкой и продажей ценных бумаг¹⁰⁶.

Такое регулирование имплементировано в законодательство большинства штатов. По делу *People v. Frederick* калифорнийский суд признал обоснованным осуждение организаторов пирамидальной схемы в том числе за продажу незарегистрированных ценных бумаг и мошенничество с ценными бумагами. Суд установил, что деятельность созданной осужденными организации «La Luz de Oro» была связана с заключением инвестиционных контрактов, которые не прошли регистрации в уполномоченном органе¹⁰⁷.

В другом деле отмечено, что, поскольку деятельность онлайн-магазина EZ2WIN имеет признаки криминализированных «цепочек до бесконечности» («endless chain»), аналогичных известным федеральному законодательству пирамидальным схемам, это само по себе доказывает продажу ценных бумаг. По делу было сделана ссылка на приводившееся выше решение Девятого окружного апелляционного суда. В результате осуждение за продажу незарегистрированных

¹⁰⁴ См.: 15 U.S. Code § 78ff // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/78ff/>.

¹⁰⁵ См.: 15 U.S. Code § 78j // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/78j/>

¹⁰⁶ См.: 17 CFR § 240.10b-5 // URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/17/240.10b-5/>

¹⁰⁷ *People v. Frederick*, 142 Cal.App.4th 400, 48 Cal.Rptr.3d 583 (2006) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b4e8add7b0493476f4be/>.

ценных бумаг и мошенничество с ценными бумагами было признано судом апелляционной инстанции обоснованным¹⁰⁸.

4. Выводы

Традиционным к оценке пирамидальных схем в США долгое время являлся лотерейный подход, рассматривающий их сквозь призму содержащегося в уголовном законодательстве запрета незаконных лотерей (азартных игр). Во многих штатах этот подход до сих пор находится в арсенале правоприменителя.

Будучи выработанным в судебной практике, лотерейный подход оказал влияние на законодательство некоторых штатов, где самостоятельные уголовно-правовые запреты пирамидальных схем находятся в одном ряду с лотереями. В Калифорнии, к примеру, ст. 327 Уголовного кодекса, в которой криминализированы «цепочки до бесконечности» («endless chain»), находится в главе 9 «Лотереи» раздела 9 «Преступления против половой свободы, общественного порядка и нравственности»¹⁰⁹. Аналогичным образом складывается ситуация в Массачусетсе, где в озаглавленной как «Преступления против публичной политики» главе 271 Свода законов штата¹¹⁰ находится статья 6а «План, в котором покупатель соглашается привлечь больше покупателей». В этой норме указывается, что виновный в данном преступлении должен нести ответственность как организатор лотереи¹¹¹.

В целом такой подход к оценке финансовых пирамид используется в других зарубежных странах. Так, например, в Австрии ст. 168а Уголовного кодекса озаглавлена как «Игры по цепочке или пирамидальные игры» («Ketten oder Pyramidenspiele»)¹¹².

¹⁰⁸ People v. Sweeney, 228 Cal.App.4th 142, 175 Cal.Rptr.3d 31 (2014) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914fa73add7b049349a82b3/>.

¹⁰⁹ См. California Penal Code §327 // URL: <https://law.justia.com/codes/california/2022/code-pen/part-1/title-9/chapter-9/section-327/>.

¹¹⁰ В главах 263-274 Свода законов штата Массачусетс расположен Уголовный кодекс.

¹¹¹ Mass. Gen. Laws, chapter 271 § 6a // URL: <https://law.justia.com/codes/massachusetts/2022/part-iv/title-i/chapter-271/section-6a/>

¹¹² См. подробнее: Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. №11. СПС «КонсультантПлюс». См. также: Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Repercussions of the Differing Regulatory Approaches Hungarian Developments in the Light of Contemporary Global Trends. P. 29-30.

Имеются предпосылки к подобному взгляду на проблему финансовых пирамид (при корректировке диспозиции ст. 171² УК РФ) и в нашей стране, особенно если принять к сведению практику отечественных судов, связанную с разрешением гражданских дел по искам вкладчиков финансовых пирамид. Зачастую требование о взыскании вложенных в пирамиду денежных средств обосновывается наличием неосновательного обогащения на стороне ответчика. Однако суды обычно отказывают в удовлетворении требования со ссылкой на п. 1 ст. 1062 ГК РФ, поскольку усматривают в финансовой пирамиде признаки азартной игры, в связи с чем такое требование не подлежит судебной защите (конечно же, если отсутствовал обман или другие указанные в норме обстоятельства)¹¹³.

Недостаток лотерейного подхода видится в размытии границ между азартной игрой и носящими рисковый характер видами экономической деятельности, которые предполагают выстраивание пирамидальной структуры (в первую очередь, речь идет об организациях прямых продаж, использующих многоуровневый маркетинговый план)¹¹⁴. Риски, связанные с использованием лотерейного подхода, сводятся к тому, что под понятие азартной игры со временем могут быть подведены различные виды экономической деятельности, которые традиционно к играм не относятся (особенно если учесть, что в

¹¹³ См.: решение Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2020 г. по делу №2-1320/2020 // ГАС РФ «Правосудие». См. также: решение Златоустовского городского суда Челябинской области от 10 октября 2017 г. по делу №2-2182/2017; апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 19 июля 2017 г. по делу №33-3504/2017; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 апреля 2016 г. по делу №33-6385/2016 // ГАС РФ «Правосудие».

¹¹⁴ С подобным вызовом правоприменитель столкнулся в Канаде, где в статье об уголовно наказуемых лотереях имеется отдельное положение, криминализирующее организацию финансовых пирамид (п. «е» ч. 1 ст. 206 УК Канады). Как уже отмечалось, самостоятельный запрет в Канаде появился в 1935 г. и изначально был предназначен для противодействия различным азартным играм, в которых выстраивается пирамидальная структура (игровые механизмы). По традиции норма, не претерпев существенных изменений, так и осталась в рамках статьи о лотереях, однако экономические реалии трансформировались. Так, по одному из дел суд указал, что по буквальному смыслу формулировки п. «е» ч. 1 ст. 206 УК Канады нормой могут охватываться различные виды коммерческой деятельности (в частности, схемы многоуровневого маркетинга), однако точное намерение Парламента относительно ее предназначения не ясно. Важный вопрос касался того, как эта норма соотносится с положениями принятого гораздо позднее Закона о конкуренции, в котором была установлена уголовная ответственность за организацию пирамидальных схем продаж. См.: R. v. Friskie, 2003 SKCA 72 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/569s>.

содержащемся в отечественном законодательстве определении азартной игры наличествует присущий предпринимательской деятельности риск¹¹⁵).

Именно эти соображения, как представляется, легли в основу отказа в 70-х гг. от использования лотерейного подхода ФТК, которой было сформулировано определение пирамидальной схемы и обоснован новый правовой подход к ее оценке. В дальнейшем это определение нашло отражение в законодательстве о недобросовестной коммерческой деятельности большинства штатов.

Так, в Техасе деятельность пирамидальных схем криминализована ст. 17.461 Коммерческого кодекса, которая находится в главе «Обманная торговая деятельность и защита потребителей», максимальное наказание предусмотрено до 2 лет лишения свободы¹¹⁶. Вменение состава преступления не зависит от того, предлагалось ли участнику приобрести какой-либо товар. Иными словами, запрет является более широким и касается не только организаций сетевого маркетинга, но также «чистых» пирамид (в частности, подарочных клубов), в рамках которых не происходит реализации никакой продукции, а осуществляется исключительно перераспределение денег или иных ценностей¹¹⁷.

Оценка пирамид как мошенничества *per se* удобна для правоприменителя, выявление финансовой пирамиды в таком случае само по себе свидетельствует о составе мошенничества просто лишь в силу характера схемы. Однако такие представления размывают сущность обмана. Несостоятельность такого подхода демонстрируется судебной практикой в самих Соединенных Штатах. По одному из дел, к примеру, присяжные оправдали организатора подарочного клуба по

¹¹⁵ Азартная игра - основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. См. п.1 ст. 4 Федеральный закон от 29 декабря 2006 №244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2007, №1 (1 ч.), ст. 7.

¹¹⁶ См. Texas Business and Commerce Code, § 17.461 // URL: <https://law.justia.com/codes/texas/2022/business-and-commerce-code/title-2/chapter-17/subchapter-e/section-17-461/>.

¹¹⁷ См., напр.: Dockstader v. State, 233 S.W.3d 98 (2007) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b3b7add7b04934767f90>

обвинению в мошенничестве, несмотря на утверждения стороны обвинения, что сам характер плана предполагает обман¹¹⁸.

На практике рассматриваемый подход воспринят слишком буквально, тогда как ФТК в первоначальных решениях применительно к пирамидальной схеме отмечалось следующее: «Сказать, что она является «изначально» обманной, – значит сказать не более чем то, что она имеет недопустимую тенденцию к обману и на этом основании схема заслуживает осуждения»¹¹⁹. Ставить знак равенства между финансовой пирамидой и мошенничеством не корректно. На проблематичность использования подхода, согласно которому финансовая пирамида является мошенничеством *per se*, обращалось внимание в американской литературе: «...инвестор может понимать риски, связанные с участием в пирамиде. В действительности лицо может произвести математические расчеты, чтобы определить, сколько участников потребуется для завершения выстраивания пирамиды. В результате, присяжные могут заключить, что не произошло никакого обмана...»¹²⁰.

Согласно сложившейся в Соединенных Штатах практике мошеннический обман предполагает искажение или сокрытие существенных обстоятельств («misrepresentation or concealment of [a] material fact»)¹²¹. Девятый окружной апелляционный суд указывал, что мошенничество имеет место, когда «(1) создано ложное представление (2) в отношении существенных обстоятельств (3) с осознание виновным такой ложности и (4) наличием умысла на введение в заблуждение, (5) что привело к совершению основанных на ложном представлении действий»¹²².

¹¹⁸ State v. Bey, 261 N.J. Super. 182, 618 A.2d 373 (1992) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591486e9add7b049344dcec6/>. Вместе с тем суд апелляционной инстанции все же указал, что организаторы таких схем потенциально могут быть осуждены за мошенничество.

¹¹⁹ См.: Holiday Magic, Inc., 84 F.T.C. 748 (1974), page 1037.

¹²⁰ Witiw E. Op. cit. P. 1645.

¹²¹ См. об этом решение Верховного Суда США по делу Neder v. United States, 527 U.S. 1 (1999) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/527/1/>. См. также: United States v. Weimert, 819 F.3d 351, 355 (7th Cir. 2016) // URL: <https://casetext.com/case/united-states-v-weimert-1/>.

¹²² United States v. Clevenger, 733 F.2d 1356 (9th Cir. 1984) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148f44add7b0493456239d/>.

Способами совершения мошенничества являются ложные предлоги, представления или обещания. Что касается ложных предлогов¹²³ (false pretenses), то в прецедентном праве (common law) этим термином обозначалась одна из разновидностей хищения – приобретение права на чужое имущество путем **искажения существующих фактов** с мошенническим умыслом¹²⁴. Выделенная формулировка в настоящее время составляет содержание ложных предлогов как формы обмана в различных законодательно описанных видах мошенничества¹²⁵. Причем искажение существующих фактов может быть осуществлено не только словами, но и поведением (conduct).

Что касается ложных представлений или обещаний (false representations or promises), эти способы были включены в законодательное определение мошенничества лишь в 1909 году¹²⁶. Связано это с рассмотренным в 1896 году Верховным Судом США делом *Durland v. United States*. Осужденный настаивал, что формулировка мошенничества с использованием почты (mail fraud) не отличается от ложных предлогов, являвшихся преступлением согласно прецедентному праву, и охватывает введение в заблуждение исключительно относительно существующих фактов. Осужденный предлагал потерпевшим ежемесячно вкладывать небольшую сумму денег в ценные бумаги, утверждая, что через шесть месяцев они подорожают на 50 процентов. Поскольку обман касался обстоятельств, которые должны будут наступить в будущем, ложными предлогами его действия охвачены быть не могли. Однако Верховный Суд США отметил, что мошенническую схему (scheme to defraud) нужно понимать шире, в связи с чем потерпевший может быть введен в заблуждение относительно обстоятельств настоящего времени, прошлого и будущего¹²⁷. После этого

¹²³ Хотя перевод является не вполне адекватным, иного более подходящего аналога в русском языке подобрать не получилось.

¹²⁴ Garner B. A. *Black's Law Dictionary* (9th Ed.). P. 678.

¹²⁵ См.: 18 U.S. Code § 1341 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1341/>.

¹²⁶ См. подробнее: Doyle C. *Mail and Wire Fraud: A Brief Overview of Federal Criminal Law* // Congressional Research Service, Report №R41930, 2019. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41930/>.

¹²⁷ *Durland v. United States*, 161 U.S. 306 (1896) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/161/306/>. В отечественной литературе похожим образом вопрос поднимался в части отграничения обмана от злоупотребления доверием. Поскольку будущей истины не бывает, а обман состоит именно в субъективном искажении истины (объективно обстоятельства не меняются, формируется лишь неадекватное отражение их в сознании лица), то, по мнению А. Г. Безверхова, создание у потерпевшего ложного представления исключительно об обстоятельствах,

Конгресс произвел законодательные корректировки, чтобы поставить точку в этом вопросе.

Такое понимание мошеннического обмана, думается, не слишком отличается от представлений, сложившихся в отечественной юридической науке и правоприменительной практике¹²⁸. Обман всегда связан с искажением или сокрытием истины, сводится к введению другого лица в заблуждение (или поддержанию уже сформированного заблуждения), однако в отличие от обычной лжи совершается с целью склонить другое лицо к тому или иному поведению. Как писал Г.Н. Борзенков, «особенность мошеннического обмана заключается в том, что по крайней мере одно из обстоятельств, в отношении которых лжет виновный, служит основанием (разумеется, мнимым) для передачи ему имущества. Однако в содержание мошеннического обмана могут входить и другие обстоятельства, которые не служат непосредственным основанием для передачи имущества, но учитываются потерпевшим, когда он принимает решение о передаче имущества»¹²⁹.

Оценка деятельности финансовой пирамиды как мошенничества допустима в тех случаях, когда выстраивание пирамидальной структуры с дальнейшим перераспределением привлеченных активов сопровождается искажающим истину воздействием на сознание и волю другого лица, что обуславливает передачу таким лицом своего имущества. Поэтому утверждения о наличии обмана в финансовой пирамиде в силу самого характера плана не корректны ни с позиции отечественной науки и практики, ни с точки зрения представлений о мошенническом обмане в самих Соединенных Штатах.

которые должны наступить в будущем, относится к злоупотреблению доверием. См.: Безверхов А.Г. Некоторые вопросы квалификации мошенничества // Уголовное право. 2008. №2. С. 9.

¹²⁸ «Теорией уголовного права, так и правоприменительной практикой были выработаны характерные признаки мошеннического обмана: а) заведомость, преднамеренность; б) предоставление ложной, несоответствующей действительности информации или умолчание об истинных фактах; в) введение другого лица в заблуждение; г) наличие определенной цели – передачи имущества или права на него потерпевшим или иным лицом виновному». См.: Хилюта В.В. Мошеннический обман в теории уголовного права и руководящих разъяснениях высших судебных инстанций // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 2(33). С. 31.

¹²⁹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИДК Зерцало-М, 2005. С. 209.

Вместе с тем заслуга обсуждаемого подхода связана с иным обстоятельством. В отечественной литературе можно встретить мнение, что осознание лицом своего участия в финансовой пирамиде исключает состояние заблуждения, поскольку «потерпевший сам является «соучастником» совершенного против него преступления, ... осознавая то, что против него совершаются обманные действия, лицо сознательно участвует в проведении этой операции (вкладывает деньги в финансовую пирамиду), рассчитывая извлечь для себя выгоду от действий виновных»¹³⁰. Данное утверждение спорно, о чем свидетельствует следующее дело.

В Техасе суд апелляционной инстанции признал обоснованным осуждение в хищении путем обмана злоумышленницы, которой удалось склонить потерпевшую сделать денежный взнос в подарочный клуб Women Helping Women. Клуб функционировал по принципу четырехуровневой пирамиды: «закуска», «салат и суп», «горячее блюдо» и «десерт». При достижении участником последнего уровня устраивалась вечеринка по случаю дня рождения («birthday party»), где вручалась крупная денежная сумма. Осужденная ссылалась на показания потерпевшей, которая сообщила, что переданные деньги в сумме 5000 долларов являлись подарком, потерпевшая ничего не ожидала взамен от лица, которому эти средства были переданы. Однако суд указал, что, передавая денежные средства, потерпевшая ожидала получить 20000 долларов. При этом осужденная знала, что план не может функционировать без постоянного притока новых участников. Присяжные смогли прийти к обоснованному выводу, что создание осужденной представления о том, что люди выстраиваются в очередь для участия в клубе в совокупности с обещанием возврата внесенной суммы, повлияло на решение потерпевшей о передаче денег¹³¹.

Есть основания поддержать занятую судами позицию, поскольку осужденная действительно искажала представления потерпевшей о ее шансе на возврат вкладываемых в пирамиду денежных средств.

¹³⁰ См.: Хиллота В.В. Признаки мошеннического обмана в теории и практике уголовного закона // Всероссийский криминологический журнал. 2009. №2. С. 16.

¹³¹ См. более подробно: King v. State, 174 S.W.3d 796 (2005) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b5cfadd7b04934775161/>.

Что же касается пассивного обмана, который сводится к тому, что организатор финансовой пирамиды не сообщает участникам сведений о том, как долго осуществляется деятельность и сколько лиц уже инвестировало, которые позволили бы произвести расчет необходимого числа участников для продолжения пирамидостроительства, в таком случае правовая оценка действий как мошенничества вызывает сомнения. Если лицо осознает свое участие в качестве вкладчика в финансовой пирамиде и принимает решение о передаче имущества не в результате искажения истины относительно его шансов на получение имущественной выгоды, понимая связанный с участием риск утраты переданного имущества, такое лицо нельзя считать введенным в заблуждение. Вместе с тем пассивный обман при передаче вкладчиком имущества может иметь место при умолчании виновными о невозможности продолжения исполнения обязательств в финансовой пирамиде по причине достижения ею своих критических значений.

Касательно третьего подхода, который получил развитие благодаря деятельности Комиссии по ценным бумагам и биржам, стоит сказать, что он является своеобразным американским «ноу-хау» и основан на широком (экономическом) понимании ценных бумаг. В литературе отмечается, что такой подход также применяется в Канаде и на Филиппинах, однако в Европе лишь намечаются предпосылки для его использования (подвижки видны в части оценки криптоактивов как финансовых инструментов в соответствии с Директивой Евросоюза от 15 мая 2014 г. №2014/65/EU «О рынках финансовых инструментов»)¹³².

Значительный предупредительный потенциал такого подхода сводится к тому, что уполномоченным органам становится проще выявлять подозрительные схемы в силу наличия контрольных функций. Если инвестиционные контракты проходят регистрацию в Комиссии по ценным бумагами и биржам, то всегда можно оценить деятельность экономического субъекта, при необходимости

¹³² Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Repercussions of the Differing Regulatory Approaches Hungarian Developments in the Light of Contemporary Global Trends. P. 35.

запросить дополнительную информацию. Если же регистрация не осуществляется, это сразу вызывает вопросы.

Вместе с тем охватить понятием инвестиционного контракта вложения в любые проекты, основанные на выстраивании пирамидальной структуры, не представляется возможным. Это, в частности, касается тех схем, которые по своему характеру тяготеют к азартным играм (различные подарочные клубы и другие «чистые» пирамиды, где происходит лишь перераспределение денег)¹³³. В связи с чем противодействие финансовым пирамидам с помощью законодательства о ценных бумагах относится лишь к дополнительной возможности, имеющейся в арсенале правоприменительных органов.

Отмеченные проблемы приспособления уголовно-правового инструментария свидетельствуют о необходимости самостоятельного запрета финансовых пирамид. Само по себе выстраивание пирамидальной структуры не свидетельствует о наличии обмана, в связи с чем норма об ответственности за мошенничество может быть применима в отношении далеко не всех подобных схем. Оценка финансовых пирамид с точки зрения нормы об ответственности за незаконную организацию азартных игр или с позиции нарушения законодательства о ценных бумагах также имеет свои недостатки. В связи с этим наличие в законодательстве большинства штатов широкого профилактического запрета пирамидальных схем предоставляет правоприменителю дополнительные возможности борьбы с этими нежелательными для экономики проявлениями. Вместе с тем выработка запрета происходила на фоне противодействия компаниям, маскирующимся под сетевой маркетинг, вследствие чего, в силу казуистического характера правовой системы, в сферу охвата запрещенного деяния не включены лишние признаки обмана схемы Понци. Этот недостаток необходимо учитывать при совершенствовании отечественного уголовного законодательства.

¹³³ По крайней мере, анализ американской судебной практики таких примеров выявить не позволил.

§ 3. Развитие уголовного законодательства об ответственности за организацию финансовых пирамид и участие в них в Российской Федерации

Некоторыми исследователями отмечается, что первая финансовая пирамида была образована лишь в 20 веке в США и получила название по имени своего знаменитого создателя Чарльза Понци¹³⁴. Бытует и другое мнение, что Россия познакомилась с этим феноменом лишь в 90-е гг. прошлого столетия на закате существования СССР¹³⁵. Однако оба тезиса необходимо уточнить. Пирамиду Чарльза Понци справедливо назвать лишь первой широко известной¹³⁶. Что же касается России, не стоит упускать из виду исторический отрезок развития рыночных отношений до Октябрьской революции.

Соединенные Штаты столкнулись с финансовыми пирамидами еще задолго до махинаций Чарльза Понци. В 1879 г. Сарой Хоу был основан банк Ladies' Deposit Company, клиентами которого могли стать исключительно представители женского пола. Банк был учрежден в Бостоне, позиционировался в качестве организации, способной обеспечить доступ к финансовому рынку «беззащитным» женщинам (вдовам, домохозяйкам и пр.), и пользовался большой известностью в силу высокой восьмипроцентной ставки по вкладам. В банк стекались инвестиции со всей страны в условиях, когда еще не было доступного междугороднего сообщения, его популярность возрастала даже без рекламы в газетах. Однако в

¹³⁴ См., напр.: Коренная А.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебник // Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. С. 291.

¹³⁵ См., напр.: Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С.81. См. также: Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2. С. 37.

¹³⁶ Реализованная им мошенническая схема была ёмко описана в одном из решений Верховного Суда США: «покупка международных почтовых купонов в зарубежных странах и продажа их в других странах с получением стопроцентной прибыли...». Им обещались доходы, основанные на «высокой разнице в обменных курсах после войны». См. *Cunningham v. Brown*, 265 U.S. 1 (1924) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/265/1/>

1880 г. пирамида рухнула, Сара Хоу предстала перед судом и была осуждена за мошенничество¹³⁷.

Слухи о сомнительных американских инвестиционных проектах доносились до Российской Империи. Поэтому, когда с 24 ноября по 10 декабря 1884 г. происходило разбирательство в отношении директора обанкротившегося Скопинского городского банка И.Г. Рыкова и ряда других лиц, освещавший эти события для Петербургской газеты А.П. Чехов отмечает, что с первых же пор после создания банка, «видя, что вкладчики и векселедатели не идут, банковцы пускаются на **американские штуки** (выделено мной. – А.З.). Они дают проценты, которые и не снились нашим мудрецам: от 6 до 7 с половиною процентов. За сим следует шестиэтажная реклама, обошедшая все газеты и журналы, начиная со столичных и кончая иркутскими... Реклама делает свое дело. Сумма вкладов вырастает до 11 618 079 рублей!»¹³⁸ И.Г. Рыков в результате был признан виновным по обвинению в многомиллионном хищении, злоупотреблении по учету векселей, злоупотреблении по операциям покупки-продажи ценных бумаг, составлении заведомо фальшивых отчетов о состоянии банковской кассы для думы и министерства финансов.

События вокруг Скопинского городского банка оставили след в отечественной литературе: в произведениях А.П. Чехова («Осколки московской жизни», «Лев и солнце», «Тайны ста сорока четырёх катастроф, или Русский Рокамболь»), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Письмо IV»), Г.И. Успенского («Затруднения купца Тараканова»). Однако как таковой проблемы пирамидостроительства в тот момент еще не было (вернее, она носила фрагментарный характер), а потому о специальных мерах противодействия финансовым пирамидам, выработке отдельного уголовно-правового запрета еще было рано вести речь. Дальнейшие политические и экономические

¹³⁷ Eveleth R. The No. 1 Ladies' Defrauding Agency // Longreads, 2 Jul. 2019. URL: <https://longreads.com/2019/07/02/the-no-1-ladies-defrauding-agency/>. Еще одна известная пирамида была организована Вильямом Миллером в Бруклине в 1899 году. См. об этом: Skarda, Erin. William Miller, the Original Schemer. Top 10 Swindlers // Time Inc., 7 Mar. 2012.

¹³⁸ Чехов А.П. Дело Рыкова и комп.: от нашего корреспондента // Петербургская газета. 1884. № 324-338, 340. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дело_Рыкова_и_комп._\(Чехов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Дело_Рыкова_и_комп._(Чехов)).

преобразования в нашей стране привели к тому, что сама эта проблема надолго потеряла актуальность.

Первая волна создания финансовых пирамид в Российской Федерации выпала на начало 90-х годов прошлого века, ее масштабы были обусловлены как финансовой неграмотностью населения, только начавшего знакомиться с функционированием рыночных механизмов, так и отсутствием должного правового регулирования вопросов привлечения инвестиций. Тогда появились АОЗТ «Русский дом Селенга», «Хопер-Инвест», ИЧП «Властелина», АООТ «МММ», Банк «Чара» и многие другие (порядка 2-х тысяч различных организаций, которым удалось завладеть около 40 трлн. рублей более чем 20 млн. человек). Однако венцом этого периода стала государственная финансовая пирамида – система государственных краткосрочных бескупонных облигаций (ГКО), действовавшая на основе увеличения ставки заимствования¹³⁹. Чтобы судить о масштабах деятельности последней, следует отметить, что по состоянию на 1 января 1998 г. общий объём по номиналу находящихся в обращении ГКО составлял 272612 млрд. рублей, тогда как бюджет Российской Федерации по доходам на 1998 г. был утвержден в сумме 367548 млн. рублей¹⁴⁰.

Для правоприменительных органов распространение финансовых пирамид в 90-х гг. прошлого столетия стало неким вызовом, поскольку, столкнувшись с ранее не встречавшимся явлением новой экономической действительности, обозначилась необходимость приспособления имеющегося инструментария¹⁴¹. Казалось бы, не должно было возникнуть проблем с применением нормы об ответственности за мошенничество, однако все было не столь очевидным. П.С. Яни отмечает, что в тот период времени уголовные дела, в том числе стоявшие на учете в Генеральной прокуратуре в связи с продлением процессуальных сроков, попросту не уходили в суд, следственные органы сомневались в наличии прямого умысла на хищение у организаторов финансовых пирамид, поскольку, как представлялось, не может быть «однозначно установлено

¹³⁹ См. подробнее: Аснис А.Я. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁰ См. ст. 2 Федерального закона от 26 марта 1998 г. №42-ФЗ (ред. от 30 декабря 2001, с изм. от 23 декабря 2003 г.) «О федеральном бюджете на 1998 год» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴¹ См.: Мысловский Е.Н. Указ. соч. С. 44-52.

желание сотрудников "инвестиционных фондов" и "финансовых компаний" причинить имущественный ущерб миллионам граждан, передавшим свои деньги»¹⁴². Иными словами, наряду с исполнением принятых обязательств (многим вкладчикам действительно удавалось заработать), причинение ущерба виделось лишь одним из возможных последствий деятельности финансовой пирамиды, к чему отношение организатора можно назвать безразличным.

Хотя обозначенный вызов удалось преодолеть и сделать норму об ответственности за мошенничество основным уголовно-правовым средством борьбы с финансовыми пирамидами, И.А. Клепицкий еще задолго до начала деятельности МММ-2011 указывал, что «добросовестные» пирамиды могут и не содержать признаков мошенничества, особенно в условиях всесторонней огласки принципа их деятельности в СМИ, когда «потенциальными потерпевшими движет не обман, а желание нажиться за чужой счет»¹⁴³. Причем наметившаяся тогда в правоприменительной практике тенденция расширительного толкования банковских операций, позволяющая в необходимых случаях привлекать организаторов финансовых пирамид к ответственности за незаконную банковскую деятельность, имела недостатки¹⁴⁴. В этой связи, как пишет указанный исследователь, остается неясным, почему законодатель, понимая опасность финансовых пирамид, тем не менее не криминализировал их деятельность, ведь «нельзя рассчитывать на эффективность борьбы с этим явлением с помощью норм, специально для этого не предназначенных. Грамотный аферист всегда сможет обойти такие запреты»¹⁴⁵.

Видимо, законодатель подыскивал подобающий случай, который не заставил себя слишком долго ждать. Начало второй волны организации финансовых пирамид связано с мировым финансовым кризисом 2008-2009 гг., в

¹⁴² Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. С. 75.

¹⁴³ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁴ К примеру, подразумевание под «ведением счетов» не отношений, возникающих из договора банковского счета, а учета полученных от граждан денежных средств позволяет охватить понятием банковской деятельности самую обычную фиксацию гражданином в тетрадке сведений о том, когда, у кого и в какой сумме он занял деньги и когда обещал их вернуть.

¹⁴⁵ См. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

этот период, как отмечается в литературе, «надежда на быстрое извлечение прибыли в больших объемах на фоне нерешенных экономических и социальных проблем ... преобладает над осторожностью»¹⁴⁶. Уже к 2014 г. по данным МВД России на территории нашего государства функционировало порядка 160 финансовых пирамид, общее количество потерпевших от деятельности подобных образований превышало 9 тыс. человек, а сумма причиненного ущерба составляла порядка 1,7 млрд. рублей¹⁴⁷.

В этот период разворачивается общественная дискуссия о необходимости самостоятельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за создание финансовых пирамид¹⁴⁸, в связи с запуском проекта «МММ-2011», относительно которого С.П. Мавроди прямо заявил, что создаваемая им «структурированная социальная финансовая сеть» будет работать по принципу финансовой пирамиды¹⁴⁹.

Правоприменительного потенциала ст. 159 УК РФ оказалось недостаточно, хотя уголовные дела в связи с деятельностью МММ-2011 (проект функционировал в сети «Интернет») возбуждались по всей стране¹⁵⁰. Экспертным советом при ФАС России по развитию конкуренции на финансовых рынках было подготовлено и направлено в правоохранительные органы заключение о том, что проект «МММ-2011» является мошеннической финансовой пирамидой. Председатель Экспертного совета, заместитель руководителя ФАС России А.Б. Кашеваров на заседании, посвященном этому вопросу, подчеркнул, что

¹⁴⁶ Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2016. №4. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁷ В России могут запретить финансовые пирамиды // Парламентская газета, 13 ноября 2015 г.. URL: <https://www.pnp.ru/economics/2015/11/13/v-rossii-mogut-zapretit-finansovye-piramidy.html/>.

¹⁴⁸ См., напр.: Смирнов Г. Зачем Уголовному кодексу статья о финансовых пирамидах // Интернет-портал «ПРАВО.RU», 12 ноября 2012 г. URL: <https://pravo.ru/review/face/view/79658/>.

¹⁴⁹ «Осторожно! Это финансовая пирамида, - сообщил Мавроди в видео, размещенном на его сайте. - Участвуя в ней, вы крайне рискуете и можете потерять в любой момент все свои деньги. Я не даю никаких гарантий и обещаний». См.: ФАС в СМИ: первая жертва МММ-2011 // Официальный сайт ФАС России, 24 января 2011 г. URL: <https://fas.gov.ru/publications/12133/>.

¹⁵⁰ «По требованию прокуратуры города возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 (покушение на мошенничество) УК РФ, в отношении неустановленных лиц, которые посредством ряда Интернет-сайтов проводят поиск граждан с целью привлечения денежных средств в проект «МММ-2011», после чего похищают деньги». См.: В отношении создателей МММ-2011 возбудили уголовное дело // Российская газета, 7 июня 2012 г. URL: <https://rg.ru/2012/06/07/delo-anons.html/>.

«независимо от платформы эта схема несет в себе признаки мошенничества, так как она в реальности никогда не принесет заявленной доходности»¹⁵¹.

В ответ на все обвинения сам С.П. Мавроди утверждал, что «финансовые пирамиды законом не запрещены. Более того, в законе даже нет такого понятия – «финансовая пирамида». Так что действует «МММ-2011» абсолютно легально»¹⁵². Его защитник в одном из интервью отметил: «Я не вижу в действиях Мавроди состава преступления... человек волен распоряжаться своими деньгами, как хочет: может их сжечь, может подарить кому-то, а может вложить»¹⁵³.

Была попытка привлечь С.П. Мавроди к ответственности по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 171 УК РФ за пособничество незаконной предпринимательской деятельности в связи с оказанием содействия советами, указаниями, предоставлением рекламной поддержки и информационных ресурсов «тысячнику» проекта «МММ-2011» в Кольванском районе Новосибирской области, который проходил по делу как исполнитель преступления¹⁵⁴. Однако дело было прекращено за отсутствием состава преступления¹⁵⁵. Позже в литературе отмечалось, что спорность правовой оценки деятельности «добросовестных» пирамид как незаконного предпринимательства связана с тем, что в таких пирамидах не содержится всех признаков, которые отражены в абз.3 п.1 ст.2 ГК РФ. Поскольку предназначением пирамиды является простое перераспределение активов, то в рамках нее осуществляется иная экономическая деятельность, а не предпринимательство¹⁵⁶.

Первый неофициальный законопроект, содержащий норму об ответственности за организацию финансовых пирамид, был подготовлен в

¹⁵¹ Экспертный совет при ФАС России: схема «МММ-2011» - финансовая пирамида // Официальный сайт ФАС России, 21 января 2011 г. URL: <https://fas.gov.ru/news/10420/>.

¹⁵² Генпрокуратура возбудила уголовное дело о мошенничестве в проекте МММ-2011 // РБК, 7 июня 2012 г. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/07/06/2012/55929be49a794719538c437c/

¹⁵³ Гуцул Д. Оснований для возбуждения уголовного дела против Мавроди нет – адвокат // РАПСИ, 7 июня 2012 г. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20120607/263358049.html/.

¹⁵⁴ Сергеев Н. Сергей Мавроди снова оказался под следствием // Коммерсантъ, 11 мая 2012 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1931490/>.

¹⁵⁵ Воронов К. В МММ-2011 состава не нашли // Коммерсантъ, 16 января 2013 г.. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2105493/>.

¹⁵⁶ «Механизм функционирования представляет собой некое сообщество физических лиц, которые обмениваются денежными средствами, а «пирамида» определяет, кому и когда переводить деньги». См.: Курина М.С. Проблема привлечения к уголовной ответственности за создание или организацию финансовых пирамид // Право: современные тенденции: Материалы II международной научной конференции (г. Уфа, апрель 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 111-113.

Следственном комитете Российской Федерации в 2012 году¹⁵⁷. К тому моменту в поручении Правительства Российской Федерации от 5 июля 2012 г. № ИШ-П-13-3825 перед органами государственной власти уже была поставлена цель выработать подобный законопроект. В упомянутом неофициальном проекте уголовный закон предлагалось дополнить ст. 172¹. В ней предусматривалась ответственность за «создание финансовой пирамиды и (или) структурного подразделения финансовой пирамиды, а равно руководство финансовой пирамидой и (или) структурным подразделением финансовой пирамиды». При этом содержание категории финансовая пирамида раскрывалось в п. 1 примечаний к предложенной статье. Под финансовой пирамидой предлагалось понимать «...юридическое лицо или объединение физических лиц, привлекающее на постоянной основе денежные средства физических лиц путем обещания имущественной выгоды, если выплаты или предоставление иного имущества лицам, производившим денежные взносы, осуществляется за счет денежных средств, полученных в виде взносов от иных лиц, за исключением юридических лиц, имеющих право в соответствии с законодательством Российской Федерации привлекать на постоянной основе денежные средства населения»¹⁵⁸.

Данный текст был взят за основу официального законопроекта, внесенного в нижнюю палату Федерального Собрания 2 июля 2013 г. практически в неизменном виде¹⁵⁹. Среди точечных правок стоит упомянуть, что в определении финансовой пирамиды формулировка, указывающая на привлечение денег «на постоянной основе», была заменена широко используемой в уголовном законе категорией «систематичность». По замыслу авторов законопроекта это должно было сузить сферу действия нормы, исключив ее распространение «на случаи совершения единичных сделок бытового займа денежных средств у одних

¹⁵⁷ См.: Смирнов Г. Зачем Уголовному кодексу статья о финансовых пирамидах // Интернет-портал «ПРАВО.RU», 12 ноября 2012 г. URL: <https://pravo.ru/review/face/view/79658/>. См. об этом: Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): нужна ли была криминализация? // Законодательство. 2023. №11. СПС «Гарант».

¹⁵⁸ См. проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» // Российская газета, 12 ноября 2012 г. URL: <https://rg.ru/2012/11/13/proekt-fin-piramid-site-dok.html/>.

¹⁵⁹ См. проект Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

физических лиц в целях выплаты долга другим»¹⁶⁰. Хотя в этом видится некоторое лукавство. Ведь если детально ознакомиться с предложенным авторами законопроекта определением финансовой пирамиды, становится очевидным, что на указанную ситуацию норма не могла распространяться и в том случае, если бы признак систематичности отсутствовал. Финансовую пирамиду предлагалось определять как юридическое лицо или объединение физических лиц, а потому действия одного лица (пусть даже очень масштабные), связанные с привлечением денежных средств и их перераспределением, выпадали из сферы действия нормы. Вместе с тем подобные случаи известны судебной практике¹⁶¹. А потому можно сделать вывод, что определять финансовую пирамиду через организацию или объединение не совсем удачно.

На ряд других недостатков было обращено внимание в официальных отзывах на законопроект. В частности, Верховный Суд Российской Федерации указал, что в отличие от пояснительной записки, где сущность финансовой пирамиды связывается с привлечением денежных средств как физических, так и юридических лиц, в самом законопроекте сфера действия нормы ограничена привлечением денег исключительно физических лиц. К тому же, по мнению высшего судебного органа, не вполне обоснованно ограничивать предмет преступления только денежными средствами. Проблема же более фундаментального плана виделась в отсутствии комплексного регулирования отношений, когда правила привлечения денежных средств граждан на постоянной основе были бы четко и внятно сформулированы в нормах иной отраслевой принадлежности¹⁶².

¹⁶⁰ См. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶¹ «Б. как индивидуальный предприниматель заведомо знал, но умышленно решил скрыть от клиентов-займодавцев, что доход и прибыль его, как индивидуального предпринимателя, будут формироваться исключительно за счет взносов новых клиентов, а модель функционирования ... - не что иное как «финансовая пирамида». См. приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 1 июня 2017 г. по делу №1-45/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

¹⁶² См. официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. №2-ВС-1765/13 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В официальном отзыве Правительства Российской Федерации было обращено внимание, что квалифицирующий признак причинения значительного ущерба гражданину, закрепленный в ч. 2 предложенной ст. 172¹ УК РФ, не формализован для целей данной нормы, тогда как определение аналогичного признака в п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ ограничено рамками главы 21 УК РФ. К тому же указанный квалифицирующий признак предусматривался в ч. 2 ст. 172¹ наряду с другим обстоятельством, свидетельствующим, по мнению Правительства Российской Федерации, о более высокой степени общественной опасности деяния, - сопряженности с привлечением денежных средств населения в крупном размере. В результате устанавливалась аналогичная наказуемость деяний, характеризующихся разной степенью общественной опасности¹⁶³.

Не ставя под сомнение первую часть замечания высшего органа исполнительной власти, что признак причинения значительного ущерба необходимо было раскрыть в примечании к предложенной статье, вторая его часть представляется спорной. Квалифицирующие обстоятельства привлечение денежных средств в крупном размере и причинение значительного ущерба гражданину относятся к разным признакам состава преступления: одно – к характеристике деяния, другое – к наступившим последствиям. Масштабы деятельности могут быть таковы, что сумма привлеченных средств ряда вкладчиков свидетельствует о функционировании пирамиды как бы по-крупному. Однако в тот момент, когда пирамида изживает себя и обнаруживаются убытки отдельных вкладчиков, ущерб для некоторых из них может оказаться значительным. Иное дело – градация квалифицирующих признаков хищения, где значительный ущерб, крупный и особо крупный размер относятся к характеристике одного и того же признака состава преступления – наступивших последствий. В этих преступлениях степень негативного воздействия на объект уголовно-правовой охраны прямо связана с характеристикой последствий.

¹⁶³ См. официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 1 июля 2013 г. №3750п-П4 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Именно поэтому установление аналогичной наказуемости, например, за хищение в крупном и особо крупном размере нарушало бы принцип справедливости¹⁶⁴.

Однако на обозначенную проблему стоит взглянуть в ином ракурсе. Можно ли говорить, что вкладчику причиняется ущерб, если денежные средства им передаются добровольно, а в действиях организатора финансовой пирамиды нет признаков мошеннического обмана? При отрицательном ответе на данный вопрос у правоприменителя возникли бы основания для вывода, что речь в контексте признака значительного ущерба в предложенной статье идет о тех случаях, когда воля собственника на передачу имущества в финансовую пирамиду упречна, что породило бы неразрешимую конкуренцию с нормой о мошенничестве. Вроде бы наличие ущерба в данной ситуации обосновывается ссылкой на абз.2 п.3 ст.1064 ГК РФ, где установлено, что в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества. Совершение преступления, которое, по своей природе является деликтом¹⁶⁵, не может отвечать таким нравственным принципам. Однако очень сомнительно вести речь о наличии самого «вреда», если отторжение имущества соответствует воле собственника¹⁶⁶.

Наконец, самый заметный (хотя и формальный) изъян законопроекта, обнаружение которого не требует специальных познаний, был связан с поощряющим позитивное посткриминальное поведение примечанием к ст. 172¹ УК РФ. В нем предусматривалась возможность освобождения от уголовной ответственности для лица, совершившего преступление, предусмотренное частью 4 данной статьи, если такое лицо добровольно сообщит о преступлении и поспособствует его раскрытию. Проблема же заключалась в том, что предложенная ст. 172¹ УК РФ состояла из трех частей.

¹⁶⁴ См.: п. 2 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. №32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁵ См.: Яни П.С., Филатова М.А. Мошенничество и сделка // Российская юстиция. 2018. №3.

¹⁶⁶ Таким же образом обосновывается признак противоправности хищения. См.: Яни П. С. Понятие хищения – конституционно // Закон. №1. 2011. С. 46.

Существенные недостатки первого предложения обусловили разработку и внесение Правительством Российской Федерации 15 сентября 2015 г. альтернативного законопроекта¹⁶⁷, который в результате был принят. Разработчики отказались использовать термин финансовая пирамида, а ст. 172² УК РФ озаглавили как «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Как видно из заглавия статьи, по сравнению с первым предложением предмет расширился, в качестве преступления стало признаваться привлечение не только денежных средств, но и иного имущества. Причем разработчики не стали ограничивать источник привлекаемого имущества принадлежностью только физическим лицам. Привлечение в финансовую пирамиду имущества юридических лиц также стало наказуемым.

Хотя некоторые замечания к первому законопроекту были учтены, всех проблем, как представляется, разрешить не удалось. Более того, новый законопроект обогатился уже своими собственными недостатками, о которых более подробно будет говориться в следующей главе настоящего исследования, однако на пути принятия он не встретил каких-либо препятствий. Так, Верховный Суд Российской Федерации в своем официальном отзыве не высказал ни одного замечания к предложенной ст. 172² УК РФ, никак не прокомментировал признак сопоставимости объема инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества¹⁶⁸. Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, хотя и указал на сложность этой формулировки, отметив, что признак является оценочным и есть угроза нарушения принципа правовой определенности, каких-либо рекомендаций по этому вопросу не дал¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Проект Федерального закона №881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁸ См. официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2015 г. №3-ВС-3768/15 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ Решение Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 12 ноября 2015 г. № 164(4) «О проекте Федерального закона №881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Главная же проблема второго законопроекта видится в том, что изменилась риторика относительно предназначения отдельной нормы, предусматривающей ответственность за создание финансовых пирамид, и причин ее разработки. Если в пояснительной записке к предыдущему предложению прямо отмечалось, что квалификация действий создателей «классических» (т. е. мошеннических) пирамид не вызывает сложностей и что трудности связаны именно с привлечением к ответственности создателей пирамид нового типа, где вкладчики не вводятся в заблуждение, в пояснительной записке к новому законопроекту акценты уже расставлялись иначе. Было отмечено, что на момент внесения законопроекта не предусматривалось каких-либо форм запрета на создание и обеспечение функционирования финансовых пирамид. Подобные действия виновных могут получать оценку по ст. 159 УК РФ, однако лишь при наличии причиненного ущерба гражданам или организациям. Поэтому изменения по замыслу разработчиков были нацелены на создание нормы, имеющей упреждающее действие, устанавливающей ответственность за сам факт организации финансовой пирамиды, когда ущерб еще никому не причинен¹⁷⁰.

Не получается ли, что замысел законопроекта в таком случае был связан с тем, чтобы сделать возможным привлечение к ответственности создателей финансовых пирамид на этапе неоконченного хищения? Не выходит ли тогда, что инструменты уголовно-правового противодействия имелись? И почему речь идет исключительно о мошенничестве? Указывая, что «сложно понять законодателя, сформулировавшего и легализовавшего данный состав», В. И. Гладких задается вопросом, «не проще было бы сформулировать указанное деяние как одну из форм мошенничества, поскольку в подобном виде статья выглядит как некий полуфабрикат, не очень пригодный для практического употребления?»¹⁷¹.

Изначально побудившая разработку отдельного запрета проблема ушла на задний план, стала чем-то незначительным на фоне возникшей конкуренции

¹⁷⁰ См. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷¹ Гладких В.И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

между новой нормой и мошенничеством. В некоторых судебных решениях норма, предусмотренная ст. 172² УК РФ, стала рассматриваться в качестве специального случая мошенничества¹⁷², в других – в качестве нормы, усиливающей ответственность организаторов финансовых пирамид и требующей дополнительного вменения к мошенничеству¹⁷³. Последний подход получил поддержку в теории среди отдельных исследователей¹⁷⁴. Даже разъяснения высшего судебного органа в части разграничения мошенничества и преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не решили всех проблем¹⁷⁵. Момент возникновения умысла и признаки введения в заблуждения некоторыми правоприменителями стали истолковываться таким образом, что очевидные случаи мошенничества квалифицировались по ст. 172² УК РФ¹⁷⁶.

В настоящее время Российская Федерация переживает очередную волну строительства финансовых пирамид. Увеличение числа таких проектов объясняется повышением интереса у населения к финансовому рынку, люди верят в возможность высоких доходов без значительных трудовых затрат. Большинство финансовых пирамид сейчас функционирует в сети «Интернет»¹⁷⁷, что обеспечивает динамичное развитие (т.е. позволяет привлечь более широкую аудиторию в максимально короткий срок), а в случае необходимости – анонимность организаторов. Возможность привлечь в сжатые сроки средства значительного числа вкладчиков обуславливает другую особенность – короткий промежуток существования. Действующие в настоящее время пирамиды отличаются меньшими масштабами, однако это обычно связано с тем, что организаторы, собрав «выручку» с одного проекта, тут же переходят к открытию

¹⁷² См., напр.: апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 ноября 2016 г. по делу № 10-5261/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KSOblNiiZC6l/>

¹⁷³ См., напр.: апелляционное определение Челябинского областного суда от 31 мая 2017 г. по делу №10-1269/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bvf5xHvDV2mX/>

¹⁷⁴ См., напр.: Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ). С.80-85

¹⁷⁵ См.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁶ См. кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2020 г. по делу №7У-11985/2020 [77-2545/2020] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁷ Для сравнения в 2021 г. из 871 финансовой пирамиды в форме Общества с ограниченной ответственностью функционировало 69 проектов (7,9 %), в форме потребительского кооператива – 59 (6,8%), в форме акционерного общества – 16 (1,8 %). URL: <https://cbr.ru/analytics/inside/2021/>

другого. Более половины пирамид привлекают средства в криптовалюте или рекламируют вложения в несуществующие криптоактивы¹⁷⁸, пользуясь интересом населения к этим финансовым инструментам, но в то же время недостаточной осведомленностью о них. Наконец, нельзя не отметить трансграничный характер финансовых пирамид, что стало возможным в связи с их уходом в «Интернет» (наиболее ярким примером последних лет стал интернет-проект «Finiko»¹⁷⁹).

На фоне очередной волны пирамидостроительства вновь начались разговоры о необходимости совершенствования уголовно-правового противодействия, которые в полной мере обнажили концептуальную проблему ст. 172² УК РФ, связанную с определением предназначения нормы. В начале апреля 2023 г. Федеральный фонд по защите прав вкладчиков выступил с инициативой по внесению изменений в указанную норму, разработанный законопроект прошел обсуждение в Банке России и получил одобрение¹⁸⁰. Буквально через неделю в СМИ появилась информация о внесении группой депутатов законопроекта в нижнюю палату Федерального Собрания. Как сообщалось, главой комитета Государственной Думы по финансовому рынку А.Г. Аксаковым законопроект был направлен в Правительство Российской Федерации для получения официального отзыва¹⁸¹. Однако на официальном сайте Государственной Думы информации о внесении такого законопроекта нет.

Что касается законопроекта, даже не столь удивительна его риторика, сколько наличие фактических ошибок. Указывая на неэффективность ст. 172² УК РФ, разработчики утверждают, что за все время существования нормы с 2016 г. было возбуждено 24 уголовных дела, ни одно из которых не дошло до суда.

¹⁷⁸ Управляющий Федеральным фондом по защите прав вкладчиков и акционеров Марат Сафиулин поясняет, что «организаторам подобных схем довольно трудно предъявить юридические претензии: они продали реальную криптоединицу, обеспечивали заранее оговоренный рост, а резкий обвал выдается за издержки рыночных рисков». См.: Рушайло П. Жертвы жадности // Коммерсантъ, 30 сентября 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4985953/>.

¹⁷⁹ Эта финансовая пирамида действовала без образования юридического лица не только на территории Российской Федерации, но и Германии, Австрии, Венгрии, Казахстана, Киргизии, США и ряда других стран. Средства вкладчиков первоначально привлекались посредством покупки внутренней валюты – цифрона, а затем – собственной криптовалюты. См.: Меркин Г. Finiko мирового масштаба // Коммерсантъ, 10 сентября 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4984627/>.

¹⁸⁰ В России серьезно ужесточат наказание за создание преступных финансовых схем // Российская газета, 4 апреля 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/piramidy-ne-ustoiat.html/>.

¹⁸¹ В Госдуме предлагают конфискацию имущества и до 12 лет тюрьмы за создание финансовых пирамид // Интерфакс, 13 апреля 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895883/>.

Статистическая отчетность Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме №10-а, по всей видимости, при подготовке законопроекта не учитывалась¹⁸².

Сомнителен довод о возможности легкого обхода злоумышленниками предусмотренного ст. 172² УК РФ запрета, для чего достаточно собранные средства вложить хоть в какие-нибудь активы, поскольку якобы главным условием вменения состава является привлечение имущества при отсутствии какой-либо инвестиционной или иной экономической деятельности. Здесь в качестве возражения уместно привести встречающуюся в литературе позицию (пока без оценки ее справедливости), что вообще в отличие от мошенничества вменение ст. 172² УК РФ возможно лишь в том случае, когда какая-нибудь инвестиционная, предпринимательская или иная экономическая деятельность ведется, однако в недостаточном для покрытия всех издержек объеме¹⁸³. Поэтому нельзя сказать, что вложение привлеченных средств в какие-либо активы само по себе исключает возможность правовой оценки по ст. 172² УК РФ, такой вывод не основан на законе.

В целом инициатива может показаться не такой уж и плохой, если учесть, что после изменений ст. 172² УК РФ станет полным аналогом ст. 217 УК Казахстана. Однако концептуально проблема заключается в том, что там упомянутая норма стала специальным случаем мошенничества, именно таким образом она была воспринята в судебной практике¹⁸⁴. А раз так, не окажутся ли в рамках одной нормы одинаково наказуемыми действия, отличающиеся по характеру и степени общественной опасности?

Есть ли необходимость в криминализации финансовых пирамид, где вкладчики заранее предупреждаются о том, с чем они имеют дело? Представляют ли такие пирамиды общественную опасность, если, действуя при отсутствии заблуждения, вкладчики способны оценить риск собственных действий по

¹⁸² За период с 2016 по 2022 гг. по ст. 172² УК РФ было осуждено 26 лиц (причем в 2022 г. норма после некоторого перерыва вновь заработала, по ч. 2 ст. 172² УК РФ было осуждено 6 лиц). См. статистические отчеты по форме №10-а // URL: <http://www.cdep.ru/>.

¹⁸³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 46.

¹⁸⁴ См. об этом: Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): к вопросу о наличии идеальной совокупности с мошенничеством // Уголовное право. 2022. №12.

передаче денег или иного имущества? Опрос 107 сотрудников Банка России показал, что 80,4 % респондентов считают, что пирамиды, которые не прибегают к обману вкладчиков, обладают общественной опасностью. Из 28 опрошенных адъюнктов Академии управления МВД России (г. Москва) 71 % респондентов аналогичным образом ответили на данный вопрос.

Однако имеют ли такие пирамиды отличия в своей общественной опасности? Безусловно. При наличии признаков обмана финансовая пирамида, во-первых, становится средством посягательства на собственность, во-вторых, подрывает доверие населения к финансовым институтам (в том числе к банковской системе, значение которой для экономики любой страны трудно переоценить). В свою очередь, когда пирамидальный принцип деятельности не скрывается, общественная опасность заключается только лишь в конкуренции с реальными участниками финансового рынка, с организациями, которые занимаются инвестиционной, предпринимательской и иной законной экономической деятельностью. В таком случае финансовая пирамида оказывается паразитирующим организмом, не производящими материальных благ и препятствующими притоку активов в реальный сектор экономики, а не средство обманного посягательства на собственность.

Законопроект предлагает дополнить ст. 172² УК РФ частью 4, в которой среди квалифицирующих признаков предусматривается, в частности, сопряженность деяния с привлечением денежных средств или иного имущества в особо крупном размере¹⁸⁵. Максимальная наказуемость составляет 12 лет лишения свободы. Поскольку статья не содержит каких-либо оговорок, такое наказание теоретически может быть назначено как мошеннику, который использовал финансовую пирамиду для завладения имуществом, так и организатору «добросовестной» пирамиды, которому удалось привлечь имущество в особо крупном размере. Идя таким путем, очень скоро может

¹⁸⁵ К слову, авторы инициативы пытаются «протащить» казахстанскую норму без какой-либо адаптации под российскую правовую действительность. В предлагаемой ч. 3 ст. 172² УК РФ среди квалифицирующих признаков имеется исключенная в 2003 г. неоднократность, в ч. 4 – совершение деяния «преступной группой» (аналог отечественной «организованной группы»).

показаться удачной идея объединения в один запрет с аналогичной наказуемостью всех форм хищения.

Инициатива по усилению ответственности за организацию финансовых пирамид не была поддержана Уполномоченным при президенте России по защите прав предпринимателей Б. Ю. Титовым, который вполне справедливо указал, что касательно нынешней редакции ст. 172² УК РФ нет оснований с достаточной степенью определенности утверждать о недостаточности предусмотренных в ней санкций.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в развитии уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в России можно выделить следующие этапы: 1) приспособление привычного уголовно-правового инструментария (в первую очередь, адаптация в 90-х гг. прошлого столетия нормы об ответственности за мошенничество к ранее не встречавшемуся явлению); 2) возникновение предпосылок к появлению самостоятельного уголовно-правового запрета деятельности финансовых пирамид, его выработка и принятие; 3) решение концептуальной проблемы о предназначении появившегося запрета в ст. 172² УК РФ. К настоящему моменту последний из указанных этапов не завершен, о чем свидетельствует попытка реформирования ст. 172² УК РФ на основе опыта Республики Казахстан, где подобный уголовно-правовой запрет охватил случаи, ранее оцениваемые на практике как мошенничество. Существенным недостатком подобной инициативы является отсутствие дифференцированного подхода к установлению уголовной ответственности.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА

§ 1. Объективные признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества

1. Основной непосредственный объект

Анализируемая в предыдущей главе концептуальная проблема установления предназначения самостоятельной нормы об ответственности за образование финансовых пирамид прочно связана с рядом иных проблем, первой из которых следует назвать различное понимание в теории объекта преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ.

А.В. Харьков выделяет, по крайней мере, две точки зрения относительно объекта указанного преступления. Ссылаясь на результаты проведенного опроса более 100 сотрудников органов внутренних дел, он отмечает, что 47,2% респондентов указали непосредственным объектом предусмотренного ст. 172² УК РФ преступления собственность, а 41,9 % опрошенных – отношения в сфере предпринимательской деятельности¹⁸⁶. Сам же автор верной считает вторую позицию, указывая, что «объектом преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, являются общественные отношения, позволяющие осуществлять на свой риск самостоятельную, зарегистрированную в установленном законом порядке, предпринимательскую деятельность... т.е. предпринимательские отношения»¹⁸⁷.

Хотя исследователем делается та оговорка, что некоммерческие организации (к примеру, потребительские кооперативы) могут рассматриваться

¹⁸⁶ За какой вариант высказались оставшиеся 10,9 %, исследователь не указывает. См.: Харьков А.В. Непосредственный объект преступного посягательства по ст. 172.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №4. С. 174-176.

¹⁸⁷ Там же. С. 176.

как осуществляющие предпринимательскую деятельность¹⁸⁸, все же трудно согласиться с тем, что финансовые пирамиды, действующие как некоммерческие организации, всегда позиционируют себя в качестве субъектов предпринимательства. Поэтому ограничение объекта преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, исключительно предпринимательскими отношениями спорно. Как уже отмечалось, в рамках финансовой пирамиды может происходить простое перераспределение активов, когда получение прибыли не является целью организатора. Вместе с тем результат проведенного опроса весьма показателен, отражает наличие проблемы, о которой говорилось в предыдущей главе.

Итоги наших опросов 107 сотрудников Банка России и 28 адъюнктов Академии управления МВД России позволили выявить ту же тенденцию. Так, 65,4 % опрошенных сотрудников Банка России указали, что предусмотренное ст. 172² УК РФ преступление прежде всего посягает на имущественные интересы граждан и организаций, тогда как 29 % респондентов указали в качестве непосредственного объекта экономические интересы государства, состоящие в стабильности предпринимательской, инвестиционной и иной законной экономической деятельности. Среди адъюнктов подобные ответы дали, соответственно, 53,6 % и 42,9 % опрошенных.

В судебной практике объект предусмотренного ст. 172² УК РФ преступления нередко определяется как «отношения, обеспечивающие правомерное осуществление предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности на основе соблюдения принципов добросовестности, свободы конкуренции и использования в экономической деятельности легально полученного имущества»¹⁸⁹. Думается, словосочетание «правомерное

¹⁸⁸ Все же позиция В.Ю. Белицкого, состоящая в том, что объектом финансовых пирамид, «вуалирующих свою деятельность под видом касс взаимопомощи, кредитных потребительских кооперативов граждан, является уже не предпринимательская, а иная не запрещенная законом экономическая деятельность по привлечению денежных средств граждан», более предпочтительна, поскольку законодатель прямо указывает, что кредитные кооперативы являются некоммерческими организациями и создаются в целях удовлетворения финансовых потребностей своих членов, а не в целях поучения прибыли. См.: Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) ... С. 82.

¹⁸⁹ См.: постановление президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 5 июля 2017 г. по делу №4У-902/2017 [44У-127/2017]; апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11 августа 2021 г. по

осуществление» в приведенной формулировке по своему смыслу предполагает, что посягательство происходит на установленный порядок осуществления инвестиционной, предпринимательской или иной экономической деятельности. Однако это далеко не всегда так. Хотя зачастую современные пирамиды существуют исключительно как не имеющие статуса юридического лица проекты в сети «Интернет», пирамидальный механизм может быть запущен в рамках отвечающей всем формальным требованиям организации (например, коммерческого банка или кредитного кооператива¹⁹⁰). В связи с этим критика наименования ст. 172² УК РФ и ее диспозиции за то, что в них нет указания на незаконный характер деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества, видится не такой уж и обоснованной¹⁹¹.

М.Г. Жилкин, к примеру, пишет, что законодателю необходимо было «указать на факт незаконности организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, как это сделано, в частности, в ст. 171, 171² - 172 УК РФ»¹⁹². При этом им предлагается диспозицию ст. 172² УК РФ изложить следующим образом: «Организация либо осуществление лицом незаконной деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества при отсутствии признаков хищения, совершенные в крупном размере, за исключением случаев, предусмотренных статьей 200³ настоящего Кодекса»¹⁹³. Однако возникает вопрос о том, будет ли охватываться нормой в предлагаемой редакции деятельность, отвечающая всем формальным требованиям закона, если

делу №22-1214/2021; апелляционное определение Вологодского областного суда от 15 августа 2022 г. по делу №22-1434/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

¹⁹⁰ В подобных случаях такой механизм запускается для привлечения как можно большего числа вкладчиков (пайщиков) с целью последующего хищения. По одному из дел указано, что «Г. ... создал и использовал кредитный потребительский кооператив не для достижения целей, предусмотренных Федеральным законом от 18 июля 2009 года №190-ФЗ «О кредитной кооперации» - организации финансовой взаимопомощи пайщиков, а в личных корыстных целях как средство обеспечения своего регулярного дохода за счет постоянного привлечения денежных средств граждан и их последующего хищения... Пайщикам производились выплаты процентов по договору, но не за счет полученной прибыли, которой за весь период деятельности кооператива не было, а за счет поступления вкладов от новых пайщиков, то есть по принципу "финансовой пирамиды". Указанные действия были направлены на придание и создание видимости **законной** (выделено мною. – А.З.) экономической деятельности». См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2022 г. по делу №48-УД22-38-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹¹ См. об этом: Мосякина И.К. Указ. соч. С. 99-100.

¹⁹² Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹³ Там же.

источником предоставления имущественной выгоды одним вкладчикам становятся полученные от других активы? Думается, что нет, если привлечение активов ведется на законных основаниях (например, в рамках деятельности кредитного кооператива), а распределение этих активов происходит с использованием пирамидального механизма.

Разработчики нормы в ее нынешней редакции, конечно же, не предполагали криминализировать любую деятельность по привлечению денежных средств или иного имущества, на что, иронизируя, указывают исследователи¹⁹⁴. Разработчики нормы пытались описать обстоятельства, при которых деятельность, связанная с привлечением денежных средств или иного имущества, приобретает общественную опасность (можно было бы сказать, криминальную, если бы не наличие подобного запрета в законодательстве об административных правонарушениях). Связано это с тем, что по итогу такой деятельности в обязательном порядке появляются потерявшие свои сбережения вкладчики, происходит отвлечение инвестиций от реального сектора экономики.

В рамках собственной классификации преступлений в сфере экономической деятельности, которая основана на выработанных в экономической науке принципах осуществления экономической деятельности, Н.А. Лопашенко выделяет посягательства на общественные отношения, основанные на принципе запрета заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности. Именно к этой категории тяготеют финансовые пирамиды. Как уже было продемонстрировано на примере опыта США, недопустимость использования пирамидальной схемы в законной экономической деятельности связывается с заведомым наличием имущественных потерь большинства вкладчиков, что предполагают арифметические законы геометрической прогрессии.

В связи с этим признание Н.А. Лопашенко объектом предусмотренного ст. 172² УК РФ преступления экономических отношений, соответствующих принципу добропорядочности субъектов экономической деятельности, спорно, о

¹⁹⁴ См.: Куприянов Ф.А. Адвокат Федор Куприянов: через 100 лет — новый запрет «деятельности по привлечению денежных средств» (статья 172.2 УК РФ)? // Viperson.ru, 17 марта 2017 г. URL: <http://viperson.ru/articles/advokat-fedor-kupriyanov-cherez-100-let-novyy-zapret-deyatelnosti-po-privlecheniyu-denezhnyh-sredstv-statya-172-2-ukrf/>.

чем свидетельствует и противоречивая, на наш взгляд, аргументация автора. Так, ею отмечается, что вкладчики финансовых пирамид инвестируют свои активы, поверив в обещания высоких процентов, которые нереалистичны, однако, на что также обращает внимание исследователь, организаторы предупреждают этих вкладчиков о риске не получить средства обратно, то есть не обманывают их¹⁹⁵. Но если лицо не вводится в заблуждение, можно ли вести речь о нарушении принципа добропорядочности? Не получается ли в таком случае, наоборот, что создатели пирамид, предупреждая вкладчиков о риске имущественных потерь, действуют добросовестно?

На отсутствие признака незаконности в наименовании и диспозиции ст. 172² УК РФ можно взглянуть в ином ракурсе. Даже при описанных в норме обстоятельствах привлечение денежных средств или иного имущества может происходить в рамках именно законной экономической деятельности. Однако в разряд законных ее переводит наличие ряда препятствующих имущественным потерям вкладчиков условий. Самым ярким примером являются организации прямых продаж. Хотя в России на данный момент отсутствует специальное регулирование многоуровневого маркетинга, с каждым годом популярность подобной системы продаж возрастает. По данным Международной ассоциации прямых продаж с подобными организациями сотрудничают порядка 1,15 млн россиян¹⁹⁶.

Как отмечалось в предыдущей главе, признаки пирамидальной схемы в организациях, функционирующих по принципу многоуровневого маркетинга, присутствуют, однако стимулирование продаж конечным потребителям и возможность обратного выкупа продукции, по существу, препятствуют имущественным потерям дистрибьюторов. В США во всех штатах в регулятивном законодательстве содержатся требования, ограничения и запреты относительно деятельности организаций, занимающихся прямыми продажами. К примеру, в штате Вайоминг установлено, что дистрибьюторский договор должен

¹⁹⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 44.

¹⁹⁶ Гороховская Т. Прямые продажи: реалии, возможности и перспективы // Forbes, 4 июля 2022 г.. URL: <https://blogs.forbes.ru/2022/07/04/prjamyje-prodazhi-realii-vozmozhnosti-i-perspektivy/>.

предусматривать условие о возможности отказа участника маркетингового плана от продолжения сотрудничества независимо от причин в любое время с письменным уведомлением об этом компании. В таком случае организация по требованию участника маркетингового плана должна выкупить обратно нереализованную продукцию, рекламные и иные материалы по цене не ниже 90% от их первоначальной стоимости. При этом запрещена выплата вознаграждения участникам маркетингового плана исключительно за привлечение других лиц¹⁹⁷.

В России же в отсутствие детального регулирования многоуровневого маркетинга представляется возможным охватить деятельность подобных компаний диспозицией ст. 172² УК РФ. Допустим, организация занимается производством косметики и реализует продукцию посредством системы прямых продаж. Результатом продажи продукции участникам маркетингового плана становится выручка, тогда как в терминологии ст. 172² УК РФ происходит привлечение денежных средств физических лиц под видом реализации косметики. Для получения различных бонусов и вознаграждений участники должны заниматься расширением своей команды (личной группы), то есть склонением других лиц к сотрудничеству с компанией. Хотя наличие и размер бонусов и иных вознаграждений зависят от валового объема продаж команды (личной группы), то есть напрямую не связаны с привлечением новых участников, все же источником выплат (поскольку он единственный, если организация занимается только реализацией произведенной косметики) становятся денежные средства, полученные от участников маркетингового плана при продаже продукции. В результате под вопросом остается лишь закрепленный в ст. 172² УК РФ признак сопоставимости объемов, который в описанном примере несложно установить при одном из подходов к его толкованию. Так, по мнению исследователей из ВНИИ МВД России, при оценке наличия этого признака необходимо учитывать, что «размер инвестированных (использованных в предпринимательской и иной законной деятельности) денежных средств или переданного имущества

¹⁹⁷ См.: Wyoming Multilevel and Pyramid Distributorship Act (WY Stat § 40-3-101 and et.) // URL: <https://law.justia.com/codes/wyoming/2021/title-40/chapter-3/>.

незначительно отличается от размера привлеченных денежных средств и (или) иного имущества»¹⁹⁸. Иными словами, привлеченные средства должны использоваться в инвестиционной, предпринимательской или иной экономической деятельности, а не перераспределяться между вкладчиками. Поскольку же в смоделированной ситуации значительная часть привлеченных от участников маркетингового плана денежных средств тратится на выплату бонусов и иных вознаграждений, а не используется в экономической деятельности, то вести речь о сопоставимости объемов уже не приходится.

А.Н. Лясколо, полагаясь на предложенную им классификацию финансовых преступлений¹⁹⁹, относит деяние, предусмотренное ст. 172² УК РФ, к посягательствам на финансовую безопасность в сфере рынка коллективных инвестиций. Данный сегмент финансового рынка играет важную роль потому, что здесь аккумулируются капиталовложения множества субъектов. Однако преступления совершаются в этой сфере, по мнению исследователя, не профессиональными участниками рынка коллективных инвестиций, а подменяющими их субъектами, использующими не предусмотренные или запрещенные законом способы привлечения капитала²⁰⁰.

Недостаток позиции А.Н. Лясколо видится в том, что о финансовой пирамиде в части объекта посягательства исследователь ведет речь лишь как о недобросовестной практике массового привлечения средств, создающей угрозу причинения вреда широкому кругу инвесторов, отвлекающей инвестиционные потоки и дестабилизирующей систему перераспределения финансовых ресурсов

¹⁹⁸ Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ): методические рекомендации / В.В. Улейчик, Л.В. Яковлева, Е.И. Майорова, В.А. Рязанцев. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 8.

¹⁹⁹ Финансовые преступления рассматриваются им в качестве децентрализованной группы преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 и 30 УК РФ, которые, тем не менее, могут быть сгруппированы по критерию общего объекта преступного посягательства, в качестве которого выступает финансовая безопасность. Сама финансовая безопасность является ценностью-целью, вред которой причиняется через нарушение ценности-средства – финансовых отношений. Таким образом, финансовая безопасность определяется как «финансовая устойчивость (стабильность) субъектов финансовых отношений, вред которой причиняется посредством нарушения установленного порядка обращения финансовых активов (денежных средств, финансовых инструментов, драгоценных металлов и драгоценных камней)». См.: Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2022. С. 42-43.

²⁰⁰ Там же. С. 419.

на финансовом рынке²⁰¹. Как уже отмечалось в предыдущей главе, в зависимости от того, сопровождаются ли деятельность финансовой пирамиды элементы обмана, окраска вреда имеет разные оттенки. Сопряжение деятельности финансовой пирамиды с введением вкладчиков в заблуждение влечет, помимо оцениваемого в рамках нормы о мошенничестве имущественного вреда, подрыв доверия потенциальных инвесторов к деятельности, связанной с аккумуляцией временно свободных активов и их перераспределением, что и образует функциональную сторону рынка коллективных инвестиций. Тогда как вред «добросовестных» пирамид сводится только лишь к отвлечению инвестиционных потоков, поскольку такие паразитирующие организмы могут предложить то, чего не в силах обещать реальные экономические субъекты, – быстрое обогащение.

Эта заманчивая идея побуждает многих к тому, чтобы рискнуть собственными сбережениями, которые, являясь незначительными по отдельности, при объединении могли бы образовать значительный вклад в развитие экономики. Допустимо ли в этом случае говорить о том, что посягательство происходит именно на финансовую безопасность в сфере рынка коллективных инвестиций? Думается, ответ может быть утвердительным, если подразумевать под финансовой безопасностью устойчивость (стабильность) тех субъектов, которые недополучили возможных инвестиций. Однако нет оснований утверждать, что соответствующие активы были бы использованы именно как коллективные вложения.

Поэтому о **непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ**, правильней говорить как о **публичных экономических интересах, состоящих в стабильности (устойчивости) инвестиционной, предпринимательской и иной законной экономической деятельности**.

2. Вопрос о наличии потерпевшего

Состав преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, по своей конструкции является формальным, законодателем не описаны последствия общественно опасного деяния, что, тем не менее, не может означать отсутствие

²⁰¹ Там же. С. 69.

таковых вообще²⁰². Деятельность финансовых пирамид неизбежно влечет отток инвестиций, дестабилизацию системы перераспределения активов, поэтому нет необходимости специально доказывать наличие вредных последствий для публичных экономических интересов. Вместе с тем не так очевидно, является ли имущественный вред признаком состава указанного преступления, который - при отсутствии непосредственного упоминания о нем - может выводиться из законодательного описания диспозиции? Относится ли потерпевший к признакам состава преступления?

В судебной практике вкладчики финансовых пирамид признаются потерпевшими и гражданскими истцами по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 172² УК РФ. По одному из дел, к примеру, указано, что «суд, признавая право на удовлетворение гражданских исков за другими потерпевшими, сослался на положения ч. 1 ст. 1064 и ст. 1080 ГК РФ, в то же время, отказывая в аналогичных требованиях другим потерпевшим, не учел, что в порядке гражданского судопроизводства были рассмотрены их требования, связанные с невыполнением юридическим лицом обязательств по заключенным договорам, а не ущерб, причиненный потерпевшим действиями осужденных, то есть основания исковых требований потерпевших, в удовлетворении которых суд отказал, были иными»²⁰³.

Соответствующая практика основана на неоднозначном толковании признаков хищения, о чем будет сказано далее. В таких случаях при наличии, на первый взгляд, всех оснований для оценки имущественного вреда в рамках нормы о мошенничестве правоприменитель испытывает трудности с установлением

²⁰² «Общественно опасные последствия совершенного преступления – в зависимости от конструкции его состава: материального или формального – могут входить или не входить в число его обязательных признаков. Вместе с тем отсутствие указаний на такие последствия в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ в качестве признака состава предусмотренного ею преступления не означает, что совершение этого преступления не влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения». См.: абз. 1 п. 2.2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. №2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Т.И. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰³ См.: постановление президиума Самарского областного суда от 29 июня 2018 г. по делу №44У-186/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

возникшего до передачи имущества прямого умысла на хищение и корыстной цели. В результате квалификация содеянного производится по ст. 172² УК РФ.

В подобных случаях правоприменитель усматривает наличие ущерба, поскольку уменьшение имущественной массы происходит помимо воли собственника или законного владельца. Как пишет П.С. Яни, «ущерб – понятие гражданско-правовое, характеризующее результат определенного воздействия на отношения собственности»²⁰⁴. Поскольку волеизъявление на передачу имущества формируется под влиянием обмана, оно является дефектным и не имеет правового значения. В результате происходит нарушение положений регулятивного законодательства, закрепляющих «право собственника на распоряжение имуществом исключительно в соответствии с его волеизъявлением, по его только усмотрению, основанному на презумпции в том числе его разумности (ст. ст. 1, 2, 10, 209 и др. ГК)»²⁰⁵. Это и позволяет говорить о наличии имущественного вреда даже при отсутствии с позиции правоприменителя всех необходимых признаков хищения.

Однако можно ли говорить, что имущественный вред в таком случае выступает признаком именно состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ? Как известно, реально совершенное преступление по своему фактическому содержанию богаче именуемой составом преступления отраженной (описанной) в норме Особенной части уголовного закона модели, в которой закреплены лишь необходимые и достаточные признаки для признания соответствующего деяния преступлением. Признаки, находящиеся согласно их описанию в законе за пределами состава преступления, не имеют значения для решения вопросов уголовной ответственности, но могут быть важны для доказывания, индивидуализации наказания²⁰⁶. Вместе с тем наличие имущественного вреда говорит о посягательстве на собственность, а от признания

²⁰⁴ Яни П.С. Размер хищения // Законность. 2016. №11. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁵ Яни П.С. Противоправность как признак хищения // Законность. 2014. №6. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁶ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. - М.: Норма, 2005. С. 103.

этого социального блага объектом преступления, пускай дополнительным или факультативным, могут зависеть вопросы уголовно-правовой оценки.

В свое время в науке развернулась дискуссия относительно наличия имущественного вреда в составе фальшивомонетничества, на счет чего высказывались прямо противоположные мнения. М.В. Феоктистов утверждает, что имущественные интересы собственника выступают дополнительным объектом (а не факультативным, что прямо подчеркивается автором) в составе фальшивомонетничества, потому что в подавляющем большинстве случаев сбыт поддельных денег сопряжен с приобретением товаров и оплатой услуг, в связи с чем сбытчик руководствуется корыстной мотивацией²⁰⁷. П.С. Яни, в свою очередь указывая, что не всегда сбыт поддельных денег заканчивается причинением ущерба (к примеру, дарение фальшивой купюры), тем самым не соглашаясь с выводом о том, что имущественные интересы собственника выступают именно дополнительным объектом обсуждаемого преступления, задается вопросом, не относятся ли эти интересы к факультативному объекту? Отрицательно отвечая на данный вопрос, этот исследователь полагает, что в уголовном законе должно содержаться прямое указание на соответствующее общественно опасное последствие²⁰⁸. В зависимости от занятой позиции по-разному решается вопрос о соотношении сбыта поддельных денег или ценных бумаг с мошенничеством: вменение только состава фальшивомонетничества или квалификация по совокупности²⁰⁹.

В статьях Особенной части УК РФ объект преступного посягательства обычно²¹⁰ не упоминается, поэтому в теории для его установления предлагается

²⁰⁷ См.: Феоктистов М.В. Совокупности нет, гражданский иск подлежит удовлетворению // Уголовное право. 2005. № 4. С. 142-143.

²⁰⁸ См.: Яни П.С. Ущерб собственнику при фальшивомонетничестве: совокупность с мошенничеством, гражданский иск // Уголовное право. 2005. № 4. С. 135-139.

²⁰⁹ По мнению высшего судебного органа, статьей 186 УК РФ охватывается незаконное приобретение лицом чужого имущества в результате совершенных операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами. См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. №2 (ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс». В науке это разъяснение подвергается критике. См.: Складов С.В. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2002. №10.

²¹⁰ О содержании непосредственного объекта можно судить по расположению уголовно-правовой нормы, закрепляющей описание преступного деяния, в соответствующих разделе и главе Особенной части УК РФ,

производить анализ других признаков состава преступления²¹¹. Механизм выплаты дохода одним вкладчикам пирамиды за счет других по законам геометрической прогрессии всегда обречен на крах с наличием имущественных потерь. Однако для характеристики таких потерь как ущерба необходимо установить наличие обмана, который влечет порочность волеизъявления и нарушение норм регулятивного законодательства. Однако обман отсутствует в числе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, что и препятствует отнесению имущественных интересов собственника к дополнительному (факультативному) объекту преступления. В связи с этим в числе признаков состава преступления потерпевший отсутствует.

3. Предмет преступления

Согласно диспозиции ст. 172² УК РФ запрещенное деяние предполагает привлечение виновным **денежных средств и (или) иного имущества**, что и следует признавать предметом преступления.

По результатам проведенного опроса 57,9 % сотрудников Банка России и 60,7 % адъюнктов Академии управления МВД России считают, что категорией «имущество» в рамках ст. 172² УК РФ охватывается упомянутое в норме мошенничестве право на имущество. Отсюда видно, что далеко не все участники опроса готовы понимать используемую в диспозиции ст. 172² УК РФ категорию имущество в гражданско-правовом смысле, что вынуждает обратиться к истокам проблематики, которые обнаруживаются в терминологии главы 21 УК РФ.

Как известно, в рамках преступлений против собственности категории «имущество» и «право на имущество» противопоставляются. Последняя из этих категорий упоминается лишь в составах мошенничества и вымогательства. Поэтому в предмет хищения, которым является имущество, не включается право на имущество, к чему, по мнению высшего судебного органа, следует относить

которые отражают родовой и видовой объект уголовно-правовой охраны. Вместе с тем такой конкретизации зачастую оказывается недостаточно, иначе не возникло бы дискуссий, подобных той, которая развернулась вокруг соотношения сбыта поддельных денег и мошенничества. Поэтому определенно говорить о непосредственном объекте можно в тех случаях, когда законодатель прямо указывает на причиняемый деянием вред того или иного вида.

²¹¹ В.Н. Кудрявцев писал, что «признаки объекта нетрудно вывести из уже имеющихся в составе других признаков». См.: Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963. С. 93.

различные имущественные права (к примеру, право требования по векселю)²¹². Исходя из этого, утверждается, что «термин «имущество» в гл. 21 УК РФ приобрело автономный, специфический отраслевой смысл, который отличается от базового гражданско-правового содержания»²¹³. По сути, под имуществом как предметом хищения за счет физического признака долгое время понимались лишь вещи²¹⁴.

В последние годы произошло сближение уголовно-правового и гражданско-правового понимания имущества для целей гл. 21 УК РФ в результате последовательного отказа сначала в судебной практике²¹⁵, а затем и законодателя²¹⁶ от физического признака предмета хищения. Теперь безналичные деньги признаются предметом хищения, хотя с гражданско-правовой точки зрения они представляют собой право требования клиента к банку, то есть имущественное право. Последнее же обстоятельство свидетельствует о том, что безналичные деньги с позиции той самой терминологической дихотомии в гл. 21 УК РФ скорее тяготеют к праву на имущество. Однако отнесение безналичных денег именно к праву на имущество существенно бы ослабляло уголовно-правовую охрану интересов их обладателей, поскольку в таком случае в распоряжении правоприменителя находились бы только нормы об ответственности за мошенничество и вымогательство.

В результате в настоящее время созрели предпосылки для отказа от деления предмета преступлений против собственности на имущество и право на

²¹² См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹³ Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. №2. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁴ См.: Яни П.С. Вопросы квалификации хищения безналичных средств // Законность. 2022. №1. СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁵ Уже в 2007 г. высший судебный орган разъяснил о необходимости квалифицировать обманное завладение безналичными денежными средствами именно как хищение, а не как приобретение права на чужое имущество. См.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». См. об этом: Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. №4.

²¹⁶ Имеется в виду Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ, которым норма об ответственности за тайное хищение дополнена квалифицирующим признаком совершения хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

имущество. А.В. Архипов по этому поводу пишет, что «данное разделение является наследием иной экономической реальности... после отказа законодателя от обязательности физического (вещного) признака предмета хищения сохраняющееся в законе разделение предмета преступлений против собственности на имущество и право на имущество утратило смысл. Существующая редакция закона вносит путаницу, заставляя практических работников всякий раз, сталкиваясь с посягательствами, предметом которых являются имущественные права, решать, относятся они к имуществу или к праву на имущество, неоправданно усложняя правоприменение»²¹⁷. Идею эту нельзя назвать новой. Еще более 20 лет назад С.М. Кочои не усматривал оснований для противопоставления категорий «имущество» и «право на имущество». Последняя из них, по мнению исследователя, является ничем иным как имущественным правом, указанным в ст. 128 ГК РФ, и должна охватываться понятием имущества²¹⁸.

Для целей ст. 172² УК РФ, которая находится к тому же в иной главе Особенной части, определять содержание категории «имущество» в гражданско-правовом смысле нет никаких препятствий.

По данным Банка России, в 2021 г. более половины выявленных финансовых пирамид (460 субъектов) использовали в своей деятельности криптовалюту, то есть осуществляли привлечение денежных средств вкладчиков с применением различных криптовалют и токенов, предлагали инвестиции в криптовалютные активы²¹⁹. Вопрос о признании цифровой валюты (криптовалюты) предметом преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не имеет особой специфики и должен решаться в рамках общей проблемы определения ее правового статуса для целей уголовного права.

Необходимо подчеркнуть, что цифровая валюта прямо не названа в перечне объектов гражданских прав, указанных в ст. 128 ГК РФ. Распространенное

²¹⁷ Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. №6. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁸ Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 1999. С. 110-111.

²¹⁹ Годовой отчет Банка России за 2021 г., утв. Советом директоров Банка России 8 апреля 2022 г. // URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/40915/ar_2021.pdf

заблуждение, что цифровая валюта относится к цифровым финансовым активам, то есть является разновидностью цифровых прав, опровергается самим ее определением, согласно которому в отношении электронных данных (цифрового кода или обозначения), составляющих цифровую валюту, отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных²²⁰. Поскольку же цифровое право является все-таки правом, ему должна корреспондировать обязанность какого-либо субъекта.

Вместе с этим цифровая валюта, хотя и не имеет физического выражения, не предоставляет каких-либо прав, обладает сама по себе экономической ценностью. Справедливым представляется мнение М.А. Филатовой о том, что цифровую валюту нужно рассматривать как «иное имущество в целях защиты от общественно-опасных посягательств... ей присущ признак законной оборотоспособности, что даёт основание распространять на неё положения главы 21 УК РФ»²²¹.

Суды в настоящее время находят возможности для реализации охранительного потенциала уголовного закона в отношении посягательств на цифровую валюту. По одному из дел судебная коллегия не согласилась с утверждениями авторов кассационных жалоб о необоснованности признания криптовалюты «иным имуществом». Было указано, что, хотя криптовалюта как отдельный объект гражданского оборота в законе не поименована, она как актив представляет определенную имущественную ценность: возможен ее обмен на фиатные деньги и иные материальные блага в соответствии с правилами онлайн-платформ. Признание криптовалюты «иным имуществом» не противоречит ст. 128 ГК РФ, в том числе в редакции закона, действующего на момент совершения преступления, поскольку возможный перечень такого имущества не был и до сих пор не является закрытым. Поэтому действия осужденного, направленные на завладение криптовалютой путем принуждения потерпевшего к переводу ее на

²²⁰ См. ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 3 августа 2020 г. №31 (часть I). Ст. 5018.

²²¹ Филатова М.А. Проблемы установления размера и ущерба при квалификации посягательства на цифровую валюту // Уголовное право. 2022. №1. С. 67.

электронные кошельки, суд правомерно квалифицировал как хищение чужого имущества²²².

4. Объективная сторона преступления и недостатки ее законодательного описания

Предусмотренный ст. 172² УК РФ состав преступления имеет сложное законодательное описание, закономерно порождающее неоднозначное толкование. Запрещенное уголовным законом деяние заключается в организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических и (или) юридических лиц в крупном или особо крупном размере (в квалифицированном составе преступления).

Как было упомянуто, законодатель не стал включать в наименование и описание диспозиции уголовно-правовой нормы признак «незаконности», но попытался описать обстоятельства, при которых привлечение активов становится общественно опасным²²³. К этим обстоятельствам относятся:

1) выплата дохода или предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц;

2) отсутствие инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

Очевидно, что приведенная редакция содержит нагромождение повторяющихся слов, в которых правоприменителю нелегко выявить действительный замысел законодаторцев.

Возможности описать состав преступления более кратко у законодателя имелись. Во-первых, справедливо пишет М.Г. Жилкин, что в тексте данной

²²² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²²³ Н.А. Лопашенко именуется эти обстоятельства условиями, при которых наступает уголовная ответственность. См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 46.

«статьи нет необходимости указывать на источники привлекаемых средств, чтобы искусственно не сужать сферу уголовно-правового регулирования»²²⁴. Так, публично-правовые образования не относятся к юридическим лицам, однако их имущество может оказаться вовлеченным в деятельность финансовой пирамиды. Поэтому можно было бы ограничиться таким общим термином как «вкладчик». Во-вторых, при определении предмета преступления можно было ограничиться только указанием на имущество, к которому денежные средства безусловно относятся. Конечно же, эти замечания носят формальный, а не содержательный характер, однако от их устранения зависит и восприятие нормы. Что же касается содержания, то проблемы с его уяснением начинаются с первых же слов описания уголовно-правового запрета.

4.1 Соотношение организации и осуществления деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, а также момент окончания преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ

С.В. Расторопов и А.В. Харьков на основе анализа теоретических источников выделяют как минимум три подхода к определению категории «организация деятельности»²²⁵. Самый узкий из них исходит из понимания «организации» в смысле создания финансовой пирамиды²²⁶. Более широкий подход увязывает «организацию» с созданием, руководством и финансированием финансовой пирамиды²²⁷. А самый широкий включает в организацию деятельности «совокупность осознанных, целенаправленных действий организационного характера по осуществлению, упорядочиванию и оптимизации процессов реализации деятельности, а равно руководство по её осуществлению»²²⁸. По мнению С.В. Расторопова и А.В. Харькова, последний

²²⁴ Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности ... Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²²⁵ См.: Расторопов С.В., Харьков А.В. К вопросу определения объективной стороны преступления в деятельности «финансовых пирамид» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №4. С. 139-140.

²²⁶ См. подробнее: Аснис А.Я. Указ. соч. С. 21-29.

²²⁷ См. подробнее: Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2016. № 4. С. 35-40.

²²⁸ Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С. 82.

подход позволяет рассматривать в качестве исполнителей преступления даже тех лиц, которые относятся к обслуживающему персоналу²²⁹.

Интересной в связи с этим представляется практика, касающаяся применением нормы об ответственности за организацию и проведение азартных игр. По одному из дел В. и К. были признаны виновными в организации азартных игр, причем действия В. сводились к обслуживанию и ремонту игрового оборудования, а действия К. – к администрированию сайта, с помощью которого происходили незаконные азартные игры. В кассационной жалобе В. указывал, что в сговор с истинными организаторами игровой деятельности не вступал, содействия в подборе помещения не оказывал, в поиске лиц по оформлению договоров не участвовал, персонал для обеспечения игровой деятельности не набирал. Поскольку организационные функции им не выполнялись, просил квалифицировать действия со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ как пособника. Однако суд кассационной инстанции указал, что В. и К. принимали непосредственное участие в выполнении объективной стороны инкриминируемого преступления. Оба осужденных осуществляли деятельность, обеспечивающую возможность функционирования игорного заведения, что образует действия организационного характера. При этом понятие «организатор преступления» (ч. 3 ст. 33 УК РФ) и используемое в диспозиции ст. 171² УК РФ понятие «организация азартных игр» не являются тождественными²³⁰.

Настолько широкое понимание категории «организация деятельности» представляется не вполне обоснованным. Высший судебный орган давал разъяснения относительно содержания этой категории применительно к другим составам преступления (в частности, террористической и экстремистской направленности²³¹). На наш взгляд, **под деятельностью по привлечению**

²²⁹ Расторопов С.В., Харьков А.В. Указ. соч. С. 140.

²³⁰ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. по делу № 77-1500/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²³¹ См.: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – Бюллетень Верховного Суда РФ). 2011. № 8; п. 22⁷ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

денежных средств и (или) иного имущества по смыслу ст. 172² УК РФ понимается обращение к конкретному лицу или неопределенному кругу лиц с предложением о передаче этого имущества лицу, организовавшему такую деятельность или участвующему в ее осуществлении, либо организации, которую последние представляют, а также получение этого имущества указанными лицами либо организацией. Под организацией такой деятельности, с учетом позиции высшего судебного органа применительно к иным категориям дел, понимаются действия, направленные на начало ее осуществления, а также на продолжение, возобновление и (или) расширение такой деятельности (регистрация юридического лица, набор персонала, аренда помещений, материально-техническое обеспечение и пр.), а также руководство данной деятельностью.

Необходимо решить вопрос о включении в содержание организации самого осуществления деятельности по привлечению имущества, поскольку от его решения зависят пределы объективной стороны деяния, момент его окончания. Например, в случае образования пирамиды одним лицом ему нередко самому приходится участвовать в осуществлении привлечения имущества вкладчиков. Допустимо ли сказать в этом случае, что организация предусмотренной в ст. 172² УК РФ деятельности включает также её осуществление?

Как отмечалось в предыдущей главе, согласно пояснительной записке ст. 172² УК РФ призвана выполнять упреждающую роль, предоставляя возможность привлекать к ответственности за сам факт создания финансовой пирамиды и обеспечение ее функционирования, когда ущерб еще никому не причинен²³². При таких обстоятельствах идея законопроекта сводилась к тому, чтобы сделать возможным привлечение к ответственности создателей финансовых пирамид на этапе, предшествующем окончательному хищению.

²³² См. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». «В настоящее время правоохранительные органы в основном привлекают к ответственности организаторов финансовых пирамид за мошенничество, когда гражданам уже причинён ущерб, законопроектом же предлагается привлекать граждан за организацию финансовых пирамид по факту такого общественно опасного деяния». См. выступление заместителя министра финансов РФ А.В. Моисеева на заседании Государственной Думы от 2 декабря 2015 г. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6>.

На это было обращено внимание в теории, в результате чего последовала критика новой нормы и утверждения о необоснованности ее появления. В частности, утверждалось, что криминализация была излишней, поскольку в ст. 172² УК РФ идет речь о покушении на мошенничество, описанные действия могли квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 159 УК РФ²³³.

А.Я. Аснис отмечал, что для правоприменителя с необходимой компетенцией не должно было стать неразрешимой задачей процессуально «закрепить» приготовление к мошенничеству в крупном или особо крупном размере при описанных в ст. 172² УК РФ действиях. Поскольку предложения «пирамидостроителей» к инвесторам зачастую содержат указание на размер вложений, процентную ставку и другие значимые для квалификации мошенничества обстоятельства, средства противодействия организации финансовых пирамид, по мнению А.Я. Асниса, имелись и до появления ст. 172² УК РФ²³⁴.

Отличия в позициях упомянутых исследователей по поводу того, относятся ли описанные в ст. 172² УК РФ действия к подготовительной стадии мошенничества (т. е. когда субъект еще не перешел к выполнению объективной стороны) или же образуют исполнение этого преступления, обусловлены соответствующим пониманием пределов объективной стороны криминализованного новой нормой деяния. Буквальное толкование текста ч. 1 ст. 172² УК РФ приводит к выводу о том, что нормой предусматривается ответственность исключительно за организацию (регистрацию компании, набор персонала, рекламирование высокой доходности от передаваемых активов и пр.), тогда как осуществление деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества вкладчиков значения для квалификации не имеет. Обращая на это внимание, А.Я. Аснис пишет, что «согласно ч. 1 ст. 172² УК РФ уголовная ответственность может наступать только за **организацию** деятельности по

²³³ См.: Gladkih V.I. Преступления в сфере экономики ... С.157-160.

²³⁴ Аснис А.Я. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс».

привлечению денежных средств или иного имущества соответствующим способом и, соответственно, не может наступать за **осуществление** такой деятельности»²³⁵. Причем на такой вывод упомянутого исследователя наталкивает сопоставление диспозиций ст. 172² УК РФ и ст. 14.62 КоАП РФ, в последней из которых законодателем при описании запрещенных действий наряду с организацией также указывается и на осуществление деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества.

Такой взгляд сближает преступление, предусмотренное ст. 172² УК РФ, с существовавшим в советскую эпоху составом спекуляции. Привлечение денежных средств и (или) иного имущества в крупном или особо крупном размере, по сути, становится целью, что не требует для признания преступления окончанием фактического поступления имущества в обозначенном размере в пользу злоумышленников. В ч. 2 ст. 154 УК РСФСР 1960 г. предусматривалась ответственность за скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы в крупных размерах. Высший судебный орган разъяснял: «судам надлежит иметь в виду, что обязательным признаком состава спекуляции является цель извлечения наживы... для состава преступления, предусмотренного ст. 154 УК, не имеет значения, извлек ли спекулянт от перепродажи скупленных для спекуляции товаров предполагаемую выгоду»²³⁶.

Другая позиция сводится к тому, что по смыслу ст. 172² УК РФ осуществление деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества входит в объективную сторону состава преступления. Так, А.В. Зарубин пишет, что организация предполагает «как процесс, так и результат деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»²³⁷. Похожего мнения придерживается В.И. Тюнин, которым отмечается, что в ст. 172² УК РФ речь идет «и о последующей деятельности созданной финансовой

²³⁵ Там же. Фрагменты процитированного текста выделены самим автором.

²³⁶ См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 29 октября 1963 г №20/2 (в ред. от 20 декабря 1983 г.) «О судебной практике по делам о спекуляции» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1964. №1.

²³⁷ Зарубин А.В. Проблемы квалификации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.Н. Рахманова. 2018. Издательство: ИД «Петрополис». С.162.

пирамиды, в процессе которой осуществляется привлечение денежных средств или иного имущества»²³⁸.

Обоснованность такого подхода некоторыми исследователями подтверждается ссылкой на ч. 2 ст. 172² УК РФ, в которой говорится о сопряженности деяния, предусмотренного ч. 1 названной статьи, с привлечением денежных средств или иного имущества вкладчиков в особо крупном размере. В связи с чем М.Г. Жилкин заключает, что формулировка ч. 2 ст. 172² УК РФ «недвусмысленно свидетельствует о том, что привлечение денежных средств и (или) иного имущества должно быть криминализовано в основном составе преступления»²³⁹.

На наш взгляд, в содержание организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества ее осуществление не включается. **Участие иного (помимо организатора) лица в осуществлении деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества при осведомленности о содействии увеличению числа вкладчиков и расширению масштаба преступной деятельности, должно получать оценку по соответствующей части ст. 172² со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ как пособничество по признаку устранения препятствий для совершения преступления²⁴⁰ (для реализации преступного умысла, как указывается в ряде судебных решений).** Вместе с тем организация предполагает обеспечение расширения масштабов соответствующей деятельности за счет руководства процессом привлечения денежных средств и (или) иного имущества вкладчиков. Именно поэтому организация описанной в ст. 172² УК РФ деятельности является

²³⁸ Тюнин В.И. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Том 9. № 1(33). 2018. С.280.

²³⁹ Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности ... Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁰ «В правоприменительной практике изложенный в ч. 5 ст. 33 УК РФ перечень проявлений пособничества уже давно воспринимается как примерный, открытый. Суды и иные правоприменители трактуют этот перечень расширительно, расценивая как пособничество многие действия, прямо не указанные в ч. 5 ст. 33 УК РФ... В большинстве случаев правоприменительные органы расценивают вышеперечисленные действия как устранение препятствий для совершения преступления, мотивируя это тем, что подобные действия «создали условия для совершения преступления», «облегчили совершение преступления». Подобная трактовка устранения препятствий, санкционированная высшей судебной инстанцией, позволяет признать пособничеством практически любое содействие совершению преступлений. Таким образом, за счет расширительного толкования устранения препятствий **de jure** исчерпывающий перечень пособнических действия **de facto** стал открытым»: Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. С. 59 - 70.

юридически оконченной, когда масштаб деятельности достигает криминообразующего размера, то есть в момент привлечения имущества в крупном (или особо крупном для квалифицированного состава) размере, который определяется согласно примечанию к ст. 170² УК РФ. А потому, несмотря на указание в части 2 анализируемой нормы на сопряженность деяния, предусмотренного частью 1 статьи, с привлечением имущества физических лиц и (или) юридических лиц в особо крупном размере, действия по привлечению имущества не входят в объективную сторону деяний, предусмотренных обеими частями нормы.

Однако может ли вменяться состав преступления, предусмотренный ч. 1 или ч. 2 ст. 172² УК РФ, если денежные средства вкладчиков в крупном (особо крупном) размере привлечены не были? Например, собраны доказательства лишь того, что потенциальным вкладчикам были разосланы предложения «по-крупному» вложиться в инвестиционный проект. Представляется, ответ должен быть положительным, а потому возможность покушения на преступление отрицать нельзя. Осуществление организаторских действий, которые еще не повлекли привлечение имущества вкладчиков в криминообразующем размере, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о направленности умысла на такое привлечение, должны получать оценку по соответствующей части ст. 172² УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Подобная дискуссия велась в теории применительно к составу незаконного предпринимательства в редакции ст. 171 УК РФ, действовавшей до принятия Федерального закона от 6 апреля 2024 г. №79-ФЗ. За счет наличия признака крупного (особо крупного) дохода, извлечение которого подлежало установлению для привлечения к уголовной ответственности, конструкция упомянутого преступного деяния имела сходные черты с составом организации финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ). Многие исследователи указывали, что при наличии умысла лица, направленного на извлечение крупного или особо крупного дохода от незаконной предпринимательской деятельности, который не был реализован до конца по обстоятельствам, не зависящим от виновного, возникали основания для

вменения покушения на преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ²⁴¹. Такой подход находил поддержку в правоприменительной практике²⁴², хотя имел противников в теории, основной довод которых сводился к тому, что размерный признак в подобных составах служит основанием дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения²⁴³.

Несмотря на то мнение, что до появления ст. 172² УК РФ организация финансовой пирамиды могла без проблем оцениваться как неоконченное мошенничество, анализ опубликованной судебной практики не позволил обнаружить таких примеров²⁴⁴. Причем А.Я. Аснис, указывая на недооценку потенциала нормы о мошенничестве, подметил ту же тенденцию²⁴⁵. Что же касается причин отсутствия подобных примеров, то в ряде случаев, думается, правоприменителю не удастся доказать конкретизированный в части размера умысел на завладение чужим имуществом. Это препятствует оценке действий создателей финансовых пирамид как приготовления к мошенничеству в крупном или особо крупном размере, тогда как наказуемым является лишь приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Причем наличие сведений о попытках привлечь имущество в конкретном размере еще не говорит о направленности умысла на причинение ущерба в таком размере, поскольку сумма привлеченных в пирамиду денежных средств и размер похищенного в результате

²⁴¹ См.: Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2004. С. 35; Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. №11. СПС «КонсультантПлюс»; Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

²⁴² См.: приговор Курганского городского суда Курганской области от 21 ноября 2019 г. по делу №1-146/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QATtjg1FjaHh/>; апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 5 апреля 2016 г. по делу №22-1388/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MvB4wnLmbZox/>; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2003 г. по делу №92-Д02пр-3 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴³ См.: Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 56-57; Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ Нам не удалось обнаружить ни одного судебного акта, где бы действия создателей финансовых пирамид оценивались как приготовление к мошенничеству. Примеры правовой оценки соответствующих действий как покушения на мошенничество хотя и существуют, однако являются спорными и не относятся к тем случаям, где участникам не был причинен имущественный вред. См., напр.: апелляционное определение Липецкого областного суда от 22 марта 2021 г. по делу №22-233/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ См.: Аснис А.Я. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс».

мошенничества, как нередко констатируется на практике, не совпадают²⁴⁶. В этой связи появление ст. 172² УК РФ, речь в которой идет именно о привлечении чужого имущества, могло облегчить работу практических работников.

Другая проблема связана с тем, что рекламные предложения вложить денежные средства или иное имущество в сомнительный проект носят достаточно общий характер. Это означает, что у злоумышленников в этот момент нет представления о конкретном потерпевшем, имуществом которого планируется завладеть. Однако можно ли вести речь о приготовлении к мошенничеству, если отсутствует намерение завладеть имуществом конкретного лица? В судебных решениях это обычно именуется возникновением умысла на обман неопределенного круга лиц²⁴⁷. Но не сталкивается ли в таком случае правоприменитель с примером так называемого «умысла вообще», уголовно-правовое значение которого ставится в литературе под сомнение?²⁴⁸

Можно ли квалифицировать, к примеру, действия маньяка, подыскивающего поздним вечером жертву очередного преступления, как приготовление к убийству? Отдельными исследователями дается отрицательный ответ на данный вопрос и утверждается, что «нельзя оценивать как приготовление к убийству наличие у лица оружия, если отсутствует умысел на лишение жизни определенного человека»²⁴⁹.

Рассматриваемая проблематика пересекается с вопросом о степени конкретности деяния, к совершению которого склоняет подстрекатель, поскольку как приготовление, так и подстрекательство возможны лишь к индивидуально-

²⁴⁶ «Квалифицирующий признак «особо крупный размер» нашел свое подтверждение, поскольку Кузьмин Д.С. похитил **8 028 249,90 рублей** у клиентов организации, признанных по данному уголовному делу потерпевшими ... В кассу ООО «Элит Инвест» в качестве взносов от физических лиц ... за период с 12.02.2014 г. по 31.03.2015 г. **поступили денежные средства в размере 11 375 870,00 рублей**» (приговор Кировского районного суда г. Самары по делу №1-191/2016 // ГАС РФ «Правосудие»). См. также: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2023 г. по делу №77-659/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ См., напр.: приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 3 июня 2016 г. по делу №1-131/2016 // ГАС РФ «Правосудие»; приговор Трехгорного городского суда Челябинской области от 15 февраля 2017 г. по делу №1-15/2017 // ГАС РФ «Правосудие»; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 г. по делу №77-340/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ «Умысла вообще» не существует, а есть лишь умысел на совершение определенного преступления. Поэтому преступное последствие, являющееся элементом состава, при умысле всегда должно отражаться в сознании субъекта». См. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С.110-111.

²⁴⁹ Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций [Электронный ресурс] / С. Н. Сноп. Гродно: ГрГУ, 2012. URL: <https://elib.grsu.by/doc/11978/>.

определенному преступлению²⁵⁰. В ряде судебных решений, к примеру, отмечалось, что «подстрекательство характеризуется активными действиями, направленными на возбуждение у исполнителя решимости совершить конкретное преступление в отношении конкретного лица»²⁵¹.

Ответ на обозначенный ранее вопрос связан в том числе с представлениями об объекте преступления. В Курсе уголовного права МГУ относительно степени конкретности деяния, к которому склоняется исполнитель, указывается, что подстрекательство «направлено на возбуждение желания совершения индивидуально определенных общественно опасных действий (бездействия), причиняющих вред **конкретному объекту** (выделено мною. – А.З.)»²⁵². В свою же очередь, В.Н. Винокуров утверждает, что «уголовный закон, охраняя общественные отношения, тем самым охраняет «реальные» личности... поскольку главным элементом структуры общественных отношений является субъект отношений, выступающий их носителем, то при его отсутствии общественных отношений в реальности нет, соответственно, **нет и непосредственного объекта преступления** (выделено мной. – А.З.)»²⁵³. Быть может, именно это подразумевалось разработчиками ст. 172² УК РФ, по утверждению которых норма о мошенничестве не предназначена для применения к случаям создания финансовой пирамиды? Иначе говоря, не имелось ли ими в виду, что отсутствие у организатора финансовой пирамиды на момент привлечения имущества ясного представления о том, кому будет причинен ущерб, препятствует квалификации

²⁵⁰ «Нельзя рассматривать в качестве приготовления случаи, когда лицо предполагает вообще совершить какое-либо преступление». См. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. Цит. по СПС «КонсультантПлюс». «Для признания лица подстрекателем необходимо, чтобы оно подстрекало совершить определенную кражу путем объяснения выгоды от преступления, умаления трудностей и опасности, с которыми сопряжено его выполнение». См.: Фролов М.Д. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Адвокат. 2016. №6. Цит. по СПС «КонсультантПлюс»

²⁵¹ Приговор Иркутского областного суда от 28 декабря 2017 г. по делу № 2-23/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; приговор Иркутского областного суда от 21 февраля 2018 г. по делу № 2-9/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/F0AnJRtpnOHO/>.

²⁵² Курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 413. См. также: Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / Под ред.: Коробеев А.И. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 587

²⁵³ Винокуров В.Н. Объект преступления и неоконченное преступление: конструирование норм Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. №3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

подобных случаев как мошенничества и требует установления отдельного уголовно-правового запрета?

Все же глубоко исследовавшие проблематику неоконченной преступной деятельности специалисты отмечают, что подготовительными (приготовительными) действиями не совершается посягательства на непосредственный объект, а лишь создаются условия для этого²⁵⁴. А раз так, на данной стадии «многие юридически значимые моменты могут быть еще не охвачены (не конкретизированы) умыслом»²⁵⁵. Поэтому отсутствие у виновного представления о конкретном лице, в отношении которого совершается посягательство, не препятствует вменению приготовления к мошенничеству.

Однако обозначенная проблема относится не только к подготовительной (приготовительной) стадии, поскольку и после привлечения чужого имущества, что свидетельствует об исполнении объективной стороны мошенничества, создатели обманных финансовых пирамид не имеют представления о том, кто по итогу потеряет сбережения. Умысел виновных до краха пирамиды является неопределенным, в отношении каждого вкладчика равно желается как исполнение обязательств, что способствует расширению масштаба преступной деятельности, так и причинение ущерба. В таком случае, если признавать каждый отдельный эпизод привлечения денежных средств или иного имущества самостоятельным деянием, что следует из правовой позиция высшего судебного органа, предполагающей наличие в продолжаемом хищении единого источника²⁵⁶, под которым, на наш взгляд, понимается один и тот же потерпевший²⁵⁷, то до момента краха пирамиды затруднительно определить, какое из этих деяний является преступным (поскольку перед отдельными вкладчиками обязательства по итогу

²⁵⁴ См. подробнее.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 2004. С. 275; Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 219-223.

²⁵⁵ Проценко С.В. О приготовлении к преступлению // Российский следователь. 2012. № 10. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁶ См.: абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁷ Имеющиеся в теории и судебной практике подходы к пониманию единого источника продолжаемого хищения, а также взгляды на применимость указанных в предыдущей сноске разъяснений к мошенничеству, рассматриваются в § 2 главы 3 исследования.

будут исполнены). В этом случае правоприменитель сталкивается с необходимостью признавать все эпизоды привлечения денежных средств одним покушением на мошенничество, что смещает акценты в объекте данного преступления с отношений собственности в сторону экономических интересов государства, стабильности гражданского оборота²⁵⁸, причем до момента краха пирамиды – вменять в вину всю сумму привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

В рассматриваемом плане ст. 172² УК РФ становится, по выражению Н.А. Лопашенко, рукой помощи правоохранителям²⁵⁹. Закрепление нормы в главе 22 УК РФ, что предполагает отличающийся от отношений собственности объект посягательства, отсутствие потерпевшего в числе признаков состава преступления, позволяет без особых трудностей возбудить дело, когда еще никакого ущерба не причинено, а в процессе расследования, когда станет очевидным, кто понес имущественные потери, – переqualифицировать содеянное на совокупность совершенных в отношении каждого потерявшего сбережения лица мошенничеств. Причем, по мнению А.В. Архипова, не исключается в таком случае наличие реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 и 172² УК РФ, поскольку по последней норме должны получать оценку эпизоды привлечения денежных средств и (или) иного имущества тех вкладчиков, которым ущерб по итогу не был причинен²⁶⁰. Такой вывод, как он указывает, основан на правиле квалификации преступлений с неопределенным умыслом по фактически наступившему результату²⁶¹. Однако спорность этого вывода

²⁵⁸ См.: Степанов П.П. К вопросу о единстве объекта посягательства в различных эпизодах единого продолжаемого мошенничества // Уголовное право. 2021. № 3.

²⁵⁹ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 47.

²⁶⁰ См. дискуссию после выступления автора настоящего диссертационного исследования на заседании круглого стола, организованного клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право», с докладом на тему «Разграничение мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YIcOhAiSVNE/>.

²⁶¹ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 103–104; Ображиев К.В. Неопределенный (неконкретизированный) умысел: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2023. №7. СПС «Гарант». См. также: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2000 г. № 445п2000пр // СПС «КонсультантПлюс». По данному делу высший судебный орган указал на необходимость квалификации содеянного «по фактически наступившим более тяжким последствиям», признав излишне вмененными побои наряду с причинением потерпевшему легкого вреда здоровью.

обусловлена тем, что создатель мошеннической финансовой пирамиды, как сказано, действует хотя и с неконкретизированным, но прямым умыслом. Следовательно, в отношении всех вкладчиков пирамиды равно желается причинение ущерба. Поскольку у виновного имеется представление о видовой (качественной) характеристике последствий, то в случае недостижения желаемого результата есть основания для квалификации содеянного как покушения на преступление с наиболее тяжкими последствиями²⁶².

Но вопрос в том, действительно ли эти последствия – причинение имущественного ущерба – в процессе функционирования финансовой пирамиды не наступают, если вести речь о тех вкладчиках, перед которыми обязательства по итогу оказываются исполненными? Поскольку мошенничество окончено, когда «имущество поступило в **незаконное** (выделено мною. – А.З.) владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению»²⁶³, постольку момент причинения имущественного ущерба не связан с крахом пирамиды и прекращением осуществления выплат²⁶⁴. Ущерб причиняется в тот момент, когда введенный в заблуждение вкладчик, руководствуясь порочным волеизъявлением, передает свои сбережения виновному.

Сам же пирамидальный механизм, связанный с перераспределением активов, обеспечивает маскировку преступной деятельности, вуалирование противоправных целей и направлен на привлечение как можно большего числа вкладчиков, поэтому исполнение обязательств перед некоторыми из них в действительности представляет собой возмещение причиненного ущерба и

²⁶² «Совершение преступления с прямым неопределенным или альтернативным умыслом, если наиболее опасные из предвиденных и желаемых виновным последствий не наступили по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, должно рассматриваться как покушение на причинение именно этих, наиболее опасных последствий, так как их достижение входило в преступное намерение виновного». См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: «Юридическая литература», 1972. С. 103.

²⁶³ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁴ По одному из дел судом апелляционной инстанции указано: «То обстоятельство, что у некоторых потерпевших срок предъявления требований о возврате денежных средств на момент подачи заявления в полицию не наступил, не влияет на квалификацию действий осужденных и доказанность их вины, с учетом наличия у них изначально умысла на совершение мошенничества в отношении каждого потерпевшего» (см.: апелляционное определение Московского городского суда от 6 июля 2023 г. по делу №10-9128/2023 // СПС «КонсультантПлюс»).

находится за пределами объективной стороны уже оконченного преступления. Такое возмещение должно учитываться при расчете гражданского иска, но не может влиять на квалификацию содеянного²⁶⁵. Именно по этой причине суды нередко складывают при определении ущерба всю сумму привлеченных в финансовую пирамиду средств без вычета расходов, понесенных на выплаты некоторым вкладчикам²⁶⁶.

4.2 Обстоятельства, при которых привлечение денежных средств и (или) иного имущества становится общественно опасным

Выплата дохода или предоставление иной выгоды одним вкладчикам за счет средств, привлеченных от других, образует существо финансовой пирамиды. Под иной выгодой можно понимать различные бонусы в виде предоставляемых на льготных условиях услуг, подарков и пр. Поскольку законодатель наряду с доходом говорит об иной выгоде (по смыслу запрета, имущественного характера²⁶⁷), это свидетельствует о том, что доход является лишь частным случаем выгоды, поэтому отдельно категорию «доход» можно было бы и не упоминать в диспозиции²⁶⁸.

²⁶⁵ П.С. Яни пишет, что «добровольное возмещение виновным причиненного им ущерба (разумеется, полное), не влияя на квалификацию преступления, исключает возможность предъявления иска о возмещении причиненного преступлением имущественного вреда. Речь ведем о тех случаях, когда "замена" похищенного имущества виновным изначально и не планировалась, однако уже после выявления совершенного им преступления он счел целесообразным передать потерпевшему деньги в размере стоимости незаконно изъятого имущества». См. Яни П.С. Соотношение размера хищения и суммы гражданского иска по уголовному делу // Законность. 2020. №7. СПС «КонсультантПлюс». По указанному вопросу см. также: Архипов А.В. Ущерб как признак хищения // Уголовное право. 2023. №11; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2018 г. по делу № 117-УД18-5, постановление президиума Севастопольского городского суда от 24 января 2018 г. № 44у-3/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ «Выплата потерпевшим различных денежных сумм в виде процентов за пользование денежными средствами не может являться основанием для уменьшения размера фактически причиненного им материального ущерба... К. выплачивала потерпевшим проценты за пользование денежными средствами для придания своей деятельности вида правомерной, привлечения от потерпевших больших сумм денежных средств, которые впоследствии похитила». См.: постановление Президиума Севастопольского городского суда от 24 января 2018 г. по делу №44у-3/2018 // СПС «КонсультантПлюс». В другом деле в возражениях на апелляционную жалобу государственный обвинитель указал, что «суммы причиненного преступлением ущерба по каждому потерпевшему определены правильно, исходя из фактически переданных в кооператив денежных средств, без учета выплаченных в качестве процентов сумм», с чем согласился суд апелляционной инстанции. См.: апелляционное определение Московского городского суда от 3 июля 2018 г. по делу №10-8822/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Стоит обратить внимание, что в обоих примерах оценка действий виновных как мошеннических дана по совокупности преступлений в отношении каждого вкладчика.

²⁶⁷ См., напр.: абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. №19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁸ В ст. 188¹ УК Узбекистана, к примеру, используется формулировка «путем принятия обязательств по предоставлению имущественной выгоды». См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом

Наибольшие трудности касаются понимания другого обстоятельства – отсутствия деятельности, связанной с использованием привлеченных активов, в сопоставимом с привлеченными активами объеме.

Криминалисты не могут прийти к единому мнению даже относительно того, о сопоставлении чего с чем в ст. 172² УК РФ идет речь. Можно понять так, что объем инвестированных (вложенных, направленных) средств не должен отличаться от объема привлеченных активов. Иначе говоря, сколько получил, столько и вложил (то есть использовал в экономической или иной деятельности)²⁶⁹. При таком взгляде на текст закона возникает вопрос, для чего законодателю необходимо было указывать признак сопоставимости в диспозиции уголовно-правовой нормы? Предоставление имущественной выгоды одним вкладчикам хотя бы в какой-то части за счет имущества других само по себе исключает возможность использования в экономической деятельности всего объема привлеченных активов.

Представляется поэтому, что сторонники такого подхода неправы. Для наглядности еще раз приведем соответствующую часть текста диспозиции ст. 172² УК РФ, сохранив значимые для анализа признаки: «при отсутствии ... деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». Если бы после слова «имущество» при первом его упоминании в данном извлечении отсутствовала запятая, то с данным подходом следовало бы согласиться. Однако в норме говорится о сопоставлении объема привлеченных средств именно с объемом деятельности по использованию активов. Следовательно, если деятельность является высокодоходной, возможно использование не всего объема привлеченного имущества, а какой-то его части. Однако в любом случае, если привлеченные средства реально используются в экономической деятельности, а оборотные активы, включающие привлеченные вклады, направляются на выплаты

Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХII) (ред. от 15 июня 2023 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.

²⁶⁹ См.: Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ): методические рекомендации. С. 8.

вкладчикам, возникает проблема с определением признака сопоставимости, что подчеркивается А.Н. Лясколо²⁷⁰.

Другой проблемный аспект касается того, что диспозицию ст. 172² УК РФ можно понимать так, что состав преступления наличествует, если инвестиционная и (или) иная законная предпринимательская или иная деятельность²⁷¹ с привлеченными активами все-таки ведется, но в объеме, не позволяющем исполнить обязательства перед всеми вкладчиками, что и вынуждает использовать пирамиду²⁷². Раз законная деятельность ведется, то анализируемой нормой не охватываются пирамиды, которые функционируют без образования юридического лица или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку осуществляемая ими инвестиционная, предпринимательская или иная деятельность не может признаваться законной. Таких взглядов придерживается, в частности, Н.А. Лопашенко, по мнению которой наличие законной экономической деятельности является критерием отграничения рассматриваемого состава преступления от мошенничества²⁷³.

На наш взгляд, полное отсутствие законной экономической деятельности, связанной с использованием привлеченных от вкладчиков пирамиды средств, не исключает наличие состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, как и осуществление этой деятельности в незначительном объеме для вуалирования преступных намерений вполне укладывается в рамки мошенничества²⁷⁴. Поэтому

²⁷⁰ Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации ... С. 423.

²⁷¹ Видимо, под «иной деятельностью» законодатель подразумевает иную законную экономическую деятельность, которая в строгом смысле не является предпринимательской. Например, кредитные потребительские кооперативы не относятся к коммерческим организациям, однако совершаемые ими операции по привлечению средств и выдаче займов имеют сходство с банковской деятельностью.

²⁷² См. Аснис А.Я. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс».

²⁷³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 45-46. См. также: выступление Н.А. Лопашенко на заседании круглого стола, организованного клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право», с докладом на тему «Проблемы разграничения преступлений в сфере экономической деятельности». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xzrynvE1PB8/>. В некоторых судебных решениях просматривается данная логика: «Судом установлено, что КПК ... никакой предпринимательской или иной законной деятельности фактически не осуществлял, а потому не имеется оснований для переквалификации действий осужденного на ч. 1 ст. 172² УК РФ» (апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 21 марта 2022 г. по делу №22-114/2022 // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁷⁴ Так, Г. был признан виновным в мошенничестве, причем судом установлено, что используемые для хищения по принципу финансовой пирамиды организации осуществляли незначительную деятельность, связанную

для целей применения ст. 172² УК РФ не имеет значения, облечена ли деятельность финансовой пирамиды в предусмотренную законом организационно-правовую форму или нет²⁷⁵.

Недостаток законодательного описания кроется еще и в том, что наличие финансовой пирамиды связывается с отсутствием именно законной инвестиционной, предпринимательской или иной деятельности по использованию привлеченных средств. Как представляется, если источником имущественной выгоды одних вкладчиков становятся не средства других лиц, а доход от экономической деятельности, пускай и незаконной (к примеру, без надлежащей регистрации), то вести речь о финансовой пирамиде нельзя. В этом случае действия виновного следует квалифицировать по норме, предусматривающей ответственность за соответствующий вид незаконной деятельности (например, по ст. 171 УК РФ).

Что же касается признака сопоставимости, то, как справедливо заметил А.Н. Ляскало, оценка объема экономической деятельности, по сути, должна сводиться к оценке ожидаемой доходности, позволяющей покрыть принятые обязательства²⁷⁶. Не вынуждает ли в таком случае обсуждаемый признак состава преступления моделировать правоприменителя возможное развитие событий при привлечении лица к уголовной ответственности? Поскольку при оценке сопоставимости объемов привлеченных денежных средств и (или) иного имущества и деятельности по их использованию у виновного в силу рискованного характера предпринимательской деятельности не имеется возможности точно спрогнозировать ее результативность, то в условиях отсутствия нормативов достаточности капитала, которые используются, к примеру, для регламентации деятельности в банковской сфере²⁷⁷, при неисполнении принятых обязательств по

с выдачей займов. См.: апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11 августа 2021 г. по делу №22-1214/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

²⁷⁵ См. подробнее: Антонов В.Ф. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества: вопросы квалификации // Безопасность бизнеса. 2020. № 5

²⁷⁶ См.: Ляскало А.Н. Уголовно-правовая защита коллективных инвестиций // Уголовное право. 2021. №6. С. 31

²⁷⁷ См., напр.: инструкцию Банка России от 29 ноября 2019 г. №199-И (ред. от 6 июня 2023 г.) «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» (зарегистрировано в Минюсте России 27 декабря 2019 г. №57008) // Вестник Банка России. 2020. № 11-12.

выплате дохода или предоставлению иной выгоды создается риск объективного вменения. В связи с этим признак сопоставимости объемов привлеченных денежных средств и (или) иного имущества и деятельности по их использованию – как не только в принципе не поддающийся какой бы то ни было формализации и непригодный в связи с этим для описания состава объективной стороны преступления в сфере экономической деятельности! – следует исключить из диспозиции ст. 172² УК РФ.

Анализ зарубежного законодательства не позволил обнаружить аналогичной формулировки, хотя вместо содержащейся в ст. 172² УК РФ «сопоставимости объемов» зачастую также используются оценочные признаки, однако более простые для восприятия. В Казахстане деятельность финансовой пирамиды является наказуемой, если привлечение имущества вкладчиков происходит «**без использования** привлеченных средств на предпринимательскую деятельность, обеспечивающую принятые обязательства»²⁷⁸. В Беларуси о финансовой пирамиде речь идет, когда «выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются **полностью или частично** за счет привлеченных денежных средств...»²⁷⁹. В уголовном законодательстве Кыргызской Республики используется определение финансовой пирамиды (вернее – пирамидальной схемы), содержащееся в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 мая 2005 г. №2005/29/ЕС «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке». В примечании к ст. 221 УК Кыргызской Республики финансовая пирамида определена как «система продаж, при которой потребитель платит за возможность получения компенсации (дохода), предоставляемой **преимущественно** за счет привлечения других потребителей к

²⁷⁸ См. ст. 217 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 20 мая 2023 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014 г., июль, № 13 (2662), ст. 83.

²⁷⁹ В Беларуси образование финансовой пирамиды отнесено к квалифицирующим признакам состава незаконного предпринимательства. См. ч. 2 ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 9 марта 2023 г.) // Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999 г. № 24. ст. 420.

такой схеме, а не за счет продажи или потребления продукции»²⁸⁰. В США в ряде штатов для описания источника предоставления имущественной выгоды в пирамидальной схеме используется формулировка «преимущественно за счет привлечения других лиц к участию в схеме»²⁸¹. В других штатах прилагательное «преимущественно» в дефиниции не употребляется, в этом случае пирамидальная схема исключается только в том случае, когда имущественная выгода полностью зависит от продажи продукции конечным потребителям²⁸².

Таким образом, при наличии неразрешимых, на наш взгляд, интерпретационных сложностей и опыта конструирования уголовно-правового запрета других стран видятся предпосылки для соответствующего совершенствования описания диспозиции ст. 172² УК РФ. О чем подробнее будет сказано в § 3 главы 3 исследования.

§ 2. Субъективные признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества

1. Субъект преступления

Во многих исследованиях, посвященных проблемам квалификации преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, вопрос о субъекте названного уголовно наказуемого деяния затрагивается вскользь либо вовсе обходится вниманием. Вместе с тем кажущаяся незначительность данного вопроса на самом деле обманчива. Примечательна в связи с этим дискуссия по поводу субъекта преступления в составе незаконной банковской деятельности, по отношению к которому норма об уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества иногда рассматривается

²⁸⁰ См. ст. 221 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (ред. от 14 июля 2023 г.) // Газета «Эркин Тоо». 2021. № 122-123.

²⁸¹ См., напр.: Texas Business and Commerce Code, § 17.461 // URL: <https://law.justia.com/codes/texas/2022/business-and-commerce-code/title-2/chapter-17/subchapter-e/section-17-461/>.

²⁸² См., напр.: California Penal Code § 327 (amended by Stats. 1989, Ch. 436, Sec. 2) // URL: <https://law.justia.com/codes/california/2021/code-pen/part-1/title-9/chapter-9/section-327/>.

в качестве специальной²⁸³. Решение вопроса о субъекте незаконной банковской деятельности – является он общим или же специальным – обуславливало существование в судебной практике противоположных подходов к пределам действия нормы, предусмотренной ст. 172 УК РФ²⁸⁴, пока высший судебный орган конституционного контроля не сформулировал правовую позицию об отсутствии препятствий для привлечения к уголовной ответственности по ней достигшего установленного возраста вменяемого физического лица, действующего в нарушение обязательных требований к осуществлению банковских операций²⁸⁵.

Суть узкого подхода, сторонники которого признают субъекта незаконной банковской деятельности специальным, сводится к следующему: поскольку банковские операции в соответствии с законодательством могут производиться только юридическими лицами, преследующими извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, – кредитными организациями, то субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, может являться лишь действующее от имени организации физическое лицо, на которое регулятивным

²⁸³ См. об этом: Ляскало А.Н. Уголовно-правовая защита коллективных инвестиций // Уголовное право. 2021. №6. С. 31-32. По одному из уголовных дел, связанных с образованием финансовой пирамиды, суд сослался на положения законодательства о банках и банковской деятельности при разрешении гражданского иска: «Из п. 1 ст. 5 Федерального закона ... «О банках и банковской деятельности» следует, что к банковским операциям относится привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок). Принимая во внимание, что ООО «Элит Инвест» заключало с гражданами договоры о вкладах денежных средств под проценты, не имея при этом необходимой лицензии, в соответствии с ч. 2 ст. 168 ГК РФ сделки заключенные потерпевшими с ООО «Элит Инвест» по вкладам денежных средств являются ничтожными» (приговор Кировского районного суда г. Самары по делу №1-191/2016 // ГАС РФ «Правосудие»).

²⁸⁴ Разные позиции, к примеру, были заняты судами при разрешении уголовного дела в отношении А., О., Г. и К., которые судом первой инстанции были признаны виновными в осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии, организованной группой, с извлечением дохода в крупном размере (п. «а» ч. 2 ст. 171 УК РФ). Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для квалификации их действий по ст. 172 УК РФ, указав, что по смыслу по данной нормы ответственность наступает, когда «сама эта деятельность осуществляется руководителями кредитных организаций без разрешения и регистрации... Использование подсудимыми отдельных признаков банковской организации в своей преступной схеме ... не может быть квалифицировано как незаконная банковская деятельность, поскольку отсутствует один из обязательных элементов состава преступления – субъект» (апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2014 г. по делу №10-7922/2014 // СПС «КонсультантПлюс»). Суд кассационной инстанции не согласился с выводами нижестоящих судов и отметил следующее: «Участники организованной группы использовали «нелегальный банк», который не регистрировали в установленном законом порядке, лицензию на осуществление банковских операций не получали. Таким образом, посредством подконтрольных фиктивных организаций с использованием структуры, являющейся по своей сути кредитной организацией, действовавшей вне банковской системы, но с фактическим использованием ее возможностей (выделено мною. – А.З.), проводились банковские операции в обход существующего порядка регламентации такого рода деятельности» (постановление президиума Московского городского суда от 20 февраля 2015 г. по делу №44у-14/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁸⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никулиной Е.В. на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

законодательством возлагается позитивная обязанность зарегистрировать коммерческую организацию в качестве банка или небанковской кредитной организации и получить соответствующую лицензию.

Придерживаясь одно время таких взглядов, Б.В. Волженкин относил к субъекту обсуждаемого преступления руководителей коммерческих организаций, производивших банковские операции незаконно, а также – в случае нарушения условий лицензирования – руководителей зарегистрированных банков или иных организаций, имеющих лицензию. Данный автор отмечал, что физическое лицо не может быть зарегистрировано как субъект банковской деятельности, поэтому уголовно-правовой запрет такому лицу, не действующему от имени какой-либо организации, не адресован²⁸⁶.

В целом похожая позиция была занята Н.А. Лопашенко, субъектом незаконной банковской деятельности ею названы «учредители и руководители коммерческих организаций и прежде всего учредители кредитной организации и руководители ее исполнительных органов, в том числе главный бухгалтер»²⁸⁷. При этом в целях восполнения якобы имеющего место законодательного пробела ею предложено дополнить ст. 172 УК РФ частью, содержащей запрет на совершение банковских операций частными лицами²⁸⁸.

В ряде работ можно встретить другую позицию, субъект незаконной банковской деятельности называется общим²⁸⁹, им признается вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, однако этот вывод зачастую сопровождается оговорками, подобными следующей: «В случае совершения преступления в процессе деятельности кредитной организации субъектом преступления будет должностное (уполномоченное) лицо

²⁸⁶ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 197-198

²⁸⁷ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 345.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII – VIII (комментарий к ст. 172 УК РФ; автор – П.С. Яни). СПС «КонсультантПлюс»; Бажанов С.В. Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности // Российская юстиция. 2017. №9. СПС «КонсультантПлюс».

организации»²⁹⁰. Наличие оговорок такого рода продиктовано тем, что при совершении данного преступления с использованием зарегистрированной организации уголовной ответственности подлежит не всякое лицо, но уполномоченное на исполнение предусмотренной законодательством о банках и банковской деятельности позитивно-правовой обязанности (зарегистрировать кредитную организацию и получить лицензию), нарушение которой образует признак объективной стороны данного состава преступления. Иными словами, наличие позитивно-правовой обязанности, адресованной не всем, а только определенным лицам, становится «специализирующим» субъекта обстоятельством²⁹¹. Поэтому зачастую исследователями субъект незаконной банковской деятельности называется одновременно и общим и специальным²⁹². Сказанное относится также к субъекту незаконного предпринимательства, что обусловило выработку высшим судебным органом разных правовых позиций применительно к случаям, когда данное преступление совершается физическим

²⁹⁰ Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, Е.В. Горенская и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2021. СПС «КонсультантПлюс».

²⁹¹ По мнению П.С. Яни, субъект становится специальным в силу самого наличия у лица позитивно-правовой обязанности, неисполнение которой образует признак объективной стороны состава преступления, без учета того, насколько широкому кругу лиц эта обязанность адресована. Однако суды исходят из других соображений: если для осуществления преступной деятельности «виновному не обязательно иметь какие-либо дополнительные признаки по сравнению с теми, которые предусмотрены для достигшего возраста уголовной ответственности вменяемого лица, ... субъект – общий» (см.: Яни П.С. Преступное нарушение обязанности как признак специального субъекта // Законность. 2023. №8. СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹² С.А. Маркунцов пишет, что «в зависимости от конкретного преступления субъект может быть как общим, так и специальным» (см.: Маркунцов С.А. Особенности толкования бланкетных признаков статьи 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» // Правовое регулирование. 2005. №6(78). С. 22). Подобным образом А.Н. Лясколо заключает, что «субъект преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, может быть не только специальным - при совершении банковских операций кредитной организацией без лицензии, но и общим - при совершении банковских операций без регистрации и лицензии» (см.: Лясколо А.Н. Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию и транзиту денежных средств // Российский следователь. 2014. №17. СПС «КонсультантПлюс»). В одном из Комментариев к УК РФ указывается: «В качестве субъекта преступления с такой формой объективной стороны, как осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации, может выступать как любой вменяемый и достигший 16-летнего возраста гражданин, так и руководитель коммерческой организации либо лицо, наделенное каким-либо специальным признаком, например, сотрудник кредитно-финансового учреждения. При совершении деяния в форме осуществления банковской деятельности без специального разрешения (лицензии) ... ответственность несут специальные субъекты - должностные лица (руководители) кредитных организаций, банков и небанковских кредитных организаций» (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. СПС «КонсультантПлюс»).

лицом и когда незаконная предпринимательская деятельность ведется с использованием зарегистрированной организации²⁹³.

Подобная полисубъектность, как именует соответствующее явление П.С. Яни, стала возможной благодаря тому, что «описанием в обсуждаемых статьях ... преступного деяния охватываются **два состава** (выделено мною. – А.З.), один из которых выполняется лицом, действующем в личном, так сказать, качестве, а второй - в роли представляющего в различных отношениях организацию лица»²⁹⁴. Поясняя данную мысль на простом примере, указанный исследователь пишет, что аналогичная ситуация возникла бы, если вместо двух отдельных норм, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов (ст. 198 и 199 УК РФ), законодатель описал бы общественно опасное деяние в одной статье без конкретизации субъекта преступления²⁹⁵.

Переводя сказанное в аспект интересующего нас деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 172² УК РФ, нужно заметить, что в литературе нет единого мнения по поводу субъекта этого преступления.

Одни авторы утверждают, что субъект организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества общий, не аргументируя занятую позицию²⁹⁶.

Другие юристы к этому утверждению добавляют оговорки. А.В. Зарубин, в частности, указывает, что субъектом этого преступления может выступать лицо, «фактически выполнявшее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в организации, занимавшейся привлечением денежных средств и иного имущества»²⁹⁷.

Некоторыми исследователями субъект преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, признается специальным. К такому выводу их приводит один из

²⁹³ См. п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. №23 (ред. от 7 июля 2015 г.) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁴ Яни П.С. Преступное нарушение обязанности как признак специального субъекта ... СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ См.: Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) ... С.83; Тюнин В.И. Указ. соч. С.282.

²⁹⁷ Зарубин А.В. Указ. соч. С. 163.

подходов к толкованию негативного признака состава данного преступления: «при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности ... в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». По смыслу соответствующей формулировки имеются основания утверждать, что вменение состава преступления возможно лишь при ведении субъектом законной инвестиционной, предпринимательской и иной связанной с использованием привлеченных активов деятельности, однако в объеме, недостаточном для исполнения принятых обязательств²⁹⁸. Следовательно, как пишет Н.А. Лопашенко, субъектом преступления могут являться лица, осуществляющие предпринимательскую или иную деятельность, в том числе и получившие статус индивидуального предпринимателя или создавшие юридическое лицо специально для ведения деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества²⁹⁹.

Встречается также мнение, что в зависимости от конкретных обстоятельств субъект рассматриваемого преступления может быть как общим, так и специальным³⁰⁰.

Прежде чем высказать собственную позицию по данному вопросу, обратим внимание на следующее обстоятельство. Регулирование привлечения денежных средств или иного имущества неопределенного круга лиц на данный момент находится в стадии формирования, законодателем предпринимаются попытки строго очертить круг субъектов, которым подобная деятельность разрешена. Одной из инициатив предлагается исключить из п. 6 ст. 807 ГК РФ указание на то, что заемщиком, имеющим право привлекать денежные средства граждан под проценты в случае, когда соответствующее право прямо предоставлено законом, является только юридическое лицо. После корректировки норма будет также

²⁹⁸ Тогда как отсутствие соответствующей законной деятельности, связанной с использованием привлеченных активов, дает основания для квалификации содеянного как мошенничества.

²⁹⁹ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) ... С. 48. См. также: Аснис А.Я. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс». В предыдущем параграфе настоящего исследования нами обосновывается противоположный подход: отсутствие законной инвестиционной, предпринимательской или иной связанной с использованием привлеченных активов деятельности не исключает квалификацию по ст. 172² УК РФ. Поэтому наделение субъекта преступления специальным статусом лишь на основании приведенных соображений представляется спорным.

³⁰⁰ Долгиева М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестник Томского государственного университета. 2022. №479. С. 250.

запрещать подобную деятельность и физическим лицам, если право на привлечение денежных средств им прямо не предоставлено законом³⁰¹.

Недавно изменения коснулись Федерального закона от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Этот законодательный акт дополнен статьей 5¹ «Ограничения, связанные с привлечением инвестиций физических лиц», включающей следующее положение: «Привлечение инвестиций физических лиц путем публичной оферты либо путем предложения делать оферту, направленного неопределенному кругу лиц, допускается только посредством встречного предоставления физическим лицам ценных бумаг ... либо если право лиц на привлечение инвестиций физических лиц предусмотрено федеральными законами»³⁰².

Таким образом, последние законодательные корректировки направлены на предоставление возможности привлечения инвестиций неопределенного круга физических лиц лишь субъектам, которым такое право предоставлено законом, что предполагает возникновение в данной сфере позитивно-правовой обязанности, исполнение которой необходимо для придания легального статуса осуществляемой деятельности.

Однако в отличие от преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, в описании состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества нет указания на осуществление организуемой деятельности незаконно. Как указывалось в предыдущем параграфе, данное преступление посягает не на установленный порядок осуществления того или иного вида экономической деятельности, а подрывает стабильность (устойчивость) субъектов этой деятельности, в частности, по причине отвлечения инвестиционных потоков от реального сектора экономики. Более того, осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, строго говоря, в содержание категории «организация» не включается.

³⁰¹ Проект Федерального закона №447151-8 «О внесении изменений в пункт 6 статьи 807 Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/447151-8>

³⁰² См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. №278-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» и Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 12 августа 2024 г. №33 (Часть I). Ст. 4974.

Следовательно, нарушение (неисполнение) упомянутой позитивно-правовой обязанности не образует признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, что позволяет охарактеризовать субъекта этого уголовно наказуемого деяния как общего.

Причем совершение рассматриваемого деяния под прикрытием зарегистрированной организации (к примеру, кредитного кооператива³⁰³) само по себе не наделяет организатора финансовой пирамиды какими-либо дополнительными признаками, которые бы специализировали субъекта этого преступления. Вместе с тем нет ничего удивительного в том, что в большинстве подобных случаев исполнителем преступления будет являться, если выразаться в терминологии ст. 201 УК РФ, лицо, выполняющее управленческие функции в организации. Это обусловлено тем, что функционально организация деятельности, криминализованная ст. 172² УК РФ, предполагает руководство коллективом, применение мер поощрения или награждения, управление и распоряжение имуществом и денежными средствами и др., то есть то, что с позиции высшего судебного органа относится к организационно-распорядительным и административно-хозяйственным полномочиям³⁰⁴. Вместе с тем организационные полномочия могут фактически реализовываться любым лицом³⁰⁵.

³⁰³ См.: постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 5 июля 2017 г. по делу № 44у-127/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

³⁰⁴ См.: п. 4 и 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. №19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁵ Такой фактический носитель организационных полномочий будет являться исполнителем преступления. В этом состоит отличие от состава незаконного предпринимательства. Разъяснение высшего судебного органа о том, что фактический руководитель организации может выступать исполнителем преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, на наш взгляд, требует уточнения. Исполнителем он будет лишь в том случае, если им осуществляется незаконная предпринимательская деятельность посредством использования лица, не осведомленного о преступном характере действий и не подлежащего в силу этого уголовной ответственности (ч. 2 ст. 33 УК РФ). В противном случае фактический руководитель может быть организатором, подстрекателем или пособником этого преступления, поскольку позитивно-правовая обязанность легализовать деятельность организации такому лицу не адресована. П.С. Яни, ссылаясь на утратившие силу разъяснения, изложенные в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. №64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», пишет, что «доказанная виновность «номинала» (юридического руководителя) означает, что состав выполняется именно им, а фактический руководитель (бенефициарный владелец) несет ответственность как соучастник со ссылкой на ст. 33 УК» (см. Яни П.С. Вопросы соучастия: взгляды профессора Комиссарова (к юбилею ученого) // Законность. 2023. №11. СПС «КонсультантПлюс»).

Однако в контексте функциональной стороны «организации деятельности» обратим внимание, что для квалификации по ст. 172² УК РФ нет необходимости установления признаков соучастия. Нормой не описывается разновидность преступного объединения, об организации идет речь не в смысле действий одного из соучастников – организатора (ч. 3 ст. 33 УК РФ)³⁰⁶, а в смысле упорядочивания, структурирования деятельности по привлечению активов. В связи с чем трудно согласиться с мнением А.В. Зарубина, что «в статье 172² УК РФ закреплено соучастие «особого рода» ... Описание объективной стороны состава преступления и возможные способы его совершения определяют возможность его совершения в составе организованной группы»³⁰⁷.

2. Субъективная сторона

Наибольший интерес вызывают признаки субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ. Именно в этой плоскости в судебной практике возникает проблема разграничения указанного преступления с мошенничеством по вопросу оценки обманных финансовых пирамид³⁰⁸. В рамках обсуждения именно субъективной стороны состава, такой его категории, как направленность умысла, нам придется в данном параграфе рассмотреть вопрос о названном разграничении. В противном случае остался бы не вполне раскрытым вопрос о субъективных признаках рассматриваемого в настоящем исследовании преступления.

После дополнения уголовного закона анализируемой нормой, предусматривающей ответственность за организацию финансовых пирамид, возник вопрос о том, как квалифицировать обманное привлечение денежных средств и (или) иного имущества с последующей выплатой дохода одним вкладчиком за счет других, когда часть привлеченных активов, которые перестают распределяться, присваивается злоумышленниками.

³⁰⁶ Подробно эта проблема рассмотрена применительно к составу организации деятельности террористической организации. См.: Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Террористическая организация и формы соучастия в преступлении: вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. №6. С. 3-8.

³⁰⁷ Зарубин А.В. Указ. соч. С. 165

³⁰⁸ См. об этом: Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): проблемы отграничения от хищения // Российская юстиция. 2022. № 11. С. 59-66.

В период, предшествовавший дополнению закона ст. 172² УК РФ, многие исследователи характеризовали организацию финансовых пирамид как разновидность мошенничества, поскольку подобная деятельность традиционно сопровождается обманом вкладчиков, связанным с инвестированием привлекаемых активов в высокодоходные проекты³⁰⁹.

Видимо, на основе сложившихся в теории представлений сформировался подход, допускающий признание нормы, предусмотренной ст. 172² УК РФ, частным случаем мошенничества. По одному из дел З. и Ш. были признаны виновными в мошенничестве, совершенном в особо крупном размере. Суд апелляционной инстанции указал, что в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу. Принимая во внимание, что Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ в УК РФ введена ст. 172², суд апелляционной инстанции счел необходимым, руководствуясь требованиями ст. 10 УК РФ, переqualificировать действия З. и Ш. с ч. 4 ст. 159 на ч. 2 ст. 172² УК РФ³¹⁰. Подобное решение не является единичным³¹¹.

Такой правоприменительный подход нельзя признать обоснованным, поскольку общая и специальная нормы находятся в логическом отношении подчинения. Последняя из них является более полной и содержит «все существенные признаки общей нормы и конкретизирует один или несколько из них»³¹². Что касается нормы, предусматривающей ответственность за организацию финансовых пирамид, то она не содержит все признаки мошенничества. В отличие от мошенничества диспозиция статьи 172² УК РФ непосредственно не включает обман или злоупотребление доверием как способ неправомерного завладения чужим имуществом. К тому же за рамками

³⁰⁹ См.: Белицкий В.Ю. Формирование понятия мошенничества, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 75; Курбанова Д.Н. Финансовые пирамиды как вид мошенничества // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2013. № 2. С. 137-140.

³¹⁰ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 ноября 2016 г. по делу № 10-5261/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KSOBLNiiZC6l/>.

³¹¹ См.: апелляционное определение Самарского областного суда от 1 декабря 2017 г. по делу № 22-7376/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

³¹² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

объективной стороны состава преступления, формального по своей конструкции, остаются последствия в виде причинения имущественного вреда лицам, чье имущество привлечено³¹³.

Более того, как писал В.Н. Кудрявцев, «выделение специальных норм позволяет дифференцировать ответственность, более тонко и точно определить ее пределы для данной разновидности преступления и наглядно подчеркнуть характер и степень его общественной опасности»³¹⁴. Если учесть масштабы деятельности финансовых пирамид, вовлечение имущества большого количества вкладчиков, то найти основания для конструирования, по сути, привилегированного состава не получается. На практике действия виновных, связанные с организацией финансовых пирамид, обычно рассматриваются в свете ч. 4 ст. 159 УК РФ. Санкция данной нормы гораздо строже квалифицированного состава, предусмотренного ч. 2 ст. 172² УК РФ.

Верховный Суд Российской Федерации взглянул на обсуждаемую проблему иначе, указав, что, если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества для целей инвестиционной или иной законной деятельности, которую лицо фактически не осуществляет, содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по ст. 172² УК РФ не требует³¹⁵.

Таким образом, позиция высшего судебного органа основана на правиле квалификации по направленности умысла (выбор в пользу ст. 159 УК РФ должен производиться при установлении направленности умысла на хищение). Учет направленности умысла обеспечивает «соответствие действующего уголовного

³¹³ На это обращалось внимание в судебной практике. См., напр.: постановление президиума Белгородского областного суда от 26 октября 2016 г. по делу № 4У-492/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Самарского областного суда от 24 апреля 2017 г. по делу № 22-2268/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

³¹⁴ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 252.

³¹⁵ См.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.

законодательства принципу субъективного вменения»³¹⁶. Кроме того, как указывается в литературе, «выяснение содержания и направленности умысла является необходимой предпосылкой правильной квалификации преступления»³¹⁷.

Вопрос о разграничении составов мошенничества и организации финансовых пирамид осложняется тем, что законодатель не конкретизировал субъективные признаки (в частности, цель или мотив) деяния, описанного в ст. 172² УК РФ. Законодатель не отразил в уголовно-правовой норме преступный результат, сконструировав состав по типу формального. Хотя в литературе указывается, что «в формальных составах результат, на который направлен умысел, лежит за рамками состава»³¹⁸, такой вывод представляется ошибочным, поскольку «без причинения вреда действие или бездействие не могут посягнуть на объект и деформировать общественные отношения, охраняемые уголовным правом. При выведении последствий «за рамки» состава непонятно будет, почему «страдает» объект, почему само деяние опасно для общества»³¹⁹. Вместе с тем отсутствие указания в норме субъективных признаков и преступного результата создает трудности с определением направленности умысла при совершении соответствующего деяния, так как о направленности умысла можно судить по тому, какая цель преследовалась виновным, какие последствия им желались³²⁰.

Относительно направленности умысла, цели преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, в теории высказываются разные мнения.

³¹⁶ Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах // Уголовное право. 2006. № 1. С. 7.

³¹⁷ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. С. 83.

³¹⁸ Там же. С. 84.

³¹⁹ См.: Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. №6. С. 18. Н.Е. Крылова на протяжении долгого времени последовательно отстаивает позицию проф. Н.Ф. Кузнецовой по указанному вопросу, которая считала, что «состав - такая же реальность, как и преступление, ядром которого он является». См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. СПС «КонсультантПлюс».

³²⁰ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 83.

М.Г. Жилкин, например, считает, что, совершая преступление, предусмотренное ст.172² УК РФ, «лицо не преследует цель завладеть чужим имуществом и не желает причинения ущерба его собственнику»³²¹.

Е.Н. Бархатова и А.А. Вакутин полагают, что «умыслом субъекта преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не охватывается безвозмездное завладение чужим имуществом. Затраты возмещаются в течение определенного времени, и субъект преступления рассчитывает на то, что ему удастся осуществлять свою деятельность длительное время...»³²². Затем они отмечают, что «при мошенничестве... умысел направлен на завладение чужим имуществом, при организации привлечения денежных средств – на неправомерное перераспределение данного имущества между привлекаемыми участниками и извлечение за счет данных действий прибыли»³²³.

А.В. Зарубин, признавая, что предусмотренное статьей 172² УК РФ преступление совершается с корыстным мотивом, считает, что «при неустановлении прямого умысла, направленного на изъятие чужих денежных средств или иного имущества, возникшего до начала совершения преступления, деяние следует квалифицировать по ст. 172² УК РФ»³²⁴.

В.И. Гладких, рассуждая относительно обоснованности появления нормы об организации финансовых пирамид, напротив, писал, что речь в статье 172² УК РФ идет, по сути, о покушении на мошенничество³²⁵. В этой связи А.В. Быков, задаваясь вопросом о том, можно ли исключить направленность умысла на причинение ущерба на этапе неоконченного хищения, отвечает на него следующим образом: состав организации финансовых пирамид характеризуется корыстной целью, и границу с мошенничеством можно провести исключительно в плоскости объективных признаков (в частности, по наличию или отсутствию

³²¹ Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности ... Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³²² Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. № 5. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³²³ Там же.

³²⁴ Зарубин А.В. Указ. соч. С. 165.

³²⁵ Гладких В.И. Преступления в сфере экономики ... С. 157-160.

обмана)³²⁶. Последний автор, однако, не учитывает, что обман характеризует не только объективную, но и субъективную сторону мошенничества, поскольку как способ мошенничества имеет целью (направлен на) введение лица в заблуждение, под воздействием которого владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом³²⁷. Что же касается мошенничества, то в науке доминирует то мнение, что любое хищение совершается с прямым умыслом³²⁸. При этом, как считает А.И. Бойцов, «подтверждением именно прямого умысла – желания виновного извлечь материальную выгоду – является цель виновного обратить чужое имущество в свою пользу или пользу других лиц, поставить себя или других лиц на место собственника»³²⁹. Иначе говоря, для признания содеянного хищением необходимо установить, что виновный именно желал в результате завладения чужим имуществом причинить ущерб собственнику или другому владельцу. Если в отношении указанных последствий имело место сознательное допущение (волевой элемент косвенного умысла), это свидетельствует о том, что «преступное последствие не является ни целью действий виновного, ни средством ее достижения, ни этапом на пути к цели. Иными словами, преступное последствие... – побочный результат деяния виновного, направленного на иную, саму по себе преступную или непротивоправную цель»³³⁰.

Применимо ли сказанное к организаторам обманных финансовых пирамид? Казалось бы, на протяжении всего времени функционирования пирамиды виновный не желает причинения ущерба вкладчикам, напротив, организатор заинтересован в исполнении принятых обязательств, чтобы обеспечить привлечение новых лиц для расширения масштабов своей деятельности. А если

³²⁶ См.: Быков А.В. К вопросу о субъективной стороне организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10 (ч. 3). С. 301—307.

³²⁷ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2

³²⁸ См.: Хилюта В.В. Можно ли хищение совершить с косвенным умыслом? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6. С. 120-129.

³²⁹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 284.

³³⁰ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 101.

не исключается намерение исполнять обязательства (пускай и за счет других лиц), то можно ли говорить об умысле на завладение чужим имуществом, возникшем до передачи этого имущества³³¹? В таком случае можно прийти к выводу, что последствия в виде имущественного ущерба не желаются организатором финансовой пирамиды, а лишь сознательно допускаются им (например, не будет притока новых вкладчиков) в момент передачи денежных средств или иного имущества, что свидетельствует о косвенном умысле на причинение ущерба.

Если подобными рассуждениями руководствовались разработчики ст. 172² УК РФ, задумывая охватить ею в том числе обманные финансовые пирамиды, то при выполнении состава этого преступления отсутствует корыстная цель, которая связана именно со стремлением (желанием) поставить себя на место собственника в вопросах распоряжения имуществом, что исключает направленность умысла на причинение ущерба как конститутивного признака хищения. Примеры из судебной практики свидетельствуют именно о таком понимании смысла ст. 172² УК РФ.

Так, по одному из дел суд, переqualифицировав действия Х. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 172² УК РФ, указал, что доказательств, объективно свидетельствующих о наличии умысла на хищение до заключения договоров займа, стороной обвинения представлено не было. Обязательства перед потерпевшими исполнялись в период с мая 2014 г. по февраль 2015 г. включительно. Потерпевшие перестали получать причитающиеся им выплаты только в марте 2015 года. При этом деньги вверялись подсудимому на основании договоров займа, и потерпевшие шли на этот риск с целью собственного обогащения, делая это добровольно, при отсутствии какого-либо давления на них. Долгое время организации успешно выплачивали проценты по займам, возвращали основной долг. В связи с этим некоторые потерпевшие вновь вкладывали денежные средства в эти организации³³².

³³¹ См.: абз. 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.

³³² Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 19 апреля 2017 г. по делу № 1-4/2017 (1-590/2016) // ГАС РФ «Правосудие».

Не согласившись с выводами суда первой инстанции, государственный обвинитель подал апелляционное представление. Суд апелляционной инстанции решил, что нижестоящий суд сделал правильный вывод об отсутствии достоверных данных о возникновении умысла на хищение чужого имущества до его получения. В течение определенного времени проценты и задолженности по договорам выплачивались, что свидетельствует о создании Х. финансовой пирамиды. Кроме того, потерпевшие передавали деньги добровольно (некоторые по нескольку раз) без какого-либо давления на них, после того, как они узнали из рекламы или от своих знакомых об осуществлении этими организациями приема денег от населения под проценты. При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции не было оснований считать, что потерпевшие совершали юридически значимые действия под влиянием обмана³³³.

Некоторые ученые настаивают на том, что должно произойти изменение подходов к оценке субъективных признаков хищения. В частности, М. Селезнев полагает, что «в условиях рыночных отношений стала происходить модификация ряда способов обогащения, внешне выступающих под прикрытием гражданско-правовых сделок. Пример – создание так называемых финансовых «пирамид»... Виновные, злоупотребляя доверием вкладчиков, предвидят возможность причинения вреда неопределенному кругу лиц, но **сознательно это допускают или относятся к этому безразлично** (выделено мною. – А.З.), продолжая при этом обогащаться за счет их имущества, обращенного в свою собственность»³³⁴.

Представляется, что деятельность организаторов основанных на обмане финансовых пирамид содержит признаки мошенничества, однако аргументация относительно пересмотра позиций о субъективных признаках хищения кажется не вполне обоснованной. Организаторы таких пирамид преследуют корыстную цель

³³³ Апелляционное определение Самарского областного суда от 13 октября 2017 г. по делу № 22-6047/2017 // ГАС РФ «Правосудие». Подобная аргументация содержится и в более поздних судебных решениях, см., напр.: апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 4 июля 2018 г. по делу № 22-1905/2018; апелляционное определение Челябинского областного суда от 10 июня 2020 г. по делу № 10-1128/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

³³⁴ Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. № 3. 1997. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

именно в том ее широком смысле³³⁵, которого в настоящее время придерживается Верховный Суд Российской Федерации³³⁶.

Как отмечает Г.Г. Димитриади, финансовые пирамиды могут создаваться для максимизации собственной выручки либо для покрытия всех текущих потребностей (бюджетного дефицита) за счет пирамиды³³⁷. Во втором случае, когда пирамида используется для покрытия текущих потребностей, ее элементы могут использоваться в легальной экономической деятельности. К примеру, проценты по договору банковского вклада могут выплачиваться за счет денежных средств, привлеченных от других клиентов, для покрытия временного дефицита свободных денежных средств. Однако цель получения прибыли достигается банком не за счет завладения привлеченными средствами клиентов, а за счет собственной экономической деятельности – выдачи кредитов, инвестирования в ценные бумаги, обмена валюты и др. При этом вознаграждение одних клиентов банка лишь выплачивается, но не обеспечивается за счет средств других. В этом и состоит отличие от пирамид первого типа, где привлечение активов осуществляется организаторами с целью обогащения себя и (или) иных лиц. При достижении своих критических значений вкладчики финансовой пирамиды первого типа неизбежно теряют свои сбережения, что с учетом распространенности в настоящее время информации о финансовых пирамидах (в том числе математических методов анализа, свидетельствующих о конечности их деятельности) не может не предвидеться виновным.

Интеллектуальный элемент конструкции косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ) не содержит указания на возможность предвидения **неизбежности** последствий, что в настоящее время лишает смысла дискуссию о том, что предвидение неизбежности последствий не исключает возможности их

³³⁵ Об узком и широком подходах к корыстной цели см.: Яни П.С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 2. С. 23-27.

³³⁶ См.: п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.

³³⁷ Димитриади Г.Г. Детерминированный подход к описанию финансовых пирамид: цели Организатора финансовой пирамиды // Электронный журнал «Исследовано в России». 2003. С. 2119-2120.

сознательного допущения (косвенный умысел)³³⁸. Поэтому следует согласиться с мнением П.С. Яни, что в действиях организаторов финансовых пирамид имеет место прямой неопределенный умысел³³⁹. Причинение имущественного ущерба рассматривается виновным в качестве равно желаемого последствия противоправных действий. Организатор пирамиды предвидит неизбежность причинения имущественного ущерба (а значит, и желает наступления таких последствий), но с определенностью не знает, перед кем из вкладчиков обязательства по итогу не будут исполнены.

В одном из дел по обвинению в мошенничестве суд указал, что «О.Н.П. осознавал, что его деятельность не является производственной, предпринимательской и не создает товаров, по итогам этой деятельности последним вкладчикам, заключившим договоры займа с Обществом, при отсутствии новых, будет **неизбежно** (выделено мной. – А.З.) причинен материальный ущерб. Тем самым изначально понимал, что определенная часть потерпевших будет обманута»³⁴⁰. В настоящее время в судебной практике использование похожих формулировок весьма распространено³⁴¹.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что обман свидетельствует о посягательстве на правомочия собственника (за этим кроется гражданская противоправность, а значит, и признаки ущерба). Корыстная цель заключается не только в стремлении к личному обогащению, но и охватывает распоряжение имуществом как своим собственным в пользу других лиц, круг которых не ограничен (например, в пользу других вкладчиков пирамиды). Предвидение неизбежности причинения ущерба вкладчикам позволяет говорить о желании таких последствий (прямой умысел). Следовательно, организация

³³⁸ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 101-108.

³³⁹ См.: Яни П.С. Экономические и служебные преступления. С. 70-78.

³⁴⁰ Апелляционное определение Костромского областного суда от 9 октября 2018 г. по делу № 22-864/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

³⁴¹ «Модель функционирования организации является «финансовой пирамидой», которая, достигнув критического уровня, **неизбежно** (выделено мной. - А.З.) разрушится, в связи с чем в обязательном порядке будут ущемлены экономические интересы клиентов, чьи вклады в организацию приняты последними». См.: апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 12 мая 2022 г. по делу № 22-690/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

основанных на обмане финансовых пирамид содержит признаки мошенничества³⁴².

В этой связи, казалось бы, на «долю» ст. 172² УК РФ остаются так называемые «добросовестные» пирамиды. Иначе говоря, ранее приведенная позиция высшего судебного органа сводится к тому, что при вменении состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, должен отсутствовать обман в какой-либо форме. А.Н. Лясколо, поддерживая данный подход, считает, что «нельзя не согласиться с тем доводом, что наличие всех признаков хищения исключает квалификацию содеянного по ст. 172²... УК РФ»³⁴³. По его мнению, обман «как способ привлечения денежных средств «тянет» за собой все остальные признаки хищения, делает их более явными»³⁴⁴.

Подобный подход получил широкое распространение на практике. По одному из дел судом указано, что Т., обманывая потерпевших, не сообщал им о целях займов, не указывал на погашение задолженности перед ними или на выплату дохода за счет денежных средств, привлеченных аналогичным образом от других лиц. Следовательно, суд решил, что действия виновного не подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 172² УК РФ³⁴⁵.

В другом деле суд отметил, что состав преступления, предусмотренный ст. 172² УК РФ, не предполагает такого способа завладения денежными средствами потерпевших, как обман, который является обязательным признаком мошенничества. С самого начала (на стадии привлечения клиентов посредством размещения рекламы, содержащей недостоверную информацию, а также в момент

³⁴² По одному из дел автор «апелляционного представления приходит к выводу о невозможности согласиться с квалификацией действий Г.а и Ш. по ч. 2 ст. 172² УК РФ, поскольку в числе признаков состава данного преступления не упомянута цель создания такой финансовой пирамиды, когда ее создание заведомо не является средством обманного завладения денежными средствами, то есть не становится признаком мошенничества» (см.: апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2023 г. по делу №10-13307/2023 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁴³ Лясколо А.Н. Уголовно-правовая защита коллективных инвестиций. С. 36.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Апелляционное определение Владимирского областного суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 22-2271/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

заключения договоров) умысел осужденного был направлен исключительно на хищение принадлежащих потерпевшим денежных средств³⁴⁶.

Хотя приведенный подход устоялся на практике, нужно разобраться, исключает ли вменение состава мошенничества квалификацию по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 172² УК РФ, если виновным создана основанная на обмане финансовая пирамида? Для ответа на вопрос следует рассмотреть аргументы «за» квалификацию действий виновных по совокупности преступлений, что будет сделано в следующей главе.

³⁴⁶ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 8 августа 2018 г. по делу № 22-818/2018 // ГАС РФ «Правосудие». См. также: кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2023 г. по делу №77-1183/2023, от 19 октября 2023 г. по делу №77-2440/2023, от 29 февраля 2024 г. по делу №77-436/2024, Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. по делу №77-5184/2022, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2021 г. по делу №77-4789/2021, от 10 февраля 2023 г. по делу №77-418/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА (СТ. 172² УК РФ) И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД

§ 1. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172² УК РФ) и мошенничество: проблемы разграничения и совокупности преступлений

Вопрос о соотношении деяния, проблемы ответственности за которое стали предметом настоящего исследования, и мошенничества является, полагаем, центральным в области квалификации деятельности финансовых пирамид. Обсуждая в аспекте, уже не связанном с дискуссией о содержании субъективной стороны анализируемого деяния, названную проблему, рассмотрим вопрос о том, исключает ли направленность умысла на хищение путем обмана с использованием схемы финансовой пирамиды наличие в действиях виновного идеальной совокупности мошенничества и преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ?³⁴⁷

С позиции высшего судебного органа – исключает, поскольку мошеннический обман свидетельствует о посягательстве на правомочия собственника, а значит, о желании причинить ущерб в результате завладения чужим имуществом³⁴⁸. Однако можно ли говорить, что умысел виновного в этом случае не направлен одновременно на совершение преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ или, другими словами, что совершение указанного преступления им не желается? Диспозиция указанной нормы позволяет сделать вывод, что не имеет значения для квалификации, сопряжен ли

³⁴⁷ См. об этом: Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172²) УК РФ: к вопросу о наличии идеальной совокупности с мошенничеством // Уголовное право. 2022. №12. С. 21-31.

³⁴⁸ См.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.

способ привлечения денежных средств или иного имущества с обманом вкладчиков или нет, поскольку общественная опасность преступления заключается в самом существовании в экономическом пространстве государства «паразитического» образования в виде финансовой пирамиды, которая характеризуется определенным масштабом деятельности. Последнее подчеркивается законодателем через признаки крупного и особо крупного размера.

Как указывалось нами при определении содержания субъективной стороны анализируемого деяния, в юридической литературе отмечается, что «интеллектуальный элемент определяет содержание умысла, а волевой элемент – его направленность»³⁴⁹. О направленности умысла можно судить по цели, к достижению которой стремится виновный, по желаемым последствиям преступных действий.

В формальных составах, к которым относится предусмотренное ст. 172² УК РФ деяние, преступный результат обычно тесно связан с самими общественно опасными действием или бездействием, не существуя в отрыве от последних. В.Н. Борков пишет, что «законодатель избирает формальные составы для посягательств, в которых: во-первых, последствия наступают неизбежно, **неразрывно связаны с деянием** (выделено мной. – А.З.); во-вторых, описываемые преступления не подразумевают последствий первого порядка, но реально угрожают охраняемым общественным отношениям; в-третьих, в случаях, когда существуют объективные сложности с установлением меры причиняемого вреда»³⁵⁰. Так, например, в самом распространении клеветнических сведений заключен вред чести, достоинству или репутации лица. В связи с этим представляется справедливым мнение А.И. Рарога о том, что «при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла ... заключается в желании совершить общественно опасные действия, запрещенные уголовным

³⁴⁹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 83.

³⁵⁰ Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Омск. 2015. С. 294.

законом»³⁵¹. Поэтому умысел при совершении преступлений с формальными составами может быть только прямым.

О желании как элементе прямого умысла обычно говорят, если общественно опасное последствие выступает не только конечной целью действий виновного, но и необходимым средством достижения конечной цели³⁵². Думается, сказанное применимо к преступлениям с формальным составом с тем уточнением, что вести речь необходимо не о желании общественно опасных последствий, а о желании совершить общественно опасное действие (бездействие), с которым неразрывно связан причиняемый вред. А раз так, не выступает ли совершение деяния, предусмотренного ст. 172² УК РФ, средством достижения конечной цели – завладения чужим имуществом?

Как полагает В.Ю. Белицкий, если хищение путем обмана сопровождается организацией финансовой пирамиды, действия виновных должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 и 172² УК РФ³⁵³. Аналогичное мнение высказывал И.Н. Соловьев: «действия злоумышленников могут быть квалифицированы как по ст. 172² ... - в части создания финансовой пирамиды, так и по ст. 159 - в части хищения денежных средств граждан путем обмана или злоупотребления доверием. Соответственно, по совокупности лица, нарушившие закон, должны будут привлекаться к более строгой ответственности, что вполне соответствует общественной опасности данного вида противоправного деяния»³⁵⁴.

Указанный подход поддерживался некоторыми правоприменителями. По одному из дел, например, отмечено, что ст. 172² УК РФ не охватываются «какие-либо последствия в виде причинения имущественного вреда лицам, чьи денежные средства привлечены. По замыслу законодателя данная норма закона может вменяться... как дополнительный состав преступления к мошенничеству в целях

³⁵¹ Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: «Профобразование», 2001. С. 33.

³⁵² Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 99-100.

³⁵³ Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ). С. 84.

³⁵⁴ Соловьев И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник - Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 9. С. 73.

ужесточения ответственности организаторов такого вида преступной деятельности»³⁵⁵.

Доводы в пользу идеальной совокупности могут быть следующими.

Состав организации деятельности финансовой пирамиды находится в гл. 22 УК РФ. Как указывалось в пояснительной записке, общественная опасность финансовых пирамид заключается в оказании негативного влияния на российский финансовый рынок и подрыве доверия граждан к финансовым инструментам³⁵⁶. Поэтому введение нормы было связано с установлением дополнительной охраны именно публичных экономических интересов, для чего норма о мошенничестве напрямую не предназначена.

В этой связи напрашивается другой вопрос. Можно ли различные эпизоды хищения, совершенные в отношении ряда потерпевших, объединять в один продолжаемый состав мошенничества, что обычно происходит на практике по таким делам? Не получается ли, что в вопросе определения объекта мошенничества акценты с конкретных отношений собственности определенного правообладателя сдвигаются в сторону некоего публичного порядка осуществления экономической деятельности? В этом плане, как пишет А.В. Зарубин, состав организации деятельности финансовой пирамиды представляет собой «специально учтенную совокупность преступлений»³⁵⁷, чего, думается, нельзя сказать о мошенничестве.

К тому же с точки зрения представляющих важность для квалификации признаков для состава мошенничества не имеет значения масштаб посягающей на публичные экономические интересы деятельности финансовой пирамиды, если это не связано с имеющими дифференцирующий ответственность характер «размерными» признаками. Этот масштаб выражается в объеме привлеченных активов, отток которых происходит из экономики. В рамках же состава

³⁵⁵ См.: апелляционное определение Челябинского областного суда от 31 мая 2017 г. по делу №10-1269/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bvf5xHvDV2mX/>; апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 30 августа 2017 г. по делу №22-2004/2017 // ГАС РФ «Правосудие»; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2020 г. по делу №7У-11985/2020 [77-2545/2020] // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁶ См. пояснительную записку к проекту федерального закона № 881156-6 «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 УПК РФ» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6/>.

³⁵⁷ Зарубин А.В. Указ. соч. С. 162

мошенничества подлежит установлению именно ущерб собственнику или иному владельцу. Иными словами, финансовые пирамиды подменяют собой легальные экономические институты, поэтому до появления специальной нормы об организации финансовых пирамид подобные действия виновных нередко квалифицировались дополнительно к мошенничеству как незаконная банковская деятельность.

По одному из дел судом установлено, что в период с сентября 2000 г. по февраль 2005 г. К. и ФИО, осуществляя руководство Обществом, путем систематического заключения договоров займа с физическими лицами привлекли денежные средства граждан на общую сумму 98 290 092,05 рублей. В момент заключения договоров займа между конкретными гражданами и Обществом у юридического лица отсутствовала реальная возможность исполнить принятые на себя обязательства, то есть возратить денежные средства заимодавцам с процентами. Схема, которая использовалась Обществом, представляла финансовую пирамиду. Более трехсот физических лиц, пожелавших вернуть вложенные денежные средства, не получили их на общую сумму 29 192 018,79 рублей. Денежные средства в размере 29 192 018,79 рублей были похищены К. и ФИО путем обмана организованной группой, в особо крупном размере.

Отвергая доводы осужденных о том, что в их действиях нет состава незаконной банковской деятельности, суд указал, что К. и ФИО были совершены банковские операции, предусмотренные п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», а именно привлечение денежных средств физических лиц во вклады, а также размещение их от своего имени и за свой счет. В соответствии с ответом Банка России лицензия на осуществление банковской деятельности Обществу не выдавалась, следовательно, вышеприведенные банковские операции К. и ФИО совершали незаконно. Таким образом, осужденные, осуществляя незаконную банковскую

деятельность, с сентября 2000 г. по февраль 2005 г., извлекли доход в размере 98 290 092,05 рублей³⁵⁸.

Примечательно, что вывод о наличии состава незаконной банковской деятельности был сделан без учета наименования договора. Как установлено судом, с гражданами заключались договоры займа, а не договоры банковского вклада. Суд провел содержательный анализ типового договора и, по сути, дал ему юридическую квалификацию, отметив, что условия в нем полностью соответствовали положениям главы «Сберегательное дело» Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», включали размещение средств на условиях возвратности, платности, срочности, а доход выплачивался в денежной форме в виде процентов. Высший судебный орган аналогичным образом рекомендует судам при разрешении гражданских дел ориентироваться на «существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом, независимо от указанного сторонами наименования квалифицируемого договора, названия его сторон, наименования способа исполнения и т.п.»³⁵⁹.

Хотя мошенничество и преступление, предусмотренное ст. 172² УК РФ, отличаются направленностью умысла, законодатель не указал в диспозиции последней нормы ни цель совершения деяния, ни способ привлечения денежных средств или иного имущества (сопряжено ли такое привлечение с обманом или нет), ни последствия. Даже опосредованно не обмолвился об этом путем, например, включения оговорки «при отсутствии признаков хищения». Значит, данные обстоятельства не имеют значения для квалификации. Умысел виновного в указанном преступлении направлен на организацию упомянутой в диспозиции деятельности в соответствующем масштабе (то есть в крупном или особо крупном размере) с перераспределением привлеченных средств между вкладчиками для

³⁵⁸ Постановление президиума Красноярского краевого суда от 28 февраля 2012 г. по делу №44У-188/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ См. п. 47 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. №2.

обеспечения выплаты дохода одним за счет других. Сама организация подобной деятельности (в соответствующем масштабе) рассматривается законодателем как причиняющая существенный вред охраняемым уголовным законом публичным экономическим интересам.

Однако само по себе отличие в направленности умысла при совершении мошенничества и деяния, предусмотренного ст. 172² УК РФ, не предрешает вывод о невозможности идеальной совокупности преступлений. В этой связи нельзя не упомянуть дискуссию о соотношении вооруженного разбоя, совершенного организованной группой, и участия в банде. В настоящее время в практикообразующих решениях высшего судебного органа указывается, что создание вооруженной группы и участие в ней для совершения только одного разбойного нападения, которое ее участниками тщательно планируется, не исключает квалификации по соответствующей части ст. 209 УК РФ³⁶⁰. Вместе с тем до 90-х гг. прошлого века практика была другой: нападения, совершаемые бандой, охватывались составом бандитизма, который в литературе именовался сложным составным преступлением³⁶¹.

Не соглашаясь с нынешним подходом, В.Н. Винокуров и Е.А. Федорова пишут, что «в настоящее время все преступления, совершенные участниками банды, следует квалифицировать по совокупности, что влечет дважды вменение одних и тех же последствий... Разбой, совершенный организованной вооруженной группой (ч. 4 ст. 162 УК РФ), ничем не отличается от участия в совершаемых бандой нападениях, которые, как правило, характеризуются корыстной целью»³⁶². Однако высший орган конституционного контроля признал, что вменение по совокупности указанных преступлений не нарушает принцип «*non bis in idem*», поскольку они «образуют самостоятельные составы преступлений,

³⁶⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 апреля 2019 г. (определение №9-АПУ18-17) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶¹ См. Маслакова Е.А. Проблемы квалификации бандитизма в судебной и следственной практике // Ученые записки Орловского государственного университета. №4 (60), 2014. С. 239-242.

³⁶² Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления: вопросы конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности преступлений // Современное право. 2019. № 3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, **направленности умысла** (выделено мной. – А.З.) и степени опасности»³⁶³.

Иначе решается вопрос в случае разграничения фальшивомонетничества и мошенничества, когда завладение чужим имуществом сопровождается сбытом поддельных денег. Высший судебный орган не видит здесь совокупности преступлений и рекомендует вменять исключительно состав фальшивомонетничества³⁶⁴. Сторонники такого подхода исходят из того, что сбыт поддельных денег в подавляющем большинстве случаев преследует цель противоправного завладения чужим имуществом, а потому имущественные интересы собственника образуют дополнительный или факультативный объект уголовно-правовой охраны. В связи с чем делается вывод о соотношении составов мошенничества и сбыта поддельных денег либо как общей и специальной норм³⁶⁵, либо как части и целого³⁶⁶.

При такой аргументации, казалось бы, выбор между нормой о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и нормой об организации финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ) должен быть сделан в пользу последней. В подавляющем большинстве случаев финансовые пирамиды организуются именно с целью хищения чужого имущества (хотя подобно сбыту поддельных денег в качестве подарка есть случаи, которые к мошенничеству не относятся, когда, например, организатор прямо сообщает вкладчикам об инвестировании в пирамиду).

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, выступают экономические интересы, однако с легкостью обнаруживаются аргументы, состоящие в том, что имущественные интересы собственника составляют дополнительный факультативный объект. Причем довод об отсутствии прямого указания на последствия в диспозиции ст. 172² УК РФ, что

³⁶³ Абз. 3 п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. №601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова А.А. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 209 УК РФ, ч. 1 ст. 240 и ст. 285 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁴ См. п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 №2 (ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. №6.

³⁶⁵ См.: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М., 1971. С. 139.

³⁶⁶ См.: Феоктистов М.В. Совокупности нет, гражданский иск подлежит удовлетворению // Уголовное право. 2005. № 4; Ляскало А.Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества // Уголовное право. 2017. №1.

якобы исключает имущественный вред из числа признаков состава преступления, можно опровергнуть тем, что описание объективной стороны все-таки предполагает причинение ущерба. По такому пути идет судебная практика в Казахстане, где случаи, которые в России сейчас признаются мошенничеством, квалифицируются по специальной норме об ответственности за организацию финансовой пирамиды³⁶⁷. Причем диспозиция данной нормы так же, как и российский аналог, не содержит непосредственного указания на обман и причинение ущерба³⁶⁸.

По одному из дел действия Ж.Д.Б. были квалифицированы по совокупности преступлений как создание финансовой пирамиды (ст. 217 УК Республики Казахстан) и мошенничество (ст. 190 УК Республики Казахстан). Ж.Д.Б. решил организовать финансовую пирамиду, маскируя свою преступную деятельность под реализацию продуктов международной компании «Qnet», зарегистрированной в Малайзии. Для придания вида законности осуществляемой деятельности Ж.Д.Б. зарегистрировался в качестве индивидуального предпринимателя.

Пользуясь юридической безграмотностью и языковым барьером, Ж.Д.Б. под видом оказания финансовой помощи заключал с вкладчиками договоры о совместной деятельности и онлайн-покупках продуктов компании «Qnet». Для участия в совместной деятельности граждане должны были производить взносы в размере от 690 000 до 860 000 тенге для регистрации в качестве независимого представителя компании «Qnet» и приобретения клубной карты путешествий. Ж.Д.Б. занимался рекламированием своей деятельности путем проведения встреч, лекций, обучающих семинаров. В случае привлечения новых клиентов вкладчики получали установленное бонусное вознаграждение в виде электронных денег «ECard» (условная единица «ECard» приравнивалась 1 доллару США).

³⁶⁷ См., напр.: приговор районного суда №2 г. Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области от 27 ноября 2019 г. по делу №1-384 (в отношении Иринина В.В.) // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>; приговор районного суда №2 г. Актобе Актюбинской области от 8 апреля 2021 г. по делу № 1511-20-00-1/366 (в отношении Жаксыбаева К.А. и др.) // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>.

³⁶⁸ См. ст. 217 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 20 мая 2023 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014 г., июль, № 13 (2662), ст. 83.

Ж.Д.Б. осуществлял размещение части полученных от вкладчиков денежных средств на свой расчетный счет в АО «Kaspi Bank», которыми распоряжался по своему усмотрению. Не сомневаясь в законности деятельности Ж.Д.Б. и полагаясь на его деловую репутацию, введенные в заблуждение граждане, мотивированные получением гарантированных денежных выплат, производили денежные взносы на приобретение продуктов компании «Qnet». В результате деятельности финансовой пирамиды были привлечены денежные средства на общую сумму 26 492 894 тенге. Кроме того, Ж.Д.Б. под предлогом обязательного условия для участия в совместной деятельности, ссылаясь на офисные расходы, дополнительно осуществлял сбор у всех потерпевших еще по 40 000 тенге (на общую сумму 1 400 000 тенге).

Отменяя приговор в части осуждения за мошенничество (сбор средств на офисные расходы), суд апелляционной инстанции указал, что данные преступные действия осужденного являются одним из способов, направленных на обеспечение функционирования финансовой пирамиды, и все его действия полностью охватываются составом уголовного правонарушения, предусмотренного п. 2 ч. 3 ст. 217 УК Республики Казахстан³⁶⁹. Подобная практика является господствующей, случаи оценки действий создателей финансовых пирамид дополнительно по норме, предусматривающей ответственность за мошенничество (т.е. как идеальной совокупности преступлений), носят единичный характер³⁷⁰.

Проблемы вменения идеальной совокупности мошенничества и организации деятельности финансовых пирамид тесно связаны с принципом «*non bis in idem*» (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, упомянутый принцип исключает, в частности, «квалификацию одного

³⁶⁹ Постановление судебной коллегии по уголовным делам Алматинского областного суда от 12 октября 2021 г. по делу №1999-21-00-1а/451. URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>.

³⁷⁰ «Доводы защиты о том, что М.К.Р. излишне вменена ст. 190 Уголовного кодекса, суд считает несостоятельными, поскольку в данном случае преступление, предусмотренное ст. 217 Уголовного кодекса являлось средством и способом для совершения мошенничества в отношении потерпевших с целью хищения их денежных средств». См.: приговор Алматинского районного суда г. Алматы от 12 октября 2017 г. по делу №7511-16-00-1/635. URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>. См. также: постановление судебной коллегии по уголовным делам Восточно-Казахстанского областного суда от 5 декабря 2018 г. по делу №1А-499-18. URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>.

и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть»³⁷¹.

В.Н. Кудрявцев писал, что при конкуренции части и целого «имеется две или несколько норм, одна из которых охватывает совершенное деяние в целом, а другие лишь его отдельные части»³⁷², выводя правило, что должна «применяться та норма, которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного деяния»³⁷³. Подобное правило квалификации находит отражение в различных разъяснениях высшего судебного органа. Если, например, при изнасиловании потерпевшему причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, то действия виновного дополнительной квалификации по статьям 115 или 112 УК РФ не требуют, поскольку такие действия поглощаются нормой-целым (т.е. изнасилованием). Однако умышленное причинение в ходе изнасилования тяжкого вреда здоровью требует уже дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ³⁷⁴.

В чем же заключается правило отграничения идеальной совокупности от конкуренции части и целого? Выбор в пользу нормы-целого или совокупности преступлений базируется на сравнении санкций. Если деяние-способ наказывается строже, и санкция многообъектного преступления не поглощает его, то в действиях виновного имеется совокупность преступлений³⁷⁵.

Однако приведенный пример соотношения сбыта поддельных денег и мошенничества свидетельствует также о других трудностях отграничения

³⁷¹ Абзац 2 п. 1.3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений УК РФ, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷² Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: «Госюриздат», 1963. С. 261-262.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №2.

³⁷⁵ См. подробнее: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. СПС «КонсультантПлюс»; Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. С.49-78.

конкуренции норм от идеальной совокупности. Проблема здесь видится в установлении того, какое из двух деяний выступает именно способом (т.е. нормой-частью). Думается, в случае незаконного приобретения чужого имущества посредством сбыта поддельных денег из двух составов – фальшивомонетничества и мошенничества – нормой-целым, если таковой и может являться, выступает именно состав мошенничества. Занимая такую позицию, Е.Н. Карабанова пишет, что «сбыт фальшивых денег или ценных бумаг – это не многообъектное преступление; посягательство на собственность находится за рамками этого состава»³⁷⁶. Сбыт поддельных денег обеспечивает введение потерпевшего в заблуждение при завладении чужим имуществом, а потому охватывается таким признаком мошенничества как обман. Подобная логика прослеживается при разрешении высшим судебным органом конкуренции между мошенничеством и использованием поддельного официального документа³⁷⁷, хотя вопрос этот в теории нельзя назвать бесспорным³⁷⁸.

Состав сбыта поддельных денег не может претендовать на «статус» нормы-целого, поскольку фактические обстоятельства совершенного деяния не охватываются данной нормой со всей полнотой (за рамками состава остаются обман и имущественный ущерб). К тому же весьма сомнительно утверждение, что сбыт поддельных денег почти всегда направлен на завладение чужим имуществом. Фальшивые деньги в качестве средства платежа могут использоваться для оплаты услуг, долга и прочего. По изложенным причинам доводы сторонников подхода, что нормой-целым выступает именно состав сбыта поддельных денег, представляются спорными. А.Н. Лясколо, например, утверждая, что «использование фальшивых денег или ценных бумаг в расчетных или обменных операциях является **разновидностью обмана** (выделено мной. –

³⁷⁶ Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления-способа // Законность. №12. 2017. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁷ Абзац 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.

³⁷⁸ См.: Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления: вопросы конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности преступлений // Современное право. 2019. № 3.

А.З.) с целью завладения чужим имуществом»³⁷⁹, тем не менее приходит к выводу, что «нормой-частью является ст. 159 УК РФ, охраняющая правоотношения собственности, а нормой-целым - ст. 186 УК РФ, охраняющая в качестве основного объекта денежно-кредитную систему и дополнительно правоотношения собственности»³⁸⁰.

Обращение к данной проблематике относится к предмету нашего исследования следующим образом.

Позиция высшего судебного органа, состоящая в том, что в случае хищения чужого имущества путем обмана с использованием схемы финансовой пирамиды действия виновного должны квалифицироваться исключительно по ст. 159 УК РФ, заслуживает поддержки, однако по несколько иным соображениям. Как уже упоминалось, в числе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, отсутствуют обман (злоупотребление доверием), имущественный ущерб, корыстная цель, а потому данная норма не может претендовать на более полный охват фактических обстоятельств по сравнению с мошенничеством.

При направленности умысла на хищение путем обмана организация финансовой пирамиды обеспечивает создание у вкладчиков ложного представления о фактических обстоятельствах (в частности, об инвестировании привлеченных активов в высокодоходные проекты) за счет выплаты дохода одним лицам за счет средств других, выступает в качестве способа завладения чужим имуществом, вклиниваясь в мошеннический обман. Именно поэтому на практике обычно констатируется, что «осуществление частичных выплат потерпевшим... в качестве процентов по договорам займа... не свидетельствует об отсутствии в действиях подсудимых состава мошенничества, а подтверждает то, что соучастники таким образом вуалировали свою незаконную деятельность... побуждая потерпевших к заключению новых и пролонгированию ранее заключенных договоров займа»³⁸¹.

³⁷⁹ Ляскало А.Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества // Уголовное право. 2017. №1. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 27 мая 2021 г. по делу №10-4736/2021 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: апелляционное определение Московского городского суда от 30 мая 2016 г.

Однако изменилась ли бы оценка действий виновного, если бы деяние, предусмотренное ст. 172² УК РФ, наказывалось, например, так же, как сбыт поддельных денег (санкция ч. 1 ст. 186 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, а санкция ч. 2 – до 12 лет)? Руководствуясь упомянутым правилом о том, что при отграничении идеальной совокупности от конкуренции части и целого необходимо сравнивать санкции уголовно-правовых норм, есть основания для утвердительного ответа на данный вопрос. Именно поэтому, думается, при завладении чужим имуществом в ходе сбыта поддельных денег действия виновного должны оцениваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 186 УК РФ. Однако поскольку обычно применяемая на практике ч. 4 ст. 159 УК РФ влечет более строгое наказание, чем деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 172² УК РФ, то преступление-способ поглощается преступлением-результатом и не вменяется дополнительно.

В теории уголовного права высказано мнение о том, что, если деяние не предусмотрено в качестве обязательного признака другого состава преступления, но может использоваться в качестве одного из способов совершения последнего, квалификация должна производиться по совокупности. Указанный довод обычно приводят для обоснования ошибочности подхода высшего судебного органа к оценке использования поддельного официального документа при мошенничестве. Е.Н. Карабанова по этому поводу пишет, что «использование поддельного документа при мошенничестве выступает способом обмана, а обман - способом хищения... Норма о мошенничестве не охватывает норму об использовании поддельного документа, поскольку использование поддельного документа не является обязательным признаком мошенничества, оно выступает способом совершения обмана»³⁸². Также и Н.А. Лопашенко полагает, что «для констатации

по делу №10-5830/2016; постановление Московского городского суда от 24 мая 2019 г. по делу №4у-2168/2019; апелляционное определение Курганского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу №22-634/2021; апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24 мая 2021 г. по делу №22-2733/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸² Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления-способа // Законность. №12. 2017. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

конкуренции части и целого в «целом» должны указываться признаки «части», о нем должна вестись речь»³⁸³.

Не возражая против такого подхода в принципе, думается, необходимо сделать ряд уточнений относительно его применения. Как справедливо отмечено в одном из решений Европейского Суда по правам человека, в силу принципа многократной применимости законодательных актов формулировки последних не могут обладать абсолютной четкостью. Одним из правил законодательной техники является использование категорий, носящих общий характер вместо исчерпывающих перечней³⁸⁴. К подобным категориям, думается, относится «обман», который может иметь различные проявления или способы (в том числе организацию финансовой пирамиды), исчерпывающе описать которые в норме права не представляется возможным, иначе диспозиция мошенничества была бы слишком громоздкой. Аналогичным образом законодатель в диспозиции ст. 131 УК РФ в качестве способа изнасилования называет насилие, однако не конкретизирует его (побои, ограничение свободы, легкий вред здоровью, средней тяжести вред здоровью и пр.). Отличие приведенного случая заключается лишь в том, что категория «насилие» включает в себя более или менее обозримый перечень деяний, тогда как способов обмана чрезвычайно много.

К тому же вести речь о конкуренции норм необходимо не абстрактно, сопоставляя исключительно признаки некоторых составов преступлений, а применительно к конкретному случаю. Так, насилие не выступает обязательным способом совершения изнасилования, поскольку в диспозиции речь еще идет и о беспомощном состоянии, однако применительно к конкретной ситуации, в которой было применено насилие, может встать вопрос о разрешении конкуренции части и целого. Поэтому нельзя говорить о преступлении-способе исключительно как об обязательном признаке преступления-результата³⁸⁵.

³⁸³ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁴ См. п. 31 Постановления Европейского Суда по правам человека от 15 ноября 1996 г. по делу «Кантони (Cantoni) против Франции» (жалоба № 17862/91). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58068/>.

³⁸⁵ См. Карабанова Е.Н. Указ. соч. СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, совершение мошенничества как преступления-целого путем образования финансовой пирамиды как преступления-части, соответственно, не требует квалификации по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 172² УК РФ.

§ 2. Организация финансовой пирамиды и участие в ней: разграничение единичного продолжаемого преступления и совокупности противоправных действий

Выбор между единым продолжаемым преступлением или совокупностью уголовно либо административно наказуемых деяний влечет не только вменение либо невменение состава преступления, определение срока или размера наказания, но и решение сопутствующих вопросов (установление подлежащего применению закона, если имели место законодательные изменения в период совершения ряда однотипных действий; исчисление сроков давности; применение акта об амнистии)³⁸⁶.

В отечественной науке уголовного права подчеркивалось, что наиболее обоснованным к пониманию сущности продолжаемого преступления является подход, позволяющий учесть достоинства и восполнить недостатки субъективной и объективной концепций. Как отмечает А.Н. Кулагин, советская уголовно-правовая доктрина восприняла распространенный в дореволюционных научных взглядах (например, в трудах Н.С. Таганцева, С.В. Познышева) и практике Правительствующего Сената дуалистический подход к характеристике продолжаемого преступления. Объясняется это тем, что в первые годы советской власти юридическая доктрина опиралась на труды дореволюционных ученых, многие из которых продолжили свою научную деятельность в советской России. Благодаря сложившейся традиции в настоящее время дуалистического подхода

³⁸⁶ См.: Архипов А.В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 13-19; Зубцов А.А. Мошенничество посредством образования финансовой пирамиды: продолжаемое хищение или совокупность преступлений? // Уголовное право. 2023. № 5. С. 27-41.

последовательно придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации³⁸⁷.

Указанный подход (с некоторыми особенностями) поддерживается в науке, законодательстве и (или) судебной практике других стран. Европейский Суд по правам человека, проведя сравнительно-правовое исследование, заключил по одному из дел, что «из многолетней европейской традиции... вытекает широкий консенсус по поводу... особенностей продолжаемого преступления»³⁸⁸. При этом Европейский Суд обратил внимание на объективные (*actus reus*) и субъективные (*mens rea*) признаки, позволяющие сделать вывод о взаимосвязи совершаемых деяний. К объективным признакам относятся посягательство на один охраняемый объект, аналогичный способ совершения деяний, незначительный разрыв во времени между деяниями и пр., к субъективным - наличие одного и того же повторяющегося умысла или цели, объединяющей все отдельные деяния³⁸⁹.

Применительно к дуалистическому подходу необходимо сделать оговорку относительно того довода, что объективные признаки служат лишь неким доказательством общего умысла, что лишает эти признаки самостоятельного значения³⁹⁰. Как справедливо отмечает А.Н. Кулагин, «составные части продолжаемого преступления имеют не только внутреннюю, но и внешнюю взаимосвязь»³⁹¹. Последнее означает, что составляющие продолжаемое преступление деяния находятся между собой в функциональной связи, выступают звеном, этапом на пути достижения результата. При этом зачастую множество эпизодов преступной деятельности обусловлено невозможностью совершить одноактное преступление.

Высший судебный орган в разъяснениях по различным категориям дел не раз придавал самостоятельное значение объективным признакам продолжаемого

³⁸⁷ См.: Кулагин А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №3 (33).

³⁸⁸ Пункт 33 Постановления Европейского Суда по правам человека от 27 января 2015 г. по делу «Рохлена (Rohlena) против Чешской Республики» (жалоба № 59552/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. №1. С. 8.

³⁸⁹ См.: там же.

³⁹⁰ См.: Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого хищения // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1.

³⁹¹ Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2017. С. 29.

преступления (например, наличие одного потерпевшего при изнасиловании³⁹², одного взяткодателя или общего для нескольких взяткодателей решения должностного лица³⁹³), отсутствие которых препятствует признанию нескольких эпизодов единичным сложным преступлением несмотря даже на то, что умысел на все действия возник у виновного до их совершения.

Казалось бы, природа продолжаемого преступления хорошо исследована, само явление для уголовного законодательства не ново, имеет давнюю традицию, а потому трудностей при квалификации здесь не должно возникать. Однако когда дело доходит до применения общих представлений к разрешению конкретных ситуаций, появляется много вопросов³⁹⁴. Приходится решать, например, вопрос о том, каких обстоятельств достаточно для вывода о взаимосвязи совершаемых деяний, какова степень конкретизации умысла при совершении продолжаемого преступления и т.д.

Трудности квалификации продолжаемых преступлений отчетливо проявляются при уголовно-правовой оценке хищений, в результате которых виновные завладевают имуществом многих лиц, в частности, вкладчиков финансовых пирамид.

По одному из дел установлено, что Т. заключал с потерпевшими договоры займа денежных средств с условием выплаты высоких процентов, однако никакой предпринимательской или иной экономической деятельности, которая могла бы обеспечить исполнение обязательств, не осуществлял, производил оплату процентов за счет средств, привлеченных от других лиц. Действия Т. были квалифицированы судом как семь самостоятельных хищений путем обмана (пять – в особо крупном размере, два – в крупном размере). При рассмотрении дела судом апелляционной инстанции был поставлен вопрос о квалификации действий Т. как единого продолжаемого хищения. Однако суд указал, что «действия Т. по

³⁹² См. п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

³⁹³ См. п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

³⁹⁴ См.: Зубцов А.А. Кража с банковского счета: отграничение единого продолжаемого хищения от совокупности преступлений // Законодательство. 2022. № 6. СПС «Гарант».

завладению денежными средствами потерпевших содержат в себе самостоятельный состав преступления по каждому из семи хищений с изъятием имущества у **разных лиц, в разное время и при различных обстоятельствах, с отдельно сформировавшимся умыслом** (выделено мной. – А.З.)»³⁹⁵.

В другом деле со схожими фактическими обстоятельствами суд апелляционной инстанции пришел к противоположному выводу. В апелляционном представлении ставился вопрос о квалификации действий осужденного по совокупности преступлений. Однако судебная коллегия указала: «Судом первой инстанции верно установлено, что действия осужденного... совершены **одним и тем же способом, связаны одной целью и мотивом, охватывались единым умыслом, направленным на обогащение путем незаконного завладения денежными средствами заранее неопределенного круга лиц** (выделено мной. – А.З.), то есть содержат признаки продолжаемого преступления. При этом материальный ущерб... в отношении всех потерпевших составил в общей сумме 8 217 424 рублей, что является особо крупным размером»³⁹⁶.

Очевидно, что мотивировка судов по схожим фактическим обстоятельствам отличается весьма существенно, что связано, как представляется, с различным пониманием признаков продолжаемого хищения. В первом из приведенных судебных актов одним из доводов в пользу множественности преступлений стало совершение хищения у разных лиц, чем подтверждается возникновение каждый раз самостоятельного умысла, тогда как в другом решении умысел на завладение денежными средствами заранее неопределенного круга лиц приводится как аргумент в пользу продолжаемого преступления.

³⁹⁵ Апелляционное определение Владимирского областного суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 22-2271/2018 // ГАС РФ «Правосудие». «Никаких оснований полагать, что умысел подсудимых на хищение денежных средств всех потерпевших являлся единым, нет. Схожесть способа изъятия у потерпевших денежных средств в данном случае правового значения не имеет» (см.: приговор Кировского районного суда г. Ярославля от 27 октября 2020 г. по делу №1-6/2020 (1-138/2019) // ГАС РФ «Правосудие»). См. также: апелляционное определение Московского городского суда от 5 июня 2020 г. по делу №10-2288/2020 // ГАС РФ «Правосудие»; апелляционный приговор Московского городского суда от 19 августа 2020 г. по делу №10-13705/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁶ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 3 апреля 2017 г. по делу №22-1798/2017 // ГАС РФ «Правосудие». См. также: апелляционное определение Пензенского областного суда от 24 апреля 2019 г. по делу №22-352/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

Исследователи отмечают некоторую рассогласованность в разъяснениях высшего судебного органа, данных применительно к разным формам хищения. В постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что продолжаемое хищение состоит «из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление»³⁹⁷. В приведенном определении обращает на себя внимание признак единства источника изымаемого имущества, относительно понимания которого в литературе ведется дискуссия.

По мнению П.С. Яни, правильным представляется понимание единого источника хищения как одного потерпевшего, которому в результате завладения его имуществом причиняется ущерб³⁹⁸. Н.В. Вишнякова же полагает, что место хищения, «а не количество потерпевших рассматривается критерием единого источника и единого преступления. Это можно объяснить тем, что, совершая в одном месте хищения имущества, принадлежащего разным собственникам, виновный воспринимает это деяние как единое»³⁹⁹. А.Н. Кулагин и К.В. Ображиев выделяют как пространственный (нахождение имущества в одном месте), так и юридический (принадлежность имущества одному лицу) критерии единого источника хищения⁴⁰⁰.

Признак единства источника изъятия прямо не упоминается в разъяснениях по делам о мошенничестве, присвоении и растрате⁴⁰¹, что дает некоторым исследователям основание для вывода о его необязательности для упомянутых форм хищения. Как пишут Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков, «по сравнению с

³⁹⁷ Абзац 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

³⁹⁸ См. Яни П.С. Размер хищения // Законность. 2016. № 11. С. 37–42.

³⁹⁹ См.: Вишнякова Н.В. Отграничение продолжаемых хищений чужого имущества от совокупности преступлений // Законодательство и практика. 2013. № 1. С. 32.

⁴⁰⁰ См. Кулагин А.Н., Ображиев К.В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации: Монография. М., 2019. С. 38.

⁴⁰¹ См. абз. 2 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

определением продолжаемого хищения, которое было дано применительно к кражам, грабежам и разбоям, здесь отсутствует признак «единого источника»... но появляется признак «тождественности способа»⁴⁰². В результате объективная связь между отдельными эпизодами продолжаемого мошенничества проявляется иначе и заключается (например, для финансовых пирамид) в том, что причинение вреда происходит «в результате единожды запущенного механизма»⁴⁰³.

Думается, вывод о наличии продолжаемого мошенничества на основании тождественности способа спорен. В таком случае действия любого профессионального мошенника, который в своей деятельности придерживается отработанной схемы (*modus operandi*), будут образовывать продолжаемое преступление. Вместе с тем та идея, что об объективной (внешней) связи между различными эпизодами продолжаемых хищений могут свидетельствовать неодинаковые признаки (в каких-то случаях – единый источник (т.е. один потерпевший), в других – тождественный способ в рамках единого преступного плана, где изначально предполагается множество эпизодов, без которых невозможно, например, расширение масштабов преступной деятельности), заслуживает внимания хотя бы потому, что эта идея имеет поддержку в судебной практике. Е.В. Хромов и В.Ю. Зябликов по результатам довольно обстоятельного исследования преступных нарушений прав участников долевого строительства заключают, что случаи квалификации мошенничества в сфере долевого строительства по совокупности преступлений, когда правоприменитель признает, что в отношении каждого инвестора совершается самостоятельное преступление, единичны⁴⁰⁴. Хотя применительно к организации обманных финансовых пирамид нельзя сказать, что случаи оценки действий виновных по совокупности преступлений единичны, все же в большинстве дел правоприменитель квалифицирует содеянное как продолжаемое мошенничество.

⁴⁰² Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. №1(8). URL: <http://www.procuror.spb.ru/k805.html>.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ См.: Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Квалификация действий застройщика в сфере долевого строительства // Уголовное право. 2022. №10. С. 41–55.

Однако можно ли признать такой подход к квалификации обоснованным, когда зачастую имеются основания для вменения нескольких преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, а итоговая квалификация осуществляется по одной норме? В таком случае лица, совершающие преступления, по сути, на систематической и профессиональной основе, рассматривающие эту деятельность как источник своего дохода, ставятся в преимущественное положение. Квалификация всех их действий в отношении разных потерпевших как продолжаемого хищения снижает максимальный размер наиболее строгого наказания в 1,5 раза⁴⁰⁵. Именно о таком наказании можно было бы вести речь с учетом положений ст. 69 УК РФ.

Несмотря на особенности антисоциальной установки таких лиц, чья деятельность, по сути, составляет известный уголовному законодательству промысел, общественная опасность которого в прежней системе экономических отношений связывалась с систематическим извлечением нетрудового дохода от преступлений⁴⁰⁶, все же аргументация в пользу множественности должна выстраиваться в другой плоскости.

В ряде практикообразующих документов высшего судебного органа подчеркивается, что единство источника изымаемого имущества играет ничуть не меньшую роль при квалификации продолжаемого мошенничества как одной из форм хищения. В одном из Обзоров судебной практики отмечено, что «судом приведены в приговоре фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что каждый раз у П. возникал умысел на совершение мошенничества в разных суммах **в отношении различных потерпевших** (выделено мной. – А.З.)»⁴⁰⁷. В результате квалификация действий осужденной как продолжаемого мошенничества была признана необоснованной.

⁴⁰⁵ Хотя в некоторых случаях квалификация всех действий как продолжаемого хищения влечет более строгое наказание, в силу чего судебную практику в этом вопросе нельзя назвать стабильной. Как отмечает В.В. Хилюта, нередко конструкция продолжаемого преступления используется в целях усиления уголовной ответственности. См.: Хилюта В.В. Возможно ли совершение продолжаемого преступления с неопределенным умыслом? // Уголовное право. 2022. № 7.

⁴⁰⁶ О промысле как виде множественности см.: Караев Т.Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 38-43.

⁴⁰⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г. (определение от 9 марта 2017 г. №83-АПУ17-2) // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в решениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации прослеживается и иной подход, который хотя и зиждется на представлениях о справедливости (преступники, систематически извлекающие доход от своей незаконной деятельности, не должны получать побряжек при квалификации), однако, по нашему мнению, подрывает единообразие судебной практики.

По одному из дел в кассационной жалобе защитник настаивал на том, что судом дана неверная оценка в части квалификации действий З. как продолжаемого преступления, поскольку договоры заключались осужденной с разными потерпевшими на различные суммы, которые и должны образовывать размер отдельных хищений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что юридическая оценка действиям З. по ч. 4 ст. 159 УК РФ судом дана правильно. Вопреки доводам жалобы преступные действия осужденной были совершены одним и тем же способом, с одной целью и охватывались единым умыслом, направленным на завладение денежными средствами различных потерпевших⁴⁰⁸.

Как представляется, действительное основание такой квалификации заключалось в том, что отдельные преступные действия осужденной в отношении каждого потерпевшего не достигали особо крупного размера. Однако отступление от признания единого источника изъятия имущества критерием продолжаемого хищения в одном случае (на столь авторитетном для правоприменителей уровне) влечет его необязательность при разрешении других дел.

Идея допустимости признания единым продолжаемым преступлением лишь такого состоящего из ряда тождественных действий хищения, в результате которого ущерб причиняется одному и тому же потерпевшему, связана, по нашему убеждению, с теоретическими представлениями об объекте преступления. Классическое для советской доктрины представление об объекте преступления как общественных отношениях подверглось пересмотру в 90-х гг.

⁴⁰⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2022 г. по делу №45-УД22-62-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

прошлого столетия. Получила признание идея о понимании объекта преступления как благ и интересов конкретных лиц⁴⁰⁹, человека⁴¹⁰ (как высшей ценности в новых социально-политических условиях). На основе этих представлений речь стала вестись о персонификации объекта преступления. На примере преступлений против жизни вопрос звучал следующим образом: является ли объектом убийства жизнь конкретного человека (как принадлежащее ему от рождения благо) или жизнь неперсонифицированного человека в системе общественных отношений? От соответствующего понимания зависит решение ряда прикладных вопросов (в частности, квалификация при ошибке в личности)⁴¹¹.

При переносе соответствующей дискуссии в плоскость проблематики преступлений против собственности в теории стали высказываться различные мнения относительно объекта хищений. Если одни авторы (к примеру, Г.Н. Борзенков) по-прежнему определяли собственность как «общественные отношения в сфере распределения материальных благ, предназначенных для индивидуального или коллективного потребления либо для осуществления производственной деятельности»⁴¹², прямо подчеркивая недопустимость признания непосредственным объектом хищений «субъективное право собственности, индивидуальный имущественный интерес»⁴¹³, то другие стали утверждать, что «признать объектом преступления собственность только как экономическую категорию – значит игнорировать факт нарушения правомочий, принадлежащих по закону собственнику (или иному владельцу)»⁴¹⁴, а также что при сугубо экономическом взгляде на собственность «нивелируется ... тот ущерб,

⁴⁰⁹ См., напр., Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 149.

⁴¹⁰ См., напр., Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. 1990. №12. С.52.

⁴¹¹ Яни П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 14–15 сентября 2007 г. – Н. Новгород, 2008.

⁴¹² Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Олимп; АСТ, 1997. С. 173-174. «Преступления против собственности поражают отношения собственности не в юридическом, а в экономическом смысле. Существо этих преступлений определяется их объектом - они складываются по поводу присвоения и обращения материальных (точнее - имущественных, т.е. оцениваемых деньгами) благ» (см.: Уголовное право России: части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 531).

⁴¹³ Там же. С. 175 - 176

⁴¹⁴ Кочой С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: АНТЭЙ, 2000. С.

который причиняется конкретному собственнику или законному владельцу, в результате чего они лишаются возможности пользоваться имуществом, принадлежащим им по праву и закону»⁴¹⁵.

Думается, есть основания согласиться с мнением о том, что в отличие от объекта уголовно-правовой охраны «объект преступления существует только в момент совершения преступления, сопряжен с реальными действиями, физическими лицами и общественными отношениями (это то, на что посягает преступление), возникает в момент посягательства... как структурный элемент объекта уголовно-правовой охраны. Так, кражи посягают на имущество независимо от формы собственности, выступающей объектом уголовно-правовой охраны. Фактически совершенная кража причиняет имущественный ущерб конкретной организации, человеку и т.д.»⁴¹⁶. Такой объект в теории иногда именуется узконепосредственным⁴¹⁷.

Одним из признаков продолжаемого преступления, позволяющих его отграничить от множественности, является наличие единого результата у ряда тождественных деяний⁴¹⁸. Поэтому высший судебный орган указывает, что о единстве умысла может свидетельствовать, в частности, совершение тождественных деяний в отношении одного и того же объекта преступного посягательства⁴¹⁹. Согласимся с мнением, что «объектом преступлений против собственности является собственность как экономико-правовое понятие, заключающееся в фактической и юридической присвоенности имущества конкретному физическому или юридическому лицу, имеющему в отношении этого имущества правомочия владения, пользования и распоряжения и обладающему исключительным правом на передачу этих правомочий другим

⁴¹⁵ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁶ Виокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., Проспект, 2022. С. 52-53.

⁴¹⁷ См.: Яни П.С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017. № 6.

⁴¹⁸ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 111.

⁴¹⁹ Абзац 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. №43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. №1.

лицам»⁴²⁰. Поскольку при посягательстве на имущество нескольких лиц происходит нарушение ряда самостоятельных отношений собственности, то результат юридически тождественных преступных действий нельзя признать единым. Объединение ряда посягательств в отношении имущества различных собственников в одно продолжаемое хищение обозначает смещение акцентов с охраны интересов конкретного индивида в пользу охраны некоего абстрактного, лишенного содержания отношения собственности. По сути, в таком случае, по мнению П.П. Степанова, объектом преступления становятся экономические интересы государства, стабильность гражданского оборота⁴²¹.

В действительности же при данном подходе происходит наказание виновного не за причинение ущерба собственнику, а за незаконное обогащение, за получение нетрудового дохода. Такое понимание общественной опасности хищений было свойственно для советской политической системы, при которой устанавливалась всеобщая обязанность трудиться⁴²². Г.А. Кригер писал, что «сущность хищения заключается в обогащении виновного путем извлечения социалистического имущества из фондов государственных или общественных организаций и обращения его в пользу отдельных лиц...»⁴²³. В нынешних реалиях таким образом понимать общественную опасность хищений нельзя.

Другой дискуссионный вопрос касается возможности совершения продолжаемого хищения с неопределенным умыслом. Поскольку обманное хищение имущества вкладчиков финансовых пирамид на практике обычно рассматривается как продолжаемое преступление, несмотря на рассуждения о связи категорий «объект», «единый результат» и «единый источник», этот вопрос также заслуживает рассмотрения.

Организатор финансовой пирамиды, привлекая денежные средства или иное имущество, заранее не знает, перед кем из вкладчиков обязательства не будут исполнены. Поскольку создатель финансовой пирамиды рассчитывает

⁴²⁰ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2006. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴²¹ См.: Степанов П.П. К вопросу о единстве объекта посягательства в различных эпизодах единого продолжаемого мошенничества // Уголовное право. 2021. № 3.

⁴²² См.: Архипов А.В. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. № 4. С. 22.

⁴²³ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 65.

осуществлять свою деятельность до тех пор, пока будет возможность обеспечивать исполнение обязательств и привлекать новых вкладчиков, умысел такого лица в теории называется неопределенным (неконкретизированным)⁴²⁴.

Проблема заключается в том, что в разъяснениях высшего судебного органа, данных в различные периоды, неодинаково описываются субъективные признаки продолжаемых преступных деяний.

До недавнего времени общее определение продолжаемого преступления содержалось в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 (ред. от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям». Согласно данному в этом документе определению одним из признаков продолжаемого преступления указывалась направленность ряда тождественных действий к общей цели⁴²⁵.

В более поздних разъяснениях, в которых обобщалась практика применения норм о хищениях, данный признак последовательно получал отражение. В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснялось, что «продолжаемым хищением следует считать неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих **общую цель** (выделено мной. – А.З.) незаконного завладения государственным или общественным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного и составляют в своей совокупности одно преступление»⁴²⁶. В п. 4 действующего до сих пор постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 (в ред. от 6

⁴²⁴ См. об этом: Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): проблемы отграничения от хищения // Российская юстиция. 2022. № 11.

⁴²⁵ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс». В обновленных разъяснениях об общей цели говорится как об одном из обстоятельств, свидетельствующих об единстве умысла (см.: абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. №43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. №1)

⁴²⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4.

февраля 2007 г.) «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» рассматриваемый признак получил конкретизацию, для признания хищения продолжаемым правоприменителю разъяснена необходимость установления наличия «у лица общей цели и единого умысла на хищение **определенного количества материальных ценностей** (выделено мной. – А.З.)»⁴²⁷.

В русле указанных разъяснений было дано определение продолжаемого преступления, содержащееся в подп. «д» п. 33 Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях: «преступление, складывающееся из ряда юридически тождественных деяний (действия или бездействия), направленных к **единой цели** (выделено мной. – А.З.), объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства, возможных преступных последствий»⁴²⁸.

По мнению О.В. Белокурова, «общая цель предполагает знание субъектом конечного результата и стремление достичь его посредством совершения нескольких преступлений»⁴²⁹. А.В. Архипов пишет, что «наличие цели как идеального образа конечного результата деятельности предполагает высокую степень конкретизации умысла»⁴³⁰. По мнению А.П. Козлова, «общая цель в продолжаемом преступлении обязательно должна быть конкретизирована по объему, весу, размеру и т.д.»⁴³¹.

Согласно приведенным теоретическим воззрениям, если признавать общую цель признаком продолжаемого преступления, противоправные действия образуют единое уголовно наказуемое деяние только в случае, когда они направлены к заранее определенному результату.

⁴²⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. №4.

⁴²⁸ Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15 октября 2019 г.) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 г., №7339) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁹ Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. М.: ИГ «Юрист», 2003. С. 78

⁴³⁰ Архипов А.В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации. С.16.

⁴³¹ Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 108.

В разъяснениях высшего судебного органа последних лет, посвященных проблемам квалификации отдельных преступлений, зачастую общая цель как признак продолжаемого преступления не упоминается⁴³², что ставит вопрос о степени конкретизации умысла и приводит некоторых исследователей к выводу о возможности совершения продолжаемого преступления даже с косвенным умыслом, в обоснование чего утверждается, что «в действительности очень часто имеет место совершение нескольких преступлений с неопределенным умыслом относительно количества эпизодов, размера содеянного, времени, в течение которого будет продолжаться противоправная деятельность, и т. д.»⁴³³.

В монографии П. С. Дагеля и Д. П. Котова утверждается, что «направленность умысла определяется той целью, которой руководствовался субъект, теми последствиями, которые представлялись виновному желаемыми...»⁴³⁴. Иными словами, между целью и направленностью умысла существует взаимосвязь. Однако можно ли говорить, что неопределенный умысел априори лишен конкретизации и что деяние в таком случае не может быть целенаправленным?

В реальной действительности не существует «умысла вообще», интеллектуальный и волевой элементы умысла всегда наполнены определенным предметным содержанием⁴³⁵. Если в сознании виновного не отражаются хотя бы в общих чертах объективные признаки деяния, то вряд ли можно говорить об умысле⁴³⁶.

Неопределенное представление виновного может касаться различных объективных признаков деяния, например, стоимости имущества, свойств похищаемого предмета (оборотоспособности; культурной или иной значимости и

⁴³² См., напр.: п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2; п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №2.

⁴³³ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Указ. соч. URL: <http://www.procuror.spb.ru/k805.html>

⁴³⁴ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 84

⁴³⁵ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 83

⁴³⁶ См. выступление К. В. Ображиева на заседании круглого стола, организованного клубом уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право», с докладом на тему: «Квалификация преступлений, совершенных с неопределенным умыслом». URL: <https://youtu.be/pNdBydQdbxI>

пр.), способа завладения (происходит ли хищение тайно или открыто), имущественного положения потерпевшего и других обстоятельств. Отношение к этим обстоятельствам может варьироваться от точного их знания до сознания возможности их наличия. В зависимости от степени отражения фактических обстоятельств в сознании виновного можно вести речь о желании или сознательном допущении последствий преступления. Поэтому неопределенный умысел, как отмечается в специальной литературе, может быть как прямым, так и косвенным⁴³⁷.

Здесь-то и кроется самый интересный момент. При всей кажущейся очевидности в различиях волевого элемента прямого и косвенного видов умысла, при оценке конкретных ситуаций их не так просто разграничить. Даже самые известные исследователи признаков субъективной стороны состава преступления не провели, как представляется, четкого различия между прямым и косвенным умыслом по волевому элементу⁴³⁸.

Еще раз приведем позицию П.С. Дагеля и Д.П. Котова, согласно которой о желании наступления общественно опасного последствия как признаке прямого умысла можно говорить в одном из трех случаев: 1) последствие – конечная цель действий виновного; 2) последствие является промежуточной целью, необходимым средством достижения конечной цели, «открывает дорогу» наступлению желаемого результата, т.е. выступает способом его достижения или устраняет препятствия на пути к нему; 3) общественно опасное последствие – этап достижения конечной цели (например, хищение небольшой суммы может быть лишь этапом при реализации умысла на хищение в крупных размерах)⁴³⁹. Почти аналогичным образом описывается волевой элемент прямого умысла в известной монографии Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова⁴⁴⁰.

⁴³⁷ См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., Юридическая литература, 1972. С. 100.

⁴³⁸ На неудачное использование категорий, при помощи которых описан волевой момент косвенного умысла, указывает, в частности, В.А. Якушин, отмечая, что при «нежелании» наступления последствий все же получается, что лицо «не хочет, но делает». См.: Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 139. См. об этом же: Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. №12. СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 99

⁴⁴⁰ См.: Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 91–92.

Рассуждая о косвенном умысле, П.С. Дагель и Д.П. Котов хотя и утверждают, что преступное последствие при этом виде умысла не является ни целью действий виновного, ни средством ее достижения, ни этапом на пути к цели, тем не менее, констатируют, что последствие здесь – «цена, которую виновный готов заплатить за достижение желаемой цели»⁴⁴¹. Подобную формулировку можно встретить также у А.И. Рарога⁴⁴².

Однако чем эта формулировка содержательно отличается от второго из приведенных выше вариантов, при котором, по мнению упомянутых ученых, имеет место желание наступления общественно опасных последствий? А если принять к сведению позицию П.С. Дагеля и Д.П. Котова о том, что интеллектуальным элементом косвенного умысла может охватываться предвидение неизбежности преступных последствий, то деление умысла на прямой и косвенный становится чем-то искусственным⁴⁴³. Отсюда и берут начало рассуждения о возможности совершения продолжаемых деяний или преступлений со специальной целью (таких как хищение) с косвенным умыслом.

Речь идет не только о финансовых пирамидах, в которых, как полагают некоторые исследователи, виновные действуют именно с косвенным умыслом⁴⁴⁴. Возможность совершения хищений с косвенным умыслом обсуждается также применительно к другим ситуациям. В.В. Векленко к таким примерам относит незаконное получение работником «больничного» для решения личных проблем или уклонения от дисциплинарной ответственности за прогул с последующим получением выплат в связи с временной потерей трудоспособности. Раз основная цель работника не связана с обращением чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, то, по мнению исследователя, завладение денежными

⁴⁴¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 101

⁴⁴² См.: Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: ООО «Профобразование». 2001. С. 36.

⁴⁴³ Стоит отметить, что, констатируя возможность предвидения неизбежности последствий при косвенном умысле, П. С. Дагель и Д. П. Котов в дальнейшем допускают противоречие, когда рассуждают о неопределенном умысле. Они пишут, что «желание или сознательное допущение последствий зависит от того, какими они представлялись субъекту; волевое отношение к последствиям во многом зависит от характера и полноты их осознания (выделено мной. – А.З.)» (См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 113). Но если фактические обстоятельства с очевидностью свидетельствуют для виновного о неизбежности последствий, то как можно говорить о нежелании, но сознательном допущении таких последствий?

⁴⁴⁴ См.: Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

средствами в результате предоставления подложного документа осуществляется с косвенным умыслом, поскольку причинение имущественного вреда виновным не желается, но сознательно допускается⁴⁴⁵.

Имущественный вред в этих примерах, являясь той ценой, которую виновный готов заплатить за достижение иной доминирующей цели (в случае образования финансовой пирамиды – вовлечение в процесс перераспределения активов как можно большего числа вкладчиков, в случае получения «больничного» – избежать ответственности за прогул или обеспечить свободное время), что вписывается в нормативную формулировку косвенного умысла, одновременно устраняет препятствия к указанной цели, выступает средством ее достижения. А раз так, есть все основания утверждать, что мошенничество в приведенных ситуациях совершается именно с прямым умыслом.

К тому же, поскольку имущественный вред (как в первом, так и во втором случае) будет причинен неизбежно, то при соответствующем отражении данного обстоятельства в сознании виновного не остается места для интеллектуального элемента косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ). Сказанное в полной мере относится также к обсуждаемому в юридической литературе разъяснению высшего судебного органа о квалификации как хищения получения премиальных выплат работниками предприятий в случае приписок⁴⁴⁶.

Признание в подобных ситуациях косвенного умысла необоснованно сужает возможности для надлежащей правовой оценки безрезультативных преступлений. Отчетливо это демонстрируется на примере преступлений против жизни и здоровья. Так, осужденная из ревности к потерпевшей К. в ночное время, используя легковоспламеняющийся бензин, подожгла единственную входную дверь в дом, осознавая, что внутри находятся не только К., но и члены ее семьи. При этом осужденная понимала, что с учетом деревянных конструкций пламя быстро распространится и К. не сможет выйти из дома. Судебная коллегия по

⁴⁴⁵ См.: Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 170.

⁴⁴⁶ См. п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. №7 «О практике применения судами законодательства по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 4. См. также: Хилюта В.В. Можно ли хищение совершить с косвенным умыслом? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6. С. 120–129.

уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что посягательство на жизнь выжившей К. было совершено с прямым умыслом. Однако Судебная коллегия согласилась и с тем, что умыслом осужденной охватывалось нахождение в доме других потерпевших, смерти которых она не желала, однако осознавала возможность ее причинения. Указанные действия, по мнению Судебной коллегии, обоснованно расценены судом как совершенные с косвенным умыслом⁴⁴⁷.

Если бы при чудесном стечении обстоятельств погибшим удалось выбраться из дома невредимыми, то в действиях осужденной по отношению к этим потерпевшим отсутствовал бы состав преступления, поскольку с позиции высшего судебного органа покушение возможно только с прямым умыслом. Вместе с тем жизнь этих лиц была поставлена в реальную опасность действиями виновной, которая одним из последствий допускала смерть всех находящихся в доме. Умысел виновной нужно признавать прямым, поскольку следствие в виде смерти было для нее достаточно определенным, о чем можно судить по фактическим обстоятельствам содеянного, а значит, и желаемым⁴⁴⁸.

Общая цель как признак продолжаемого преступления цементирует направленность одного и того же повторяющегося (в терминологии Европейского Суда по правам человека) умысла на один охраняемый объект, чем и обеспечивается единый результат преступления, поэтому нет оснований для непризнания общей цели признаком продолжаемого преступления. А.П. Козлов, отмечая, что общая цель свидетельствует о направленности ряда совершаемых деяний на единый результат, который позволяет отграничить продолжаемое преступление от иных явлений (в частности, многомоментных и повторных

⁴⁴⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2021 г. №16-УД21-1-А3 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴⁸ На обусловленность волевого элемента умысла интеллектуальным точно указывает С.В. Складов, констатируя, что «под желанием лица наступления определенных последствий фактически понимается предвидение им неизбежности их наступления... Неизбежность наступления последствий означает, что в результате совершения определенных действий при обычных условиях наступает конкретное последствие». См.: Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. М.: «Юридический центр», 2004. С. 33.

преступлений), пишет, что «цель называется общей, потому что она представляет собой цель всех отдельно совершенных частей анализируемого преступления»⁴⁴⁹.

Иными словами, наличие общей цели ряда деяний свидетельствует о качественной определенности умысла, чем, в свою очередь, обычно обеспечивается юридическая тождественность преступных действий (исключениями, пожалуй, являются случаи трансформации умысла, когда в сознании виновного начинают отражаться ранее не учтенные фактические обстоятельства⁴⁵⁰).

Наличие у организатора финансовой пирамиды прямого неопределенного умысла само по себе не препятствует признанию преступления продолжаемым, поскольку с качественной стороны умысел является вполне определенным. В сознании виновного отражается посягательство на имущественные интересы вкладчиков финансовой пирамиды. Однако отсутствие единого результата у ряда тождественных преступных действий в связи с тем, что у каждого отдельного деяния имеется свой собственный объект, не позволяют говорить о том, что все действия виновного образуют единое продолжаемое преступление.

Напротив, ст. 172² УК РФ позволяет свести действия, которые при наличии признаков мошенничества должны получать, на наш взгляд, оценку по совокупности преступлений, в одно продолжаемое деяние. Как уже указывалось, рассматриваемое преступление посягает на другой объект, нарушение отношений собственности не имеет значения для квалификации по ст. 172² УК РФ. По этой причине в литературе иногда говорится о закреплении в данной норме специально учтенной совокупности преступлений (применительно к обманным пирамидам, по вопросу оценки которых возникает конкуренция с мошенничеством)⁴⁵¹.

⁴⁴⁹ Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 108.

⁴⁵⁰ Например, начавшаяся продолжаемая кража перерастает в грабеж. См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2. Общая цель и качественная определенность умысла преступных действий виновного при этом сохраняются, поскольку в его сознании получают отражения те дополнительные обстоятельства, которые законодатель при желании мог бы предусмотреть в качестве квалифицирующих признаков единого состава хищения.

⁴⁵¹ См.: Зарубин А.В. Указ. соч. С. 162; Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / А.А. Гравина, О.А. Зайцев, М.Г. Жилкин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. Институт законодательства и

Поскольку в ст. 172² УК РФ идет речь об организации именно деятельности, то в условиях формирования судебной практики по вопросу признания этого преступления продолжаемым могут быть использованы подходы, выработанные применительно к составу незаконного предпринимательства (в редакции ст. 171 УК РФ, действовавшей до принятия Федерального закона от 6 августа 2024 г. №79-ФЗ).

В науке уголовного права отмечалось, что осуществление незаконной предпринимательской деятельности предполагает «**систематическое** (выделено мной. – А.З.) совершение однородных действий в той или иной сфере производства»⁴⁵². Поэтому на практике возникал вопрос, может ли единичная сделка, даже если она направлена на получение прибыли, квалифицироваться по ст. 171 УК РФ?⁴⁵³ Следует обратить внимание, что в легальном определении предпринимательской деятельности говорится о направленности на систематическое получение прибыли (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а не о систематическом совершении действий (продаже имущества, выполнении работ, оказании услуг), в связи с чем взгляд правоприменителя при ответе на поставленный вопрос должен быть обращен на субъективные признаки содеянного. Поэтому стоит согласиться, что «при доказанности цели, направленной на систематическое получение прибыли, и разовую сделку можно признать в качестве предпринимательской деятельности»⁴⁵⁴.

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. С. 205.

⁴⁵² Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Уголовное право. 1999. №1. С. 25.

⁴⁵³ «С. ... как физическое лицо, выполнившее единичное, но возмездное оказание услуг, осуществил не предпринимательскую деятельность, а уклонился от уплаты налога. Поэтому для отнесения той или иной деятельности к предпринимательской в каждом конкретном случае необходимо выяснить специфику возникших правоотношений, оценить продолжительность и интенсивность возмездных действий, установить размер получаемой прибыли и другие факторы. Только полный анализ указанных обстоятельств позволит правильно квалифицировать совершаемые лицом действия». См.: справка Московского областного суда от 9 октября 2002 г. «По результатам рассмотрения судами Московской области в 2000 г. и в первом полугодии 2001 г. уголовных дел в сфере экономики» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵⁴ Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2005. С. 15. П.С. Яни также пишет, что «доказанность лишь разовых сделок сама по себе не свидетельствует о том, что у лица не было намерения осуществлять деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли» (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. СПС «КонсультантПлюс»).

Для выполнения состава преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, достаточно, чтобы действия организационного характера обусловили привлечение денежных средств и (или) иного имущества хотя бы одного вкладчика в крупном (особо крупном) размере при намерении вовлечения в процесс перераспределения активов других лиц. В случае если указанные действия повлекли привлечение денежных средств и (или) иного имущества ряда вкладчиков, то для вывода о наличии продолжаемого преступления необходимо установление единого умысла.

В отношении состава незаконного предпринимательства единство умысла обычно обуславливается непрерывностью (систематичностью) совершаемых действий. По одному из дел сторона защиты пыталась обосновать разрыв умысла на осуществление незаконного предпринимательства тем, что с октября 2016 г. по май 2017 г. осужденный не перевозил пассажиров речным транспортом, а при возобновлении деятельности стал использоваться другой теплоход. Однако кассационный суд указал, что «в приговоре и апелляционном постановлении обоснованно принято во внимание, что предпринимательская деятельность С.А.Б., связанная с перевозками пассажиров речным транспортом и направленная на систематическое получение дохода от этого вида деятельности, являлась непрерывной и осуществлялась в течение всего периода навигации; невозможность перевозок в период закрытия навигации не свидетельствует о его намерении прекратить осуществление предпринимательской деятельности, указанной в лицензии»⁴⁵⁵.

По мнению И.А. Клепицкого, признанию умысла единым не препятствует наличие доходов от разных видов деятельности, подлежащих суммированию при итоговой правовой оценке⁴⁵⁶. Однако в судебной практике нередко этот вопрос решается иначе. По одному из дел, признавая незаконное предпринимательство продолжаемым преступлением, суд отметил, что «осужденным были

⁴⁵⁵ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. по делу № 77-23/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵⁶ «Может суммироваться доход от разных видов деятельности, если эти виды деятельности являются незаконным предпринимательством, охватываемым единым умыслом (в т. ч. и неконкретизированным)». См.: Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений ... СПС «КонсультантПлюс».

предоставлены займы двенадцати гражданам, привлеченным посредством распространения объявлений, получены денежные средства в результате исполнения гражданами обязательств по договорам займа. Во всех случаях осужденным применялся **один способ получения прибыли** (выделено мной. – А.З.). Многократное повторение субъектом полностью однообразных действий, направленных на получение прибыли, в относительно непродолжительный период времени, следует признать систематической деятельностью»⁴⁵⁷. В другом деле суд разделил на два эпизода осуществления незаконной предпринимательской деятельности обеспечение потребителей услугами теплоснабжения и водоснабжения, доходы от которых были учтены при квалификации самостоятельно⁴⁵⁸.

Реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 172² УК РФ, может иметь место в случае организации разных финансовых пирамид, функционирование которых разделено, к примеру, по территориальному принципу. Существенным же обстоятельством при решении вопроса о наличии или отсутствии единого умысла является установление того, исполняются ли обязательства перед вкладчиками в одной пирамиде за счет активов, привлеченных от вкладчиков другой. Если это имеет место, то содеянное подлежит оценке как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 172² УК РФ.

§ 3. Совершенствование нормы об уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества

⁴⁵⁷ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 10 августа 2023 г. по делу №22-2988/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C7cR2vA43NVw/>. «Действия Н.Е.В. носили продолжаемый характер ... – на протяжении трех лет она извлекала **одним и тем же способом прибыль** (выделено мной. – А.З.), реализовывала металлолом в одни и те же организации» (см.: апелляционное постановление Челябинского областного суда 8 июня 2021 г. по делу №10-2631/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DhshKTewvfb/>).

⁴⁵⁸ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 25 августа 2020 г. по делу № 22-4705/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IIIDwC85DHvLn/>.

Выявленные в предыдущей части исследования правотворческие и правоприменительные проблемы уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам обуславливают необходимость совершенствования запрета, предусмотренного ст. 172² УК РФ.

Высказанная критическая оценка относится к таким недочетам статьи, как очень сложное для восприятия описание диспозиции уголовно-правовой нормы, нагромождение повторяющихся слов; криминализация исключительно организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, в связи с чем об оценке непосредственного участия в осуществлении такой деятельности если и можно говорить, то сквозь призму ч. 5 ст. 33 УК РФ; трудности определения сопоставимости объемов привлеченного имущества и деятельности по его использованию, а также вытекающий отсюда риск объективного вменения; отсутствие однозначного понимания предназначения запрета, являющегося следствием соответствующего описания диспозиции.

В уголовном законодательстве ряда соседних государств наряду с организацией финансовой пирамиды криминализованы руководство ею (или ее структурным подразделением) и рекламирование ее деятельности (в частности, в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане), обеспечение функционирования финансовой пирамиды (в Узбекистане). Если касаться опыта Соединенных Штатов, в правовых системах отдельных штатов перечень запрещенных деяний, связанных с деятельностью пирамидальной схемы, описывается максимально широко и казуистично, охватывая практически все, за исключением участия в пирамидальных схемах в качестве вкладчика. К примеру, в Техасе лицо подлежит уголовной ответственности, если замышляет (*contrives*), подготавливает (*prepares*), образует (*establishes*), рекламирует (*advertises*), продвигает (*promotes*) пирамидальную схему или обеспечивает ее функционирование (*operates*). Причем содержание категории продвижение (*promoting*) раскрывается в самой норме: привлечение или попытка привлечения одного или более участников в пирамидальную схему; содействие другому лицу в привлечении или попытках привлечения одного или более участников в пирамидальную схему. Не является

наказуемым лишь участие в качестве вкладчика в пирамидальной схеме, которое законодателем определяется как передача имущества без совершения действий по организации и продвижению пирамидальной схемы⁴⁵⁹.

Цель запрета в различных штатах – создать препятствия к расширению числа вкладчиков пирамидальной схемы. Это подчеркивается в судебной практике. По одному из дел прямо указывается, что число лиц, которые потеряют свои сбережения, увеличится без законодательного реагирования на разрастание пирамиды. Поэтому запрет служит охране общественных интересов, предусматривая уголовную ответственность для лиц, способствующих присоединению новых вкладчиков⁴⁶⁰. Однако некоторые государства пошли еще дальше и предусмотрели уголовную ответственность даже за само участие в качестве вкладчика в пирамиде (в частности, это криминализировано в ст. 206(1)(e) Уголовного кодекса Канады⁴⁶¹).

Смещение центра тяжести в борьбе с финансовыми пирамидами с лидеров (создателей, руководителей) на рядовых вкладчиков, которыми не прилагаются усилия к привлечению других лиц, нам представляется не вполне обоснованным. Да и если согласиться, что склонение к участию в качестве вкладчика в финансовой пирамиде обладает общественной опасностью, законодатель должен использовать дифференцированный подход при установлении ответственности. Вполне достаточными могут оказаться меры административной ответственности. Учитывая масштабы, которые может принять деятельность финансовой пирамиды, расширение криминального контингента за счет ее вкладчиков не совсем вписывается в тенденции нынешней уголовной политики⁴⁶².

⁴⁵⁹ См.: Texas Business and Commerce Code, § 17.461 // URL: <https://law.justia.com/codes/texas/2022/business-and-commerce-code/title-2/chapter-17/subchapter-e/section-17-461/>.

⁴⁶⁰ State v. Lycett, 133 Ariz. 185, 650 P.2d 487 (1982) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3eaadd7b049347ca0b0/>. Подобным образом проблема рассматривается, к примеру, в Гонконге, где в Ордонансе о запрете пирамидальных схем также предусматривается уголовная ответственность для вкладчиков, которые, заведомо осознавая об участии в пирамиде, привлекают или пытаются привлечь других лиц. См.: An Ordinance to prohibit certain acts in relation to a pyramid scheme and to provide for related matters [1 January 2012] L.N. 181 of 2011 // URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap617/>.

⁴⁶¹ См. Criminal Code, RSC 1985, c C-46 // URL: <https://canlii.ca/t/5624h/>.

⁴⁶² Инициатива, связанная с введением уголовного проступка, обосновывается тем, что нужно «помочь и дать второй шанс тому, кто оступился, не понял и не смог верно оценить ситуацию по неопытности, тем, кого на

На наш взгляд, явным пробелом выступает отсутствие в описании диспозиции ст. 172² УК РФ указания на наказуемость наряду с организацией осуществления деятельности по привлечению денежных средств. В этом случае привлечь к ответственности участников финансовых пирамид, как правило, имеющих материальную заинтересованность и осведомленных о содействии расширению числа вкладчиков, чрезвычайно сложно, основываясь лишь смысле уголовного запрета, в понимании которого у правоприменителя единства нет. Для вменения состава приходится широко толковать организацию деятельности, включая в ее содержание либо само привлечение денежных средств и (или) иного имущества, как предлагается некоторыми исследователями, либо обеспечение расширения масштабов преступной деятельности, что предложено нами во второй главе диссертации.

Однако включение в число объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, осуществления деятельности по привлечению имущества создает риск распространения уголовно-правового запрета на осведомленных о целях использования привлекаемых активов вкладчиков «добросовестных» пирамид (опять-таки за счет упомянутой широкой трактовки пособничества). Установление ответственности за осуществление деятельности по привлечению имущества приведет к расширению объективной стороны деяния, которая будет завершаться поступлением (применительно к вкладчикам – передачей) активов в финансовую пирамиду. Относительно же пособника в теории уголовного права указывается, что он «в процессе подготовки преступления, либо на стадии его совершения оказывает помощь исполнителю путем создания реальной возможности завершения преступления»⁴⁶³. В связи с этим можно усмотреть, что действиями вкладчика финансовой пирамиды на стадии исполнения преступления устраняются препятствия для осуществления деятельности по привлечению имущества.

фоне общего законопослушного вектора жизни «попутал бес». См.: Институт уголовного проступка: дать человеку шанс // URL: http://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/32410/.

⁴⁶³ Курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 415.

Вместе с тем, на наш взгляд, нет оснований вкладчиков пирамид относить к адресатам уголовно-правового запрета, если действия таких лиц сводятся исключительно к передаче имущества, подобно взносу в азартной игре. Применительно к участникам азартных игр, незаконные организация и проведение которых криминализированы ст. 171² УК РФ, в теории отмечается: «Участие в азартной игре при отсутствии в действиях лица признаков ее организации и проведения, уголовно наказуемым быть признано не может»⁴⁶⁴. Хотя аналогично передаче имущества в пирамиду в действиях участника азартной игры также можно усмотреть пособничество по признаку устранения препятствий проведению игры.

Поэтому имеются основания в примечании к ст. 172² УК РФ сформулировать норму, исключаящую привлечение к уголовной ответственности в качестве пособника преступления вкладчика финансовой пирамиды, чьи действия выражались исключительно в передаче имущества с ожиданием получения имущественной выгоды.

По поводу рекламы деятельности финансовой пирамиды стоит отметить, что недавняя инициатива наряду с изменением ст. 172² УК РФ предусматривала включение отдельной нормы, устанавливающей уголовную ответственность в том числе за это деяние⁴⁶⁵. На данный момент в отечественном законодательстве предусмотрена административная ответственность за публичное распространение информации, содержащей сведения о привлекательности участия в деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, где имущественная выгода одних вкладчиков обеспечивается за счет средств других. Однако в описании административного запрета имеется лазейка, которая предоставляет правоприменителю возможность задействовать уголовно-правовой инструментарий.

⁴⁶⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶⁵ В Госдуме предлагают конфискацию имущества и до 12 лет тюрьмы за создание финансовых пирамид // Интерфакс, 13 апреля 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895883/>.

В разъяснениях высшего судебного органа выражена правовая позиция, согласно которой, если допущенное лицом административное правонарушение содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности⁴⁶⁶. Иными словами, при наличии самостоятельного запрета на рекламу упомянутой деятельности в законодательстве об административных правонарушениях, казалось бы, квалификация таких действий как, к примеру, пособничества преступлению, предусмотренному ст. 172² УК РФ, исключается. Однако в ч. 2 ст. 14.62 КоАП РФ речь идет о рекламировании «деятельности, указанной в части 1 настоящей статьи», тогда как в ч. 1 данной статья содержится оговорка «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». В таком случае получается, если рекламируемые действия все-таки содержат признаки уголовно наказуемого деяния, квалифицировать их по ч. 2 ст. 14.62 КоАП РФ нельзя. А раз так, открывается возможность для привлечения к уголовной ответственности.

Однако сама эта возможность (даже если бы она предусматривалась самостоятельной нормой) сопряжена с существенными практическими трудностями, поскольку необходимо доказать, что лицо было осведомлено о том, что распространяет информацию о деятельности именно финансовой пирамиды. Анализ судебной практики по применению ст. 14.62 КоАП РФ показывает, что это обстоятельство нередко игнорируется и оценка, по существу, производится без учета субъективных признаков содеянного. По одному из дел, к примеру, Е. пояснил, что организовал публичное распространение информации о деятельности кооператива в газете и по телевидению по поручению Г., который контролировал этот процесс, заключал договоры и производил оплату. Рекламируя участие в деятельности кооператива с возможностью получения 22 % годовых, Е. полагал, что эта деятельность является экономически обоснованной. Суд объяснения Е. во внимание не принял, надлежащей оценки им не дал, сделал вывод о его виновности в совершении правонарушения, по сути, на основании

⁴⁶⁶ См. абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11 июня 2019 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №5. 2002.

полученных в ходе проверки сведений о том, что в деятельности кооператива выявлены признаки финансовой пирамиды⁴⁶⁷.

Наконец, по поводу сферы применения ст. 172² УК РФ нужно отметить следующее. По мнению М.Г. Жилкина, для исключения конкуренции с составом мошенничества в ст. 172² УК РФ необходимо включить оговорку «при отсутствии признаков хищения». На наш взгляд, это не поможет решению концептуальной проблем о предназначении нормы, поскольку, как было показано на примерах из судебной практики, в обманной финансовой пирамиде, где искажается цель привлечения имущества, некоторые правоприменители не видят признаков хищения, поскольку якобы отсутствует прямой умысел на причинение ущерба. В связи с этим упомянутая оговорка, напротив, станет доводом в пользу того, что законодатель соглашается с таким подходом. Именно поэтому из текста нормы должно следовать, что ее применение возможно при отсутствии признаков обмана. Предложенное нами в первой главе определение финансовой пирамиды, в котором отражается цель использования привлекаемого имущества, позволяет довольно просто это сделать. Следует указать, что квалификация по ст. 172² УК РФ необходима лишь в случае осведомленности вкладчиков о целях использования имущества в финансовой пирамиде и возможности продолжения исполнения перед ними обязательств.

С учетом высказанных предложений и замечаний основной состав преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, предлагается изложить следующим образом: «Организация или осуществление деятельности по привлечению имущества физических и (или) юридических лиц (вкладчиков) под обещание возможности получения ими в будущем значительной выгоды имущественного характера, ведущейся в целях использования привлекаемого имущества для исполнения принятых имущественных обязательств перед другими вкладчиками, то есть заведомо не для создания источника, необходимого для обеспечения исполнения принятых имущественных обязательств в полном

⁴⁶⁷ Постановление мирового судьи судебного участка №46 г. Кургана Курганской области от 31 мая 2017 г. по делу №5-557/2017 // ГАС РФ «Правосудие».

объеме и формируемого посредством использования привлекаемого имущества в инвестиционной, предпринимательской или иной приносящей доход деятельности, при осведомленности вкладчиков о целях привлечения имущества и возможности продолжения исполнения обязательств».

С целью исключения распространения уголовно-правового запрета на вкладчиков в ст. 172² УК РФ следует предусмотреть примечание следующего содержания: «Вкладчик, чьи действия выражались исключительно в передаче имущества с намерением получить выгоду имущественного характера, не подлежит уголовной ответственности в качестве пособника преступления, предусмотренного настоящей статьей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финансовые пирамиды можно назвать своеобразным атрибутом рыночных отношений, капиталистической системы хозяйствования. Получив широкое распространение в Российской Федерации в 90-х гг. прошлого столетия, они застали плохо подготовленных к новой экономической реальности граждан врасплох: капитализм предоставил людям удочку, однако по трагической иронии не научил ей пользоваться. В результате миллионы граждан остались и без удочки, и без улова.

Прошло уже несколько десятилетий, однако участие в сомнительных инвестиционных проектах до сих пор остается популярным среди населения. В нынешних условиях виной тому является уже не отсутствие финансовой грамотности, а психология. Надежда на быстрое обогащение перевешивает здравый смысл и побуждает рискнуть своими сбережениями. Организаторы подобных проектов, в свою очередь, тоже не стоят на месте, делают все от себя зависящее для комфортного и интересного участия, облачая пирамидальный принцип распределения активов в различные экономические игры, закрытые клубы и пр.

Паразитирование в экономическом пространстве государства, причинение существенного вреда охраняемым публичным экономическим интересам вынуждает противодействовать финансовым пирамидам с помощью уголовно-правовых средств. Эффективное использование этих средств на практике обусловлено выявлением правотворческих и правоприменительных проблем и поиском путей их устранения, чему в значительной степени посвящена данная диссертация.

Проведение подобного исследования позволило выявить препятствия к использованию категории «финансовая пирамида» законодателем при конструировании самостоятельного уголовно-правового запрета, но вместе с тем – выделить признаки финансовой пирамиды, отобрать существенные из них,

предложить дефиницию данного понятия с целью использования для совершенствования уголовного законодательства.

Анализ накопленного опыта противодействия финансовым пирамидам (схемам Понци и пирамидальным схемам) в США позволил познакомиться с используемыми в этом государстве подходами к правовой оценке соответствующего вида преступной деятельности, а также сделать выводы о возможности заимствования этого опыта для решения правотворческих и правоприменительных проблем противодействия финансовым пирамидам в Российской Федерации. Так, в ракурсе представлений о мошенническом обмане в отечественных науке и правоприменительной практике была дана оценка доминирующему в США подходу о признании пирамидальной схемы деятельности мошеннической *per se*, то есть по самому факту ее осуществления. Несмотря на то что такой подход обусловлен тем, что рассматриваемая деятельность даже при сообщении потенциальным вкладчикам о лежащем в ее основе пирамидальном принципе не может осуществляться ее организаторами и участниками с предоставлением вкладчикам информации о том, на каком уровне структуры окажется вкладчик при вступлении в пирамиду, а также сколько других лиц и в каком размере ранее передали имущество, все же неверно судить об обмане по самому факту выстраивания пирамидальной структуры. Вместе с тем справедлив вывод, что на основе указанных сведений вкладчик мог бы оценивать свои риски, судить о возможности исполнения обязательств организаторами пирамидальной схемы и вероятности получения заявленного ими дохода или иной выгоды, что исключало бы порочность волеизъявления при передаче вкладчиками имущества.

Изучение развития уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в Российской Федерации позволило обозначить причины появления самостоятельного уголовно-правового запрета, оценить его современное состояние с учетом изначально заложенной концептуальной проблемы, связанной с неопределенностью предназначения (сферы применения) этого запрета, а также

рассмотреть перспективы совершенствования нормы, закрепленной в ст. 172² УК РФ.

Анализ признаков состава организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, проблем разграничения со смежными преступлениями, позволил на основе изученного теоретического материала и массива судебных решений сформулировать выводы по спорным в науке и правоприменительной практике вопросам.

В диссертации обосновывается, что у организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц существуют как юридический, так и фактический моменты окончания. Преступление является юридически оконченным, когда масштаб организованной деятельности достигает криминообразующего размера, то есть с момента привлечения имущества в крупном (или особо крупном для квалифицированного состава) размере. Фактический момент окончания определяется как совершение последнего из тождественных деяний как признаков объективной стороны продолжаемого преступления, к числу которых относится деяние, предусмотренное ст. 172² УК РФ.

Важным также представляется вывод о том, что, если организация описанной в ст. 172² УК РФ не повлекла привлечение денежных средств и (или) иного имущества в крупном или особо крупном размере, однако умысел лица был направлен на совершение преступления в соответствующем размере, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 172² со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ как покушение на преступление.

Изучение практики применения основных уголовно-правовых средств борьбы с финансовыми пирамидами позволило предложить рекомендации по решению наиболее актуальных квалификационных проблем, а также по совершенствованию самостоятельного уголовно-правового запрета.

В силу многогранности темы сохраняются перспективы для ее дальнейшей разработки. Детального исследования, в частности, заслуживают вопросы

дифференциации ответственности за организацию финансовых пирамид и участие в них, которые не получили подробного освещения в настоящей работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативно-правовые акты Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г.;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 №14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 29 января 1996 г. №5. Ст. 410;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 17 июня 1996 г. №25. Ст. 2954.;
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002 г. №1 (ч. 1). Ст. 1.;
5. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. 1 марта 1999 г. №9. Ст. 1096.;
6. Федеральный закон от 29 декабря 2006 №244-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1 января 2007 г. №1 (1 ч.). Ст. 7.;
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 3 августа 2020 г. №31 (часть I). Ст. 5018.;

8. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15 октября 2019 г.) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 г., №7339) // Российская газета. 25 января 2006 г. №13.;

9. Инструкция Банка России от 29 ноября 2019 г. №199-И (ред. от 6 июня 2023 г.) «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» (зарегистрировано в Минюсте России 27 декабря 2019 г. №57008) // Вестник Банка России. 2020. № 11-12.;

Проекты российских нормативно-правовых актов и сопроводительные документы

10. Проект Федерального закона №447151-8 «О внесении изменений в пункт 6 статьи 807 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

11. Проект Федерального закона № 447146-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации от 19 июня 1992 г. № 3085-1 "О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации" и в Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ "О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг"» // СПС «КонсультантПлюс»;

12. Проект Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, текст по состоянию на 2 июля 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс»;

13. Проект Федерального закона №881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации» (окончательная ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс»;

14. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

15. Пояснительная записка к проекту Федерального закона №881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

16. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 1 июля 2013 г. №3750п-П4 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

17. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. №2-ВС-1765/13 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

18. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2015 г. №3-ВС-3768/15 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

19. Решение Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 12 ноября 2015 г. № 164(4) «О проекте Федерального закона №881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

Нормативно-правовые акты зарубежных стран

20. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП) (ред. от 15 июня 2023 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.;
21. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 9 марта 2023 г.) // Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999 г. № 24. Ст. 420.;
22. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 20 мая 2023 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014 г., июль, № 13 (2662), ст. 83.;
23. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (ред. от 14 июля 2023 г.) // Газета «Эркин Тоо». 2021. № 122-123.;
24. An Ordinance to prohibit certain acts in relation to a pyramid scheme and to provide for related matters [1 January 2012] L.N. 181 of 2011 // URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap617/>;
25. California Penal Code (amended by Stats. 1989, Ch. 436, Sec. 2) // URL: <https://law.justia.com/codes/california/2021/code-pen/part-1/title-9/chapter-9/section-327/>;
26. Canadian Criminal Code, RSC 1985, c C-46 // URL: <https://canlii.ca/t/5624h/>;
27. Federal Trade Commission Act (15 U.S. Code, §§41-58) // URL: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/statutes/federal-trade-commission-act/ftc_act_incorporatingus_safe_web_act.pdf;
28. Mail Fraud defined (18 U.S. Code § 1341) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1341/>;
29. Massachusetts General Laws, chapter 271 // URL: <https://law.justia.com/codes/massachusetts/2022/part-iv/title-i/chapter-271/section-6a/>;
30. Multi-level Distributorships and Pyramid Sales Plans, Securities Act Release № 5211, Exchange Act Release № 9387, 36 Fed. Reg. 23289-91 (Nov. 30, 1971). URL: <https://www.sec.gov/rules/interp/1971/33-5211.pdf>;
31. Oregon Revised Statutes 646.609, «Pyramid club» and «investment» defined // URL: https://oregon.public.law/statutes/ors_646.609/;

32. Securities Act of 1933, 15 U.S.C. §§77a-77aa // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-2A/subchapter-I/>;
33. Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. §§78a-78rr // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-2B/>;
34. Securities and Exchange Commission's Rule 10b-a (17 CFR § 240.10b-5) // URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/17/240.10b-5/>;
35. Texas Business and Commerce Code // URL: <https://law.justia.com/codes/texas/2022/business-and-commerce-code/title-2/chapter-17/subchapter-e/section-17-461/>;
36. Wyoming Multilevel and Pyramid Distributorship Act (WY Stat § 40-3-101 and et.) // URL: <https://law.justia.com/codes/wyoming/2021/title-40/chapter-3/>;

Утратившие силу документы

37. Уголовный кодекс РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. №40. ст. 591.;
38. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. №23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс»;
39. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 29 октября 1963 г. №20/2 (в ред. от 20 декабря 1983 г.) «О судебной практике по делам о спекуляции» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1964. №1.;
40. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. №4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4.;
41. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. №7 «О практике применения судами законодательства по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 4.;

Материалы правоприменительной практики

42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений УК РФ,

регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс»;

43. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. №32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс»;

44. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. №601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова А.А. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 209 УК РФ, ч. 1 ст. 240 и ст. 285 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс»;

45. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1743-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никулиной Е.В. на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

46. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 №2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Т.И. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»;

47. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 ноября 1996 г. по делу «Кантони (Cantoni) против Франции» (жалоба № 17862/91). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58068/>;

48. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 45554/08) // СПС «КонсультантПлюс»;

49. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 января 2015 г. по делу «Рохлена (Rohlana) против Чешской Республики» (жалоба № 59552/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. №1. С. 8.;

50. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. №6 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. №4.;

51. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 №2 (ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. №6.

52. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11 июня 2019 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №5. 2002.;

53. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2.

54. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. №23 (ред. от 7 июля 2015 г.) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. №1;

55. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. №19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс»;

56. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8;

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.;

58. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.;

59. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №2.;

60. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. №56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №2.;

61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.;

62. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. №2.;

63. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. №43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. №1;

64. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. (определение №83-АПУ17-2) // СПС «КонсультантПлюс»;

65. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г. (определение №9-АПУ18-17) // СПС «КонсультантПлюс»;

66. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2000 г. № 445п2000пр // СПС «КонсультантПлюс»;

67. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2003 г. по делу №92-Д02пр-3 // СПС «КонсультантПлюс»;

68. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2018 г. по делу № 117-УД18-5 // СПС «КонсультантПлюс»;

69. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2021 г. №16-УД21-1-А3 // СПС «КонсультантПлюс»;

70. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2022 г. по делу №48-УД22-38-К7 // СПС «КонсультантПлюс»;

71. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2022 г. по делу №45-УД22-62-К7 // СПС «КонсультантПлюс»;

72. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 г. по делу №77-340/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

73. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. по делу № 77-23/2020 // СПС «КонсультантПлюс»;

74. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

75. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29 февраля 2024 г. по делу №77-436/2024 // СПС «КонсультантПлюс»;

76. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 октября 2023 г. по делу №77-2440/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

77. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2023 г. по делу №77-1183/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

78. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2023 г. по делу №77-659/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

79. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. по делу №77-5184/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;

80. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2023 г. по делу №77-418/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;

81. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2021 г. по делу №77-4789/2021 // СПС «КонсультантПлюс»;

82. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. по делу № 77-1500/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;

83. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2020 г. по делу №7У-11985/2020 [77-2545/2020] // СПС «КонсультантПлюс»;

84. Постановление президиума Московского городского суда от 20 февраля 2015 г. по делу №44у-14/2015 // СПС «КонсультантПлюс»;
85. Постановление Московского городского суда от 24 мая 2019 г. по делу №4у-2168/2019 // СПС «КонсультантПлюс»;
86. Постановление президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 5 июля 2017 г. по делу № 44у–127/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
87. Постановление президиума Севастопольского городского суда от 24 января 2018 г. по делу №44у-3/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
88. Постановление президиума Белгородского областного суда от 26 октября 2016 г. по делу № 4У-492/2016 // СПС «КонсультантПлюс»;
89. Постановление президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 5 июля 2017 г. по делу №4У-902/2017 [44У-127/2017] // ГАС РФ «Правосудие»;
90. Постановление президиума Красноярского краевого суда от 28 февраля 2012 г. по делу №44У-188/2012 // СПС «КонсультантПлюс»;
91. Постановление президиума Самарского областного суда от 29 июня 2018 г. по делу №44У-186/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
92. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 января 2020 г. по делу № 33-1963/2020 // СПС «КонсультантПлюс»;
93. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 12 мая 2022 г. по делу № 22-690/2022 // ГАС РФ «Правосудие»;
94. Апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 19 июля 2017 г. по делу №33-3504/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
95. Апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики от 30 августа 2017 г. по делу №22-2004/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
96. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 22-2271/2018 // ГАС РФ «Правосудие»;
97. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 15 августа 2022 г. по делу №22-1434/2022 // ГАС РФ «Правосудие»;
98. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 4 июля 2018 г. по делу № 22-1905/2018 // ГАС РФ «Правосудие»;

99. Апелляционное определение Костромского областного суда от 9 октября 2018 г. по делу № 22-864/2018 // ГАС РФ «Правосудие»;
100. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 ноября 2018 г. по делу №33-16812/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
101. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 22 марта 2021 г. по делу №22-233/2021 // СПС «КонсультантПлюс»;
102. Апелляционное определение Московского городского суда от 27 мая 2021 г. по делу №10-4736/2021 // СПС «КонсультантПлюс»;
103. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2023 г. по делу №10-13307/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
104. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июля 2023 г. по делу №10-9128/2023 // СПС «КонсультантПлюс»;
105. Апелляционный приговор Московского городского суда от 19 августа 2020 г. по делу №10-13705/2020 // СПС «КонсультантПлюс»;
106. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 мая 2016 г. по делу №10-5830/2016 // СПС «КонсультантПлюс»;
107. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24 мая 2021 г. по делу №22-2733/2021 // СПС «КонсультантПлюс»;
108. Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 21 марта 2022 г. по делу №22-114/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;
109. Апелляционное определение Курганского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу №22-634/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
110. Апелляционное определение Московского городского суда от 5 июня 2020 г. по делу №10-2288/2020 // ГАС РФ «Правосудие»;
111. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 3 апреля 2017 г. по делу №22-1798/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
112. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 24 апреля 2019 г. по делу №22-352/2019 // ГАС РФ «Правосудие»;
113. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 8 августа 2018 г. по делу № 22-818/2018 // ГАС РФ «Правосудие»;

114. Апелляционное определение Самарского областного суда от 1 декабря 2017 г. по делу № 22-7376/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
115. Апелляционное определение Самарского областного суда от 13 октября 2017 г. по делу №22-6047/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
116. Апелляционное определение Самарского областного суда от 24 апреля 2017 г. по делу № 22-2268/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
117. Апелляционное определение Самарского областного суда от 28 июня 2017 г. по делу №22-3531/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
118. Апелляционное определение Самарского областного суда от 5 апреля 2017 г. по делу № 22-766/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
119. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 апреля 2016 г. по делу №33-6385/2016 // ГАС РФ «Правосудие»;
120. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11 августа 2021 г. по делу №22-1214/2021 // ГАС РФ «Правосудие»;
121. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 10 июня 2020 г. по делу № 10-1128/2020 // ГАС РФ «Правосудие»;
122. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 31 мая 2017 г. по делу №10-1269/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bvf5xHvDV2mX/>;
123. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 ноября 2016 г. по делу № 10-5261/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KSOBLNiiZC6l/>;
124. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 5 апреля 2016 г. по делу №22-1388/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MvB4wnLmbZox/>;
125. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2014 г. по делу №10-7922/2014 // СПС «КонсультантПлюс»;
126. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 10 августа 2023 г. по делу № 22-2988/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C7cR2vA43NVw/>;

127. Апелляционное постановление Челябинского областного суда 8 июня 2021 г. по делу № 10-2631/2021 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DhshKTewvfb/>;
128. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 25 августа 2020 г. по делу № 22-4705/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/llDwC85DHvLn/>;
129. Апелляционное определение Московского городского суда от 3 июля 2018 г. по делу № 10-8822/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
130. Справка Московского областного суда от 9 октября 2002 г. «По результатам рассмотрения судами Московской области в 2000 г. и в первом полугодии 2001 г. уголовных дел в сфере экономики» // СПС «КонсультантПлюс»;
131. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 19 апреля 2017 г. по делу № 1-4/2017 (1-590/2016) // ГАС РФ «Правосудие»;
132. Приговор Иркутского областного суда от 21 февраля 2018 г. по делу № 2-9/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/F0AnJRtpnOHO/>;
133. Приговор Иркутского областного суда от 28 декабря 2017 г. по делу № 2-23/2017 // СПС «КонсультантПлюс»;
134. Приговор Кировского районного суда г. Самары по делу №1-191/2016 // ГАС РФ «Правосудие»;
135. Приговор Кировского районного суда г. Ярославля от 27 октября 2020 г. по делу №1-6/2020 (1-138/2019) // ГАС РФ «Правосудие»;
136. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 21 ноября 2019 г. по делу №1-146/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QATtjg1FjaHh/>;
137. Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 1 июня 2017 г. по делу №1-45/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
138. Приговор Трехгорного городского суда Челябинской области от 15 февраля 2017 г. по делу №1-15/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;
139. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 3 июня 2016 г. по делу №1-131/2016 // ГАС РФ «Правосудие»;
140. Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 16 марта 2022 г. по делу №1-48/2022 // ГАС РФ «Правосудие»;

141. Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 27 октября 2022 г. №09АП-64741/2022 // СПС «КонсультантПлюс»;

142. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 26 октября 2022 г. по делу № А40-282116/21 // СПС «КонсультантПлюс»;

143. Решение Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2020 г. по делу №2-1320/2020 // ГАС РФ «Правосудие»;

144. Решение Златоустовского городского суда Челябинской области от 10 октября 2017 г. по делу №2-2182/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;

145. Постановление мирового судьи судебного участка №46 г. Кургана Курганской области от 31 мая 2017 г. по делу №5-557/2017 // ГАС РФ «Правосудие»;

146. Постановление судебной коллегии по уголовным делам Восточно-Казахстанского областного суда от 5 декабря 2018 г. по делу №1А-499-18 // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>;

147. Постановление судебной коллегии по уголовным делам Алматинского областного суда от 12 октября 2021 г. по делу №1999-21-00-1а/451. URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>;

148. Приговор Алматинского районного суда г. Алматы от 12 октября 2017 г. по делу №7511-16-00-1/635 // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>;

149. Приговор районного суда №2 г. Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области от 27 ноября 2019 г. по делу №1-384 (в отношении Иринина В.В.) // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>;

150. Приговор районного суда №2 г. Актобе Актюбинской области от 8 апреля 2021 г. по делу № 1511-20-00-1/366 (в отношении Жаксыбаева К.А. и др.) // URL: <https://office.sud.kz/courtActs/index.xhtml>

151. «4finance» UAB ECLI:EU:2014:211, preliminary ruling as of 3 April 2014 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A62012CJ0515/>;

152. Amway Corporation, Inc., 93 F.T.C. 618 (1979);

153. *Bell v. Health-Mor Inc.*, 549 F.2d 342 (5th Cir., 1977) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c5ccadd7b049347d6b6b/>;
154. *Blachly v. United States*, 380 F.2d 665, 5th Cir. (1967) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149a02add7b0493461ddc8/>;
155. *Blue Chip Stamps v. Manor Drug Stores*, 421 U.S. 723 (1975) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/421/723/>;
156. *Braddock v. Family Fin. Corp.*, 95 Idaho 256, 258 (1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914972badd7b049345eeb78/>;
157. *Chas. A. Brewer and Sons v. FTC*, 158 F.2d 74 (6th Cir., 1946) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/158/74/1473438/>;
158. *Commonwealth v. Allen*, 404 S.W.2d 464 (1966) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149a74add7b0493462517a/>;
159. *Commonwealth v. Lake*, 317 Mass. 264, 57 N.E.2d 923 (1944) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914a221add7b04934693ab5/>;
160. *Commonwealth v. Laniewski*, 173 Pa. Super. 245, 98 A.2d 215 (1953) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149fe0add7b049346708c8/>;
161. *Commonwealth v. Plissner*, 295 Mass. 457, 4 N.E.2d 241 (1936) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914a475add7b049346b9de4/>;
162. *Commonwealth v. Stewart-Johnson*, 78 Mass. App. Ct. 592 (2011) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914afa2add7b0493474def0/>;
163. *Cunningham v. Brown*, 265 U.S. 1 (1924) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/265/1/>;
164. *Dockstader v. State*, 233 S.W.3d 98 (2007) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b3b7add7b04934767f90/>;
165. *Durland v. United States*, 161 U.S. 306 (1896) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/161/306/>;
166. *Fabian v. United States*, 358 F.2d 187 (8th Cir. 1966) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c876add7b049347ea6de/>;
167. *FTC v. R. F. Keppel & Bro., Inc.*, 291 U.S. 304 (1934) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/291/304/>;

168. FTC v. Universal-Rundle Corp., 387 U.S. 244 (1967) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/387/244/>;
169. Ger-Ro-Mar, Inc. v. FTC, 518 F.2d 33 (2d Cir. 1975) // URL: <https://casetext.com/case/ger-ro-mar-inc-v-f-t-c/>;
170. Ger-Ro-Mar, Inc., 84 F.T.C. 95 (1974);
171. Holiday Magic, Inc., 84 F.T.C. 748 (1974);
172. King v. State, 174 S.W.3d 796 (2005) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b5cfadd7b04934775161/>;
173. Koscot Interplanetary, Inc., 86 F.T.C. 1106 (1975);
174. Lashbrook v. State, 550 N.E.2d 772 (Ind. Ct. App. 1990) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591489f6add7b0493450a979/>;
175. Lashbrook v. State, 550 N.E.2d 772 (Ind. Ct. App. 1990) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591489f6add7b0493450a979/>;
176. Marco Sales Company v. FTC, 453 F.2d 1 (2d Cir. 1971) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c740add7b049347e1388/>;
177. Modernistic Candies, Inc., et al. v. FTC, 145 F.2d 454 (7th Cir. 1944) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/145/454/1476024/>;
178. Moog Industries, Inc. v. FTC, 355 U.S. 411 (1958) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/355/411/>;
179. Morrow v. State, 511 P.2d 127 (Alaska 1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591496feadd7b049345eb353/>;
180. Neder v. United States, 527 U.S. 1 (1999) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/527/1/>;
181. Ney v. Blaney, docket № CIV S-08-0193 FCD DAD P. (Cal. 2008) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59146bc0add7b049343030d9/>;
182. Nielsen v. Myers, 193 Or. App. 388, 90 P.3d 628 (2004) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914775cadd7b049343d2684/>;
183. People v. Frederick, 142 Cal.App.4th 400, 48 Cal.Rptr.3d 583 (2006) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b4e8add7b0493476f4be/>;

184. *People v. Sanchez*, 62 Cal.App.4th 460, 72 Cal. Rptr. 2d 782 (1998) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bbd5add7b04934798cfb/>;
185. *People v. Sweeney*, 228 Cal.App.4th 142, 175 Cal.Rptr.3d 31 (2014) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914fa73add7b049349a82b3/>;
186. *Pollett & Ors v. R.*, EWCA Crim. 395 (2013) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff71160d03e7f57ea7105/>;
187. *Public Clearing House v. Coyne*, 194 U.S. 497 (1904) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914cf0cadd7b0493481ea90/>;
188. *R. v. Friskie*, 2003 SKCA 72 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/569s>;
189. *R. v. Johnson*, 2010 ABCA 392 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/2dz2h/>;
190. *R. v. Kallakis & Anor*, EWCA Crim. 709 (2013) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7a160d03e7f57eb07db/>;
191. *R. v. Schoer*, 2019 ONCA 105 (CanLII) // URL: <https://canlii.ca/t/hxl82/>;
192. *SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc.*, 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c6f8add7b049347df2ff/>;
193. *SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc.*, 348 F. Supp. 766 (D. Or. 1972) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/348/766/2010413/>;
194. *SEC v. W.J. Howey & Co.*, 328 U.S. 293 (1946) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/>;
195. *Solon v. Meuer*, 141 Misc.2d 993, 539 N.Y.S.2d 241 (1987) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148c22add7b0493452d63a/>;
196. *State v. Bey*, 261 N.J. Super. 182, 618 A.2d 373 (1992) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591486e9add7b049344dcec6/>;
197. *State v. Dahlk*, 111 Wis.2d 287, 330 N.W.2d 611 (1983) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3bdadd7b049347c8db6/>;
198. *State v. Hawaii Market Center, Inc.*, 52 Haw. 642, 485 P.2d 105 (1971) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c761add7b049347e2327/>;
199. *State v. Lycett*, 133 Ariz. 185, 650 P.2d 487 (1982) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3eaadd7b049347ca0b0/>;

200. State v. Steever, 103 N.J. Super. 149, 246 A.2d 743 (1968) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914997dadd7b04934615052/>;

201. Torres v. S.G.E. Management, L.L.C., Stream Gas & Electric, L.T.D, 838 F.3d 629 (5th Cir. 2016) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914ac6badd7b0493473d229/>;

202. United States v. Clevenger, 733 F.2d 1356 (9th Cir. 1984) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148f44add7b0493456239d/>;

203. United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472 (6th Cir. 1999) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914bb21add7b04934794c4b/>;

204. United States v. Pust, 798 F.3d 597 (7th Cir. 2015) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59145db6add7b049341fd01b/>;

205. United States v. Treadwell, 593 F.3d 990 (9th Cir. 2010) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914b0e6add7b04934755c00/>;

206. United States v. Weimert, 819 F.3d 351, 355 (7th Cir. 2016) // URL: <https://casetext.com/case/united-states-v-weimert-1/>;

207. Webster v. Omnitrition International, Inc., 79 F.3d 776 (9th Cir. 1996) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59148344add7b049344a44ab/>;

208. Zebelman v. Unites States, 339 F.2d 484 (10th Cir., 1964) // URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/59149b20add7b0493463017d/>;

Монографии, учебники, учебные пособия

209. Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 124 с.;

210. Антюшин С.С., Михалкин Н.В. Логика: Учебное пособие. – М.: РАП, 2013. 244 с.;

211. Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. М.: ИГ «Юрист», 2003. 117 с.;

212. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. 773 с.;

213. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М.: Юрид. лит., 1971. 168 с.;
214. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск: Ом. акад. МВД России, 2001. 254 с.;
215. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 641 с.;
216. Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., Проспект, 2022. 368 с.;
217. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. 243 с.;
218. Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019. 144 с.;
219. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.;
220. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юрид. лит., 1972. 264 с.;
221. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: Норма - Инфра-М, 2015. 288 с.;
222. Караев Т.Э. Повторность преступлений. М.: Юрид. лит., 1983. 104 с.;
223. Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. 73 с.;
224. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект. 2021. 983 с.;
225. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 570 с.;
226. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. 371 с.;

227. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.;
228. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 353 с.;
229. Коренная А.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебник // Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. 466 с.;
230. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М.: Юрид. лит., 1974. 336 с.;
231. Крылова Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова; под общ. ред. д.ю.н. Н.Е. Крыловой; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юрид. ф-т. – М.: Статут, 2019. 351 с.;
232. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: «Госюриздат», 1963. 324 с.;
233. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. 336 с.;
234. Кулагин А.Н., Ображиев К.В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации: Монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 152 с.;
235. Курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 624 с.;
236. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.;
237. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 345.

238. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 2. -М.: Юрлитинформ, 2022. 448.;
239. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: БЕК, 1996. 560 с.;
240. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 2004. 496 с.;
241. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / А.А. Гравина, О.А. Зайцев, М.Г. Жилкин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 400 с.;
242. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание. В 5-ти томах. Т. 1 / Под ред.: Коробеев А.И. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 1133 с.;
243. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: ООО «Профобразование», 2001. 134 с.;
244. Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ): методические рекомендации / В. В. Улейчик, Л. В. Яковлева, Е. И. Майорова, В. А. Рязанцев. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 64 с.;
245. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. М.: «Юридический центр», 2004. 326 с.;
246. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, Е.В. Горенская и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. 284 с.;
247. Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. - М.: Норма, 2005. 592 с.;
248. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИДК Зерцало-М, 2005. 456 с.;

249. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций [Электронный ресурс] / С. Н. Сноп. Гродно: ГрГУ, 2012. URL: <https://elib.grsu.by/doc/11978/>;

250. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. 560 с.;

251. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Гладких, А. К. Есяяна. М.: Юрайт, 2020. 322 с.;

252. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. – Москва: Проспект, 2021. 648 с.;

253. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. 208 с.;

Статьи в периодических изданиях

254. Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Террористическая организация и формы соучастия в преступлении: вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. №6. С. 3-8;

255. Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2. С. 35-43;

256. Антонов В.Ф. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества: вопросы квалификации // Безопасность бизнеса. 2020. № 5. С. 21-25;

257. Архипов А.В. Цифровые объекты как предмет хищения // Уголовное право. 2020. №6. С. 16-23;

258. Архипов А.В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 13-19;

259. Архипов А.В. Момент окончания хищения // Уголовное право. 2018. № 4. С. 20-24;

260. Архипов А.В. Ущерб как признак хищения // Уголовное право. 2023. №11. С. 3-94

261. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. №11. С. 21-19;
262. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах // Уголовное право. 2006. № 1. С. 7-10;
263. Бажанов С.В. Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности // Российская юстиция. 2017. №9. С. 21-23;
264. Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 82-90;
265. Безверхов А.Г. Некоторые вопросы квалификации мошенничества // Уголовное право. 2008. №2. С. 4-9;
266. Белицкий В.Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С. 80-84;
267. Белицкий В.Ю. Формирование понятия мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 73-76;
268. Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 71-87;
269. Быков А.В. К вопросу о субъективной стороне организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10 (ч. 3). С. 301-307;
270. Винокуров В.Н. Объект преступления и неоконченное преступление: конструирование норм Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. №3. С. 97-101;
271. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления: вопросы конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности преступлений // Современное право. 2019. № 3. С. 106-112;

272. Вишнякова Н.В. Отграничение продолжаемых хищений чужого имущества от совокупности преступлений // Законодательство и практика. 2013. № 1. С. 28-32;
273. Гладких В.И. Проблемы уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. С. 42-47;
274. Горловская И.Г., Гимадиева И.И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика, 2011. № 3. С. 166-171;
275. Димитриади Г.Г. Детерминированный подход к описанию финансовых пирамид: цели Организатора финансовой пирамиды // Электронный журнал «Исследовано в России». 2003. С. 2117-2124;
276. Долгиева М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестник Томского государственного университета. 2022. №479. С. 247-251;
277. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 3. С. 79-88;
278. Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. 1990. №12. С. 50-56
279. Зарубин А.В. Проблемы квалификации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е. Н. Рахманова. 2018. Издательство: ИД «Петрополис». С. 159-165;
280. Зубцов А.А. Кража с банковского счета: отграничение единого продолжаемого хищения от совокупности преступлений // Законодательство. 2022. № 6. С. 59-67;
281. Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): к вопросу о наличии идеальной совокупности с мошенничеством // Уголовное право. 2022. №12. С. 21-31;

282. Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): проблемы отграничения от хищения // Российская юстиция. 2022. № 11. С. 59-66;
283. Зубцов А.А. Мошенничество посредством образования финансовой пирамиды: продолжаемое хищение или совокупность преступлений? // Уголовное право. 2023. № 5. С. 27-41;
284. Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ): нужна ли была криминализация? // Законодательство. 2023. №11. СПС «Гарант»;
285. Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления-способа // Законность. №12. 2017. С. 28-32;
286. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2016. № 4. С. 35-40;
287. Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. №6. С. 6-14;
288. Кулагин А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №3 (33). С. 53-58;
289. Курбанова Д.Н. Финансовые пирамиды как вид мошенничества // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2013. № 2. С. 137-140.
290. Курина М.С. Проблема привлечения к уголовной ответственности за создание или организацию финансовых пирамид // Право: современные тенденции: Материалы II международной научной конференции (г. Уфа, апрель 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 111-113.
291. Лаптева Е.В. Финансовая пирамида: феномен и исторические прецеденты // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 25-31.

292. Ляскало А.Н. Уголовная ответственность за незаконные операции по обналичиванию и транзиту денежных средств // Российский следователь. 2014. №17. С. 23-28;
293. Ляскало А.Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества // Уголовное право. 2017. №1. С. 67-75;
294. Ляскало А.Н. Уголовно-правовая защита коллективных инвестиций // Уголовное право. 2021. №6. С. 28-38;
295. Маркунцов С.А. Особенности толкования бланкетных признаков статьи 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» // Правовое регулирование. 2005. №6(78). С. 30-36;
296. Маслакова Е.А. Проблемы квалификации бандитизма в судебной и следственной практике // Ученые записки Орловского государственного университета. №4 (60). 2014. С. 239-242;
297. Медиков Е.В., Ростокин А.В. Международные аспекты борьбы с финансовыми пирамидами // Образование и право. 2021. №1. С. 155-159;
298. Мосякина И.К. О недостатках конструкции статьи 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 2019. №6. С. 98-105.
299. Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. №3. С. 59-70;
300. Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. №2. С. 71-87;
301. Ображиев К.В. Неопределенный (неконкретизированный) умысел: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2023. №7. С. 25-424
302. Проценко С.В. О приготовлении к преступлению // Российский следователь. 2012. № 10. С. 26-29;
303. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. №1(8). С. 6-10;

304. Пшеничников В.В., Анжу А.А. Параметры идентификации типичных признаков финансовых пирамид на основе инструментов фрактальной геометрии // *π-Economy*. 2018. №1. С. 154-167;

305. Расторопов С.В., Харьков А.В. К вопросу определения объективной стороны преступления в деятельности «финансовых пирамид» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №4. С. 138-142;

306. Рогова Е.В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №5. С. 172-178;

307. Ружанская Н.В., Юхтанов А.Е. Математическая экспертиза деятельности финансовой пирамиды: прикладные аспекты // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. №2. С. 234-246;

308. Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 11-12;

309. Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого хищения // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 278-283;

310. Склярлов С.В. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2002. №10. С. 47-48;

311. Соловьев И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник - Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 9. С. 69-73;

312. Степанов П.П. К вопросу о единстве объекта посягательства в различных эпизодах единого продолжаемого мошенничества // Уголовное право. 2021. № 3. С. 39-49;

313. Тюнин В.И. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Том 9. № 1(33). 2018. С. 278-283;

314. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Уголовное право. 1999. №1;

315. Феоктистов М.В. Совокупности нет, гражданский иск подлежит удовлетворению // Уголовное право. 2005. № 4. С. 142-144;
316. Феоктистов Н.М., Комаров А.В. Финансовые пирамиды Старой и Новой России // Economics. 2016. №9 (18). С. 77-84;
317. Филатова М.А. Проблемы установления размера и ущерба при квалификации посягательства на цифровую валюту // Уголовное право. 2022. №1. С. 65-72;
318. Фролов М.Д. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Адвокат. 2016. №6. С. 53-58;
319. Харьков А.В. Непосредственный объект преступного посягательства по ст. 172.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №4. С. 174-176;
320. Хилюта В.В. Можно ли хищение совершить с косвенным умыслом? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6. С. 120-129;
321. Хилюта В.В. Мошеннический обман в теории уголовного права и руководящих разъяснениях высших судебных инстанций // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 2(33). С. 30-34;
322. Хилюта В.В. Признаки мошеннического обмана в теории и практике уголовного закона // Всероссийский криминологический журнал. 2009. №2. С. 13-21;
323. Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Квалификация действий застройщика в сфере долевого строительства // Уголовное право. 2022. №10. С. 41-55;
324. Чернова В.В. Экономическая безопасность Российской Федерации: противодействие «финансовым пирамидам» // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №1. С. 120-123;
325. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. №3. С. 85-91;
326. Яни П. С. Понятие хищения – конституционно // Закон. №1. 2011. С. 43-51;
327. Яни П.С. Вопросы квалификации хищения безналичных средств // Законность. 2022. №1. С. 46-50;
328. Яни П.С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 2. С. 23-27;

329. Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. №4. С. 14-20;
330. Яни П.С. Противоправность как признак хищения // Законность. 2014. №6. С. 22-26;
331. Яни П.С. Размер хищения // Законность. 2016. № 11. С. 37-42;
332. Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. №11. С. 39-50;
333. Яни П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 14–15 сентября 2007 г. – Н. Новгород, 2008 // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С. 258-259;
334. Яни П.С. Ущерб собственнику при фальшивомонетничестве: совокупность с мошенничеством, гражданский иск // Уголовное право. 2005. № 4. С. 135-139;
335. Яни П.С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017. № 6. С. 25-30;
336. Яни П.С. Вопросы соучастия: взгляды профессора Комиссарова (к юбилею ученого) // Законность. 2023. №11. С. 21-24;
337. Яни П.С. Преступное нарушение обязанности как признак специального субъекта // Законность. 2023. №8. С. 35-40;
338. Яни П.С. Соотношение размера хищения и суммы гражданского иска по уголовному делу // Законность. 2020. №7. С. 32-36;
339. Яни П.С., Филатова М.А. Мошенничество и сделка // Российская юстиция. 2018. №3. С. 11-15;
340. Dodge Douglas C. Referral Sales Contracts: To Alter Or Abolish? // Buffalo Law Review. 1966. Vol. 15. № 3. P. 669-697;
341. Heidi H. Liu. The Behavioral Economics of Multilevel Marketing // Hastings Business Law Journal. 2018. №14(1). P. 109-138;

342. Hock B., Button M. Non-Ideal Victims or Offenders? The Curious Case of Pyramid Scheme Participants // Victims & Offenders. 2023. №18. URL: <https://doi.org/10.1080/15564886.2023.2186996/>.

343. Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud // Fordham Law Review. 2020. Vol. 88. P. 2045-2083;

344. Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Price of Inadequate Regulatory Responses: A Comparative Account of the Diverging Regulatory Responses of China, Europe and the United States // Texas Tech Business and Bankruptcy Law Journal. 2019. №5. P. 19-58;

345. Tajti T. Pyramid and Ponzi Schemes and the Repercussions of the Differing Regulatory Approaches Hungarian Developments in the Light of Contemporary Global Trends // Hungarian Journal of Legal Studies. 2021. №62. P. 24-74.

346. Tajti T. Multi-Level Marketing and Pyramid Schemes // Protection of the Collective Interests of Consumers - Collection of Conference Papers, Editor: Prof. Katarina Ivančević, Publisher: UNION University Law School, Belgrade, Serbia, 2021. P. 46-66.

347. Witiw E. Selling the Right to Sell the Same Right to Sell: Applying the Consumer Fraud Act, the Uniform Securities Law and the Criminal Code to Pyramid Schemes // Seton Hall Law Review. 1996. Vol. 26, Iss. 4. P. 1635-1652.

Диссертации

348. Белицкий В.Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 / Белицкий Владислав Юрьевич – Барнаул, 2008. – 239 с.;

349. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Борков Виктор Николаевич – Омск. 2015. – 405 с.;

350. Зубарева А.М. Механизм противодействия теневой экономической деятельности, совершаемой с использованием финансовых пирамид: автореф.

дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Зубарева Анастасия Михайловна – СПб. 2017. – 168 с.;

351. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кочои Самвел Мамадович – М., 1999. – 343 с.;

352. Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кулагин Андрей Николаевич – М., 2017. – 208 с.;

353. Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ляскало Алексей Николаевич – М., 2022. – 650 с.;

354. Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Мазур Сергей Филиппович – М., 2004. – 725 с.;

355. Мысловский Е.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы современных нетрадиционных форм мошенничества: на примере «финансовых пирамид» «МММ», «Русский дом селенга», «Тибет», «Хопер»: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Мысловский Евгений Николаевич – Елец, 2003. – 305 с.;

Иные источники

356. Статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме №10-а // URL: <http://www.cdep.ru/>;

357. Годовой отчет Банка России за 2021 г., утв. Советом директоров Банка России 8 апреля 2022 г. // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf/;

358. Годовой отчет Банка России за 2022 г., утв. Советом директоров Банка России 28 марта 2023 г. // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43872/ar_2022.pdf/;

359. В Госдуме предлагают конфискацию имущества и до 12 лет тюрьмы за создание финансовых пирамид // Интерфакс, 13 апреля 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895883/>;

360. В отношении создателей MMM-2011 возбудили уголовное дело // Российская газета, 7 июня 2012 г. URL: <https://rg.ru/2012/06/07/delo-anons.html/>;

361. В России могут запретить финансовые пирамиды // Парламентская газета, 13 ноября 2015 г.. URL: <https://www.pnp.ru/economics/2015/11/13/v-rossii-mogut-zapretit-finansovye-piramidy.html/>;

362. В России серьезно ужесточат наказание за создание преступных финансовых схем // Российская газета, 4 апреля 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/piramidy-ne-ustoiat.html/>;

363. Воронов К. В MMM-2011 состава не нашли // Коммерсантъ, 16 января 2013 г.. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2105493/>;

364. Генпрокуратура возбудила уголовное дело о мошенничестве в проекте MMM-2011 // РБК, 7 июня 2012 г. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/07/06/2012/55929be49a794719538c437c/;

365. Гуцул Д. Оснований для возбуждения уголовного дела против Мавроди нет – адвокат // РАПСИ, 7 июня 2012 г. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20120607/263358049.html/;

366. Загорский А. Пирамиды приманивают инвестиции // Коммерсантъ, 19 февраля 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5227430/>;

367. Меркин Г. Finiko мирового масштаба // Коммерсантъ, 10 сентября 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4984627/>;

368. Рушайло П. Жертвы жадности // Коммерсантъ, 30 сентября 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4985953/>;

369. Сергеев Н. Сергей Мавроди снова оказался под следствием // Коммерсантъ, 11 мая 2012 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1931490/>;

370. Смирнов Г. Зачем Уголовному кодексу статья о финансовых пирамидах // Интернет-портал «ПРАВО.RU», 12 ноября 2012 г. URL: <https://pravo.ru/review/face/view/79658/>;

371. ФАС в СМИ: первая жертва MMM-2011 // Официальный сайт ФАС России, 24 января 2011 г. URL: <https://fas.gov.ru/publications/12133/>;

372. ЦБ разрешит привлекать инвестиции населения только финансовым организациям // Интерфакс, 6 апреля 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/894766/>;

373. Чехов А.П. Дело Рыкова и комп.: от нашего корреспондента // Петербургская газета, 1884, №№ 324-338, 340. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Дело_Рыкова_и_комп._\(Чехов\)/](https://ru.wikisource.org/wiki/Дело_Рыкова_и_комп._(Чехов)/);

374. Шелудченко С. ЦБ оценил потери россиян от вложений в пирамиды в 6 млрд рублей // Ведомости. 9 февраля 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/02/09/962374-poteri-rossiyan-ot-vlozhenii-v-piramidi/>;

375. Экспертный совет при ФАС России: схема «МММ-2011» - финансовая пирамида // Официальный сайт ФАС России, 21 января 2011 г. URL: <https://fas.gov.ru/news/10420/>;

376. Eveleth R. The No. 1 Ladies' Defrauding Agency // Longreads, 2 Jul. 2019. URL: <https://longreads.com/2019/07/02/the-no-1-ladies-defrauding-agency/>.

377. Skarda, Erin. William Miller, the Original Schemer. Top 10 Swindlers // Time Inc., 7 Mar. 2012.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**«Результаты анкетирования»****1. Текст анкеты**

Вопрос 1. Являлось ли целесообразным введение в 2016 г. нормы, предусматривающей уголовную ответственность за организацию финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ)?

Варианты ответа:

1) Не являлось, поскольку подобные действия охватывались нормами о хищении, привычных уголовно-правовых инструментов было достаточно;

2) Являлось, поскольку нормой охватывается также организация финансовых пирамид, которые основываются не на обмане вкладчиков, а на предоставлении соответствующей действительности информации о том, что выплаты предыдущим вкладчикам осуществляются за счёт средств новых вкладчиков.

Вопрос 2. Распространены ли финансовые пирамиды, которые основываются на предоставлении вкладчикам реальной информации о деятельности такой организации?

Варианты ответа:

1) Распространены;

2) Не распространены, встречаются на практике редко;

3) Случаи организации подобных финансовых пирамид единичны.

Вопрос 3. Обладает ли общественной опасностью организация финансовой пирамиды, в которой до сведения вкладчиков доводится информация о предоставлении имущественной выгоды одним лицам за счет активов, привлеченных от других?

Варианты ответа:

1) Обладает;

2) Не обладает, поскольку в таком случае вкладчики способны оценить риск собственных действий по передаче денег и (или) иного имущества.

Вопрос 4. На какие интересы в первую очередь посягает преступление, предусмотренное ст. 172² УК РФ?

Варианты ответа:

- 1) На имущественные интересы граждан и организаций;
- 2) На публичные экономические интересы, состоящие в стабильности предпринимательской, инвестиционной и иной законной экономической деятельности;
- 3) Указать свой вариант _____.

Вопрос 5. Охватывается ли деянием, предусмотренным ст. 172² УК РФ, осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества?

Варианты ответа:

- 1) нет, нормой охватывается только организация, то есть действия связанные с образованием финансовой пирамиды, которая имеет цель привлечь денежные средства и (или) иное имущество в крупном или особо крупном размере;
- 2) охватывается, поскольку под организацией в рамках ст. 172² УК РФ следует понимать не только образование финансовой пирамиды, но и обеспечение ее дальнейшего функционирования с привлечением денежных средств и (или) иного имущества в крупном или особо крупном размере.

Вопрос 6. Охватывается ли термином «имущество» в рамках ст. 172² УК РФ упомянутое в норме об ответственности за мошенничество право на имущество?

Варианты ответа:

- 1) Охватывается;
- 2) Не охватывается.

Вопрос 7. Как следует рассчитывать размерные признаки преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ?

Варианты ответа:

1) персонифицировано, т.е. сумма денежных средств или стоимость привлеченного имущества хотя бы одного вкладчика должна образовывать крупный или особо крупный размер;

2) путём суммирования суммы денежных средств или стоимости привлеченного имущества всех вкладчиков.

Вопрос 8. В чем заключается предназначение нормы, криминализирующей организацию финансовых пирамид?

Варианты ответа:

1) предусмотренное ст. 172² УК РФ преступление должно вменяться по совокупности с хищением для усиления ответственности организаторов финансовых пирамид;

2) норма, предусмотренная ст. 172² УК РФ, является специальным случаем мошенничества;

3) ст. 172² УК РФ криминализована организация "не обманных" финансовых пирамид, в том случае, когда происходит хищение, способом которого выступает организация финансовой пирамиды, основанной на обмане вкладчиков, содеянное охватывается мошенничеством.

2. Результаты анкетирования

Опрос проводился автором исследования в ходе подготовки к участию в V Всероссийском онлайн-семинаре по актуальным вопросам экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений экономической направленности в условиях цифровой трансформации (совершенных организациями финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид»), который проводился 27 октября 2021 г. на базе Академии управления МВД России (г. Москва).

В опросе приняли участие 107 сотрудников Банка России из различных структурных подразделений (департамента противодействия недобросовестным практикам, департамента безопасности, департамента микрофинансового рынка, юридического департамента), а также территориальных учреждений, которые при

выполнении служебных обязанностей занимались вопросами противодействия финансовым пирамидам. Из числа опрошенных у 56,3 % имеется высшее экономическое образование, у 36,9 % - высшее юридическое образование; у 6,8 % - высшее техническое образование. Результаты опроса представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Вопросы	Ответы сотрудников Банка России (в %)
Вопрос 1. Являлось ли целесообразным введение в 2016 г. нормы, предусматривающей уголовную ответственность за организацию финансовых пирамид (ст. 172 ² УК РФ)?	(1) Не являлось, поскольку подобные действия охватывались нормами о хищении, привычных уголовно-правовых инструментов было достаточно – 12,1
	(2) Являлось, поскольку нормой охватывается также организация финансовых пирамид, которые основываются не на обмане вкладчиков, а на предоставлении соответствующей действительности информации о том, что выплаты предыдущим вкладчикам осуществляются за счёт средств новых вкладчиков – 87,9
Вопрос 2. Распространены ли финансовые пирамиды, которые основываются на предоставлении вкладчикам реальной информации о деятельности такой организации?	(1) Распространены – 19,6
	(2) Не распространены, встречаются на практике редко – 45,8
	(3) Случаи организации подобных финансовых пирамид единичны – 34,6
Вопрос 3. Обладает ли общественной опасностью организация финансовой пирамиды, в которой до сведения вкладчиков доводится информация о предоставлении имущественной выгоды одним лицам за счет активов, привлеченных от других?	(1) Обладает – 80,4
	(2) Не обладает, поскольку в таком случае вкладчики способны оценить риск собственных действий по передаче денег и (или) иного имущества – 19,6
Вопрос 4. На какие интересы в первую очередь посягает	(1) На имущественные интересы граждан и организаций – 65,4

преступление, предусмотренное ст. 172 ² УК РФ?	(2) На публичные экономические интересы, состоящие в стабильности предпринимательской, инвестиционной и иной законной экономической деятельности - 29
	(3) Свой вариант: оба варианта верны – 5,6
Вопрос 5. Охватывается ли деянием, предусмотренным ст. 172 ² УК РФ, осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества?	(1) нет, нормой охватывается только организация, то есть действия связанные с образованием финансовой пирамиды, которая имеет цель привлечь денежные средства и (или) иное имущество в крупном или особо крупном размере – 34,6
	(2) охватывается, поскольку под организацией в рамках ст. 172 ² УК РФ следует понимать не только образование финансовой пирамиды, но и обеспечение ее дальнейшего функционирования с привлечением денежных средств и (или) иного имущества в крупном или особо крупном размере – 65,4
Вопрос 6. Охватывается ли термином «имущество» в рамках ст. 172 ² УК РФ упомянутое в норме об ответственности за мошенничество право на имущество?	(1) Охватывается – 57,9
	(2) Не охватывается – 42,1
Вопрос 7. Как следует рассчитывать размерные признаки преступления, предусмотренного ст. 172 ² УК РФ?	(1) персонифицировано, т.е. сумма денежных средств или стоимость привлеченного имущества хотя бы одного вкладчика должна образовывать крупный или особо крупный размер – 23,4
	(2) путём суммирования суммы денежных средств или стоимости привлеченного имущества всех вкладчиков – 76,6
Вопрос 8. В чем заключается предназначение нормы, криминализирующей организацию финансовых	(1) предусмотренное ст. 172 ² УК РФ преступление должно вменяться по совокупности с хищением для усиления ответственности организаторов финансовых пирамид – 46,7

пирамид?	(2) норма, предусмотренная ст. 172 ² УК РФ, является специальным случаем мошенничества – 32,7
	(3) ст. 172 ² УК РФ криминализована организация "не обманных" финансовых пирамид, в том случае, когда происходит хищение, способом которого выступает организация финансовой пирамиды, основанной на обмане вкладчиков, содеянное охватывается мошенничеством – 20,6

В опросе также приняли участие 28 адъюнктов Академии управления МВД России по направлению подготовки «Юриспруденция» (5.1.4 «Уголовно-правовые науки»). Результаты опроса представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Вопросы	Ответы адъюнктов АУ МВД России (в %)
Вопрос 1. Являлось ли целесообразным введение в 2016 г. нормы, предусматривающей уголовную ответственность за организацию финансовых пирамид (ст. 172 ² УК РФ)?	(1) Не являлось, поскольку подобные действия охватывались нормами о хищении, привычных уголовно-правовых инструментов было достаточно – 14,3
	(2) Являлось, поскольку нормой охватывается также организация финансовых пирамид, которые основываются не на обмане вкладчиков, а на предоставлении соответствующей действительности информации о том, что выплаты предыдущим вкладчикам осуществляются за счёт средств новых вкладчиков – 85,7
Вопрос 2. Распространены ли финансовые пирамиды, которые основываются на предоставлении вкладчикам реальной информации о деятельности такой организации?	(1) Распространены – 42,9
	(2) Не распространены, встречаются на практике редко – 32,1
	(3) Случаи организации подобных финансовых пирамид единичны – 25
Вопрос 3. Обладает ли общественной опасностью	(1) Обладает – 71,4

<p>организация финансовой пирамиды, в которой до сведения вкладчиков доводится информация о предоставлении имущественной выгоды одним лицам за счет активов, привлеченных от других?</p>	<p>(2) Не обладает, поскольку в таком случае вкладчики способны оценить риск собственных действий по передаче денег и (или) иного имущества – 28,6</p>
<p>Вопрос 4. На какие интересы в первую очередь посягает преступление, предусмотренное ст. 172² УК РФ?</p>	<p>(1) На имущественные интересы граждан и организаций – 53,6</p> <p>(2) На публичные экономические интересы, состоящие в стабильности предпринимательской, инвестиционной и иной законной экономической деятельности – 42,9</p> <p>(3) Свой вариант: оба варианта верны – 3,6</p>
<p>Вопрос 5. Охватывается ли деянием, предусмотренным ст. 172² УК РФ, осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества?</p>	<p>(1) нет, нормой охватывается только организация, то есть действия связанные с образованием финансовой пирамиды, которая имеет цель привлечь денежные средства и (или) иное имущество в крупном или особо крупном размере – 42,9</p> <p>(2) охватывается, поскольку под организацией в рамках ст. 172² УК РФ следует понимать не только образование финансовой пирамиды, но и обеспечение ее дальнейшего функционирования с привлечением денежных средств и (или) иного имущества в крупном или особо крупном размере – 57,1</p>
<p>Вопрос 6. Охватывается ли термином «имущество» в рамках ст. 172² УК РФ упомянутое в норме об ответственности за мошенничество право на имущество?</p>	<p>(1) Охватывается – 60,7</p> <p>(2) Не охватывается – 39,3</p>
<p>Вопрос 7. Как следует рассчитывать размерные признаки преступления,</p>	<p>(1) персонифицировано, т.е. сумма денежных средств или стоимость привлеченного имущества хотя бы одного вкладчика должна образовывать крупный или особо</p>

предусмотренного ст. 172 ² УК РФ?	крупный размер – 35,7 (2) путём суммирования суммы денежных средств или стоимости привлеченного имущества всех вкладчиков – 64,3
Вопрос 8. В чем заключается предназначение нормы, криминализирующей организацию финансовых пирамид?	(1) предусмотренное ст. 172 ² УК РФ преступление должно вменяться по совокупности с хищением для усиления ответственности организаторов финансовых пирамид – 53,6 (2) норма, предусмотренная ст. 172 ² УК РФ, является специальным случаем мошенничества – 21,4 (3) ст. 172 ² УК РФ криминализована организация "не обманных" финансовых пирамид, в том случае, когда происходит хищение, способом которого выступает организация финансовой пирамиды, основанной на обмане вкладчиков, содеянное охватывается мошенничеством – 25